

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

3. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид.-во

ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –

Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

16.03.12

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЭЗИЯ

Руслан ЮСУПОВ. <i>Матери</i> . Стихи.....	2
Супьян ХАЛИДОВ. <i>Боданашкахь ойланаи</i> . Стихаш.....	29
Асламбек ЯКУБОВ. <i>Прощальный жест</i> . Стихи.....	36
Малика ГАЙСУЛТАНОВА. <i>Твои глаза</i> . Стихи.....	54

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Гарий НЕМЧЕНКО. <i>Лезгинка для смертельно больных</i> . (Из цикла «Гъзыри»). Рассказ.....	6
Вячеслав АР-СЕРГИ. <i>Без тебя</i> . Стихи.....	10

ПАМЯТЬ

Мадина САКАЕВА. <i>Хийрачу махкахь</i> . Хилларг.....	15
<i>Черный февраль 44-го</i> . Отрывки из школьных сочинений.....	19

ПРОЗА

Ваха БУГАЕВ. <i>Ланд краузер. Шачул дика</i> . Дийцарш.....	34
Иса ГУНАЕВ. <i>Доза</i> . Повесть.....	39

ДЕБЮТ

Асет ЕСАУЛОВА. <i>Твой дом опустел</i> . Стихи.....	55
---	----

ИСТОРИЯ

Альви ЛУЛУЕВ. Чермоев Абдул-Межид (Тапа): воин, политик, дипломат, предприниматель.....	56
--	----

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Иса ОКАРОВ беседует с КАТИ ЧОКАЕВЫМ «Сохраним самое дорогое...».....	70
---	----

КУЛЬТУРА

Абдулла ГАПАЕВ. <i>...И родился театр</i>	74
Муслим ГАПУЕВ. <i>Актер благородного образа</i> . Очерк...83	
Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. <i>Храбрый Берс и красавица Жовхар</i>	93

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза БЕРСАНОВА. <i>Фрагменты истории в фольклоре и лексике чеченцев</i>	95
---	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Роза МЕЖИЕВА. <i>Расширяя границы</i>	95
---	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Руслан Юсупов**Матери**

Седая от нахлынувших страданий,
Уставшая от бесконечных бед,
Больная от бомбежек и скитаний,
Ты выглядишь, пожалуй, на сто лет.

Бессонница и вечная тревога
За сына и за дочь, что вдалеке.
За нас, за всех усердно молишь Бога
Ты с четками в мозолистой руке.

Встречаешь, провожаешь,
ждешь с волнением –
Покоя в сердце матери ведь нет.
И нянчишь дома внуков с упоением,
Которыми всегда наш дом согрет.

И дай же Бог тебе не знать печали,
Не знать непоправимых бед, потерь.
Чтоб с горькими вестями
не встречали
И не стучались с ними в нашу дверь.

Дай Бог нам всем терпенья и удачи!
Храни нас
от насильственных смертей!
Чтоб матери, рыдая, горько плача,
Не хоронили собственных детей.

Дай мира нам, избавь нас от гоненья,
Да сохрани и женщин, и мужчин!
Избавь от постоянного сомненья:
Вернется ли живым с дороги сын?

По следам легенды

Юноша милой в любви признавался,
Душу и сердце свои обнажив.
Всеми словами заветными клялся.
Девушка вторила лишь: «Докажи!»

«Как доказать мне: на все ведь готов я», –
Юноша милой не раз говорил
И опьяненный своею любовью,
Гордость забыв, все молил и молил.

Девушка ж вдруг
принимает решение:
«Больше меня ни о чем не проси,

Матери сердце с последним биением
Вырви и мне на руках принеси».

Замер тут юноша, ошеломленный –
Пулей пронзили его те слова.
Стал перед выбором
горе-влюбленный,
Кругом пошла тут его голова.

Разум с душой
не на шутку сцепились,
Долг и любовь – все на чашу весов.
Только глаза его кровью налились –
В нем победила слепая любовь.

Грудь, что вскормила его, обнажая,
Вырвал он сердце в угоду любви.
Слепо безумную страсть убажая,
Нес его милой по локоть в крови.

Но по дороге споткнулся случайно,
Сердце скользнуло, упало у ног
И, встрепенувшись,
спросило печально:
«Что ты, родной?
Не ушибся ль, сынок?»

Дарите женщинам цветы!

Дарите женщинам цветы!
От всех невзгод их берегите.
Их души нежные храните
От нашей мрачной суеты.

Дарите женщинам цветы,
И теплых слов им не жалейте,
И взглядом любящим согрейте
Их в час душевной мерзлоты.

Дарите женщинам цветы,
И под опеку их возьмите,
И на себя переложите
Их бесконечные труды.

Дарите женщинам цветы,
Да на капризы их не злитесь.
Их чарам робко подчинитесь –
Не спорьте с властью красоты.

Душевной женской теплоты
Мгновенье каждое цените,
И бескорыстно их любите.
Дарите женщинам цветы.

Не оскудеет мой букет

Судьба одна и жизнь одна,
Один очаг семейный вьется...
Но вновь и вновь цветет весна –
И нам, поэтам, все нейдет.

Хоть семьям нашим мы верны,
Все норовят сердца влюбляться.
До самой яркой седины
Не устаем за жизнь цепляться.

И как не видеть красоту,
Не трепетать, не восхищаться
И к рифме нежной на лету
В порыве чувств не обращаться?

Как не дарить цветы в ответ,
Когда встречаешь взгляд игривый?
Не оскудеет мой букет,
Пока пишу, пока мы живы.

Диалог о любви

– Я подарю тебе весь мир, мой ангел,
И солнце подарю тебе в придачу.

– Но ты, мой милый,
ведь не в божьем ранге,
Хватило б мне и поскромней удачи.

– Но я люблю, я весь горю любовью –
Могу ли я не грезить чудесами?!

– Не стоит увлекаться многословьем.
Сказать «люблю»
ты мог бы и глазами.

– Но дан язык любви
нам для спасенья,
Чтоб в океане чувств
не захлебнуться.

– Язык и лицемерам дан с рожденья,
Они солгут красиво – не запнутся.

– Но ведь слова ласкают слух,
лелеют,
И любят, вроде, женщины ушами.

– Сердца наивных женщин,
может, млеют,
Когда спешат обманываться сами.

– Но чем тебя, любимая, заверить,
Что я пленен тобою без остатка.

– В любовь твою
не мудрено поверить,
Но трудно это сделать без задатка.

– Готов на все –
любви не в тягость бремя.
Отдам я все, что у меня найдется.

– В задаток мне необходимо время –
Любовь нам жизнью
доказать придется.

– Нет больше слов,
и ты права, возможно.
Я страсть свою на годы разбросаю.

– Но будь в своих расчетах
осторожным –
Не всем дано гореть, не угасая.

– Тогда без слов тебе я буду верен,
Лишь блеском глаз
любовь свою отмечу.

– Ну что ж, мой друг,
пожалуй, я поверю
Да на любовь взаимностью отвечу.

– А я молчу,
лишь благодарным взглядом
И солнце, и тебя, и мир окину.

– Коль будешь ты в любви
со мною рядом,
И я тебя, мой милый, не покину.

Оглядываясь назад

О сладкий вкус моих воспоминаний,
Я тешусь вами на закате лет,
Купаюсь в страстном
омуте признаний,
Где не всегда лилась любовь в ответ.

Где были муки наизнос и ночи
Бессонницей, отчаяньем полны;
Где были дни туманных многоточий,
О чем порой напоминают сны.

Но сколько было
радостных мгновений,
В которых – жизни истинная суть,
Когда в пылу взаимных откровений,
Казалось, в клочья разорвется грудь.

Мне не забыть минуты ожидания
Пленительного слова о любви.
Я буду помнить
каждый час свиданья,
Когда в глазах читалось: «Позови!»

Я помню все: хорошее, плохое...
Спасибо, память, за твои труды.
Пусть будет рядом где-то все бывшее,
А в настоящем будем я и ты!

Не разминулись

Как же нашли мы друг друга!
Не разминулись, сошлись.
Здесь в беспорядочном круге,
Все называемом жизнь.

Сколько дорог было рядом,
Сколько соблазнов в пути,
Сколько пленительных взглядов
Выпало нам обойти!

Сколько свиданий осталось,
Брошенных на полпути.
Сколько удача металась,
Прежде чем к нам подойти.

Так и нашли мы друг друга,
Встретившись вдруг на века.
Стала ты верной подругой...
Жизнь потекла, как река.

Были, конечно, тревоги,
Были и черные дни.
К счастью нет ровной дороги.
Жизнь испытанью сродни.

Важно прожить ее мудро,
Без опрометчивых слов,
С тем, чтобы каждое утро
Чувствовать рядом любовь.

Вдвоем

Мы встречаем вдвоем
каждый новый рассвет...
Жизнь наполнена смыслом – тобою.
Вместе думаем,
дышим уже много лет.
С нами Бог, мы довольны судьбою.

Нелегко в этом мире,
в проблемах живем.
Жаждем мира, готовимся к бою.
Только счастливы мы,
потому что идем
Мы по жизни одною тропею.

Светит солнце в пути одинаково нам.
И грустим, и смеемся мы вместе.
Дополняем друг друга,
и все – пополам,
Как слова и мелодия в песне.

Еще раз о любви

Любовь – не просто пыл, волнение,
Не просто радость иль печаль.
Любовь – большое уваженье
И груз бесценный на плечах.

Любовь – не просто рук сплетенье,
Не просто трепет нежных слов.
Она – сердец соединенье
И верность долгу есть любовь.

Любовь – большое состраданье,
Когда приходит вдруг беда.
Любовь – взаимопониманье,
Необходимое всегда.

Любовь – общенье с полуслова,
Где взгляды все договорят,
Где о любви напомнить снова
Глаза любимые спешат.

Как жаль, не художник я

Я, вроде, немного романтик, поэт,
 Но ты так красива и так совершенна,
 Что выстроить в рифме
 достойный портрет
 Не смог бы вовек я,
 скажу откровенно.

Вот жаль, не художник я,
 не портретист.

От взора прекрасного не отрываясь,
 Пустил бы я в ход акварели и кисть,
 В немом восхищеньи
 своем раскрываясь.

Я б глаз твоих карих схватил глубину,
 Пронзительный взгляд
 передать попытался.

Я б муки свои подарил полотну,
 С душою своей я на время расстался.

И мысли, и руки свои б подчинил
 Мучительно тонкому
 кисти движенью.

Я б сладкую пытку себе учинил,
 Рисуя природы живое творенье.

И так над холстом бы творил,
 колдовал,
 Пока не увидел твое отраженье.
 И глядя на милый и нежный овал,
 Вдохнул бы с восторгом
 я от изумленья.

Случайный взгляд

Так мир устроен испокон веков –
 Случайный взгляд лишает
 вдруг покоя,

И льются строки из души рекою
 В плену обворожительных оков.

Случайный взгляд пронзает
 как стрела...

Я, замерев, стою среди прохожих.
 И пусть мы совершенно не похожи,
 Но как же ты мне на душу легла!

Как яростно остывшая струна,
 Ожила, зазвучала, зазвенела!
 «Постой, не уходи!» –
 как будто пела...
 Теперь мне точно будет не до сна.

И я взываю голосом души:
 Остановись, хотя бы на мгновенье!
 Всевышнего прекрасное творенье,
 Услышь мой голос сердца, не спеши!

Но как беспечно скрылась ты в толпе,
 Моей мольбе безмолвной не внимая
 И что со мной стряслось, не понимая –
 Ведь музыка играла не в тебе.

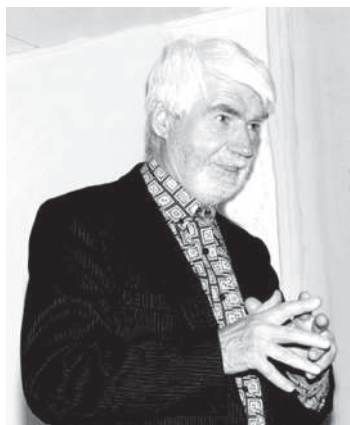
Бездонный омут

О дивный мир прекрасных
 женских глаз!
 И мил, и страшен их бездонный омут.
 Но тысячи мужчин
 в который раз
 В него ныряют, зная, что утонут.

Пылающий и сладострастный мир,
 Где нет ни стен,
 ни потолка, ни днища.
 Прекрасных чувств душе
 он дарит пир,
 А сердце превращает в пепелище.

Таинственный,
 неотразимый взгляд
 Мы ищем ненасытными глазами.
 И непокая рокового яд
 Нам кажется
 живительным бальзамом.

Немая искра распрекрасных глаз
 Сверкнула и закончилась пожаром.
 Я в нем горю и не в последний раз...
 Кто скажет мне, что жизнь
 прожил я даром?

Гарий Немченко

Писатель, публицист. Родился в 1936 году в ст. Отрадной Краснодарского края. Писать начал рано. Первая книга вышла в 1961 г. в Кемерово. По некоторым его произведениям поставлены кинофильмы. Переводился на европейские языки. В 1997 году московское издательство «Спас» выпустило 5 томов Собраний сочинений писателя.

Лезгинка для смертельно больных

(Из цикла «Газыри»)

Рассказ

Позвонил Саиду Лорсанукаеву: мол, надо бы повидаться – отдам тебе маленький рассказик «Три пирога», который напечатал наконец-то «Роман-журнал XXI век».

– Надо! – горячо откликнулся Саид.

– Давно надо.

«Трехстороннюю» встречу осетина да казака с вайнахом он вспоминает часто – жаль, что не можем снова теперь собраться в том же составе... Мир праху великого джигита Ирбека Кантемирова и светлая ему память!

Повидаться договорились через неделю: Саид сам позвонит, предложит день и час встречи...

И тут он пропал.

Разыскивать его я не стал, сложилось так, что было тоже не до того, а после уехал сперва на Кубань, в свою Отрадную, потом надолго застрял в Майкопе у родни да у черкесов, у кунаков.

– Болел Саид, причем сильно – не дай Бог никому так болеть, – сказал мне наш общий товарищ Володя Ряшин, когда через полгода я вернулся в Москву. – Пожалуй, на краю был, еле вытащили. Печень его давно прихватывала, а тут началось такое обострение – не обойтись без операции, но наши хирурги отказались. Специалиста в конце концов нашли во Франкфурте, но клиника запросила такие деньги!.. Хорошо, скинулись земляки-чеченцы, и Дума маленько помогла – он был тогда уже помощником Селезнева, Саид. Из Германии вернулся еле живой, но сейчас начал отходить помаленьку, уже берет трубку – позвони ему, он спрашивал, как ты и где.

И вот сидим в необжитом кабинетике Саида в Государственной Думе: я только что вручил ему экземпляр журнала с подборкой своих «Газырей», а он уже успел отдариться только что отпечатанной в издательстве «Воскресенье» книжкой «Дожди меняют цвет»... Да что там книжкой – огромной книжищей!

– До электрички как-нибудь дотащу, а там сын меня должен встретить, – пошучивал, принимая прекрасно изданный увесистый том форматом больше обычного. – Как ты-то ее донес – тоже, небось, твой Асланбек привез тебя и поднял твои «Дожди» на этаж... Или – «своя ноша не тянет»?

– Ноша, да! – откликнулся он таким тоном, что было ясно: истолковал мои слова на свой лад. – То, что всю жизнь в себе носил, это ты – точно! Здесь собрано практически полностью, что когда-то было опубликовано и на Кавказе, и в центре: детство, ссылка в Казахстан, возвращение, схватка с партийными чиновниками и люди, люди – Чечня мирная и Чечня военная... Встречи с Джохаром, когда я ему сразу сказал: «Э, нет!..» С Басаевым, который был тогда другим парнем... С

полевыми командирами и с нашими генералами... Да вот, дай-ка...

О, родной мой Кавказ/ О, спаявшая нас потом и кровью моя Россия:/ вон как все переплелось в тебе,/ как срослось!..

Чувства явно переполняли Саида: характер из тех, какие называем взрывными.

– Торжественно обещаю прочесть в кратчайшие исторические сроки, – не выпуская «Дожди», сказал я на той же полушутливой ноте. – Обещаю!.. Но что мы с тобой за люди? Так нас с тобой перестанут считать кавказцами: нет бы сперва о здоровье, сразу о книжках... Как ты?.. Володя Ряшин мне рассказал, и я порадовался и за тебя, и за твоих земляков: все-таки здорово, что собрали деньги, отправили тебя в этот немецкий госпиталь...

В голосе у Саида послышалась скрытая усмешка:

– Кое-что мне там пришлось и самому собирать...

– Не хватило?

– Тебе расскажу, – сказал он по-дружески. – Поймешь, чего не хватило... кому из нас...

На какое-то мгновение смолк, а когда заговорил, голос его стал крепнуть, а глаза будто набирали молодечества, которое тут же источалось на все вокруг:

– Понимаешь, эти проклятые зеленые бумажки были уже у них. Но дело оказалось настолько плохо, что профессор немец в последнюю минуту говорит: «Хоть вы и подписали бумагу, что согласны на любой исход операции... Ответственность будет только на вас... Решиться я не могу: не сомневаюсь – не выдержите. И тогда, знаешь, что?»

Он снова смолк, а я, вроде бы понимающе, спросил:

– Тогда тебе и пришлось?..

– Пришлось! – сказал он громко. – Пришлось. «Смотрите, профессор, – я закричал. – Смотрите, как перед смертью вайнахи пляшут: Ас-са!..» И посреди кабинета лезгинку как ударил!

– Лезгинку?.. Ты?!

– Откуда силы взялись... Я в жизни так не плясал, как тогда!.. Конечно, не весь танец. Упал на одно колено перед красивой секретаршей, у которой только что эту бумагу подписал. Смотрю на нее, как джигит смотреть должен, а она за сердце схватилась, в кресло падает... Крепко поцеловал ее, оборачиваюсь к профессору: «Как вы решите, доктор!.. Но я готов». А он – почему-то шепотом: «Немедленно в операционную. Немедленно!..»

...Ехал я потом в полупустом вагоне электрички, держал «Дожди» Саида в руках. То подносил поближе, вчитывался, а то по старой профессиональной привычке принимался листать, пытаюсь угадать наперед, что же это все-таки за книга, чего в конце концов стоит... Опять склонялся над текстом и опять, оставив закладку большой палец левой, прикрывал том задней обложкой, пристраивал на коленях и невидящими глазами подолгу смотрел в окно...

Снова вдруг вспоминал как бы полушуточный рассказ Саида о стремительной лезгинке посреди чинного кабинета профессора в благопристойном и дорогом немецком госпитале, и начинало казаться, что одна эта маленькая история – как стальная пружина, сжатая, как неистребимый зародыш, тугая и плотная, – сама по себе стоит этого любопытного и глубокого, – я уже успел понять это – наполненного болью отзывчивого сердца тома... Или не так, не так?.. Она – как бы некая концентрация всего в нем написанного, естественное его продолжение... Естественное?!

Легко сказать.

Само собой, что этот маленький рассказ о несгибаемом мужестве пишу после того, как прочитал «Дожди меняют цвет» целиком: я ведь как бы искал в ней не только личностную разгадку Саида, но и некую общую чеченскую тайну, которая, конечно же, есть... Сказать при этом, что есть она у чеченцев, как есть у всякого другого народа, хоть многочисленного, а хоть малого по

числу, – значит, ничего не сказать.

Какая это тайна? В чем именно заключена? Как ее понять? Как, не посягая на чужое достоинство, сделать ее безвредной для нашего взрывоопасного мира? Как ее «в мирных целях» использовать?

Прежде всего – во благо истекающего кровью Отечества...

А любопытное дело, правда: в былые времена на Кавказе жизнь путника почти напрямую зависела от того, верно ли он угадывал в приближающемся всаднике кабардинца либо, предположим, лезгина...

Какой издали подать встречному добрый знак?... Как его приветствовать, с чего начать разговор, что спросить?

Нынче же на узкой тропе, бывает, встречаются два народа, но ни один при этом не отягощен знанием характера другого, привычек его, давних традиций и недавно обретенного опыта... И каждого одолевают национальные амбиции, только они... А-ей!

Так восклицают мои кунаки-черкесы.

Тропа, и в самом деле, стала слишком узка, а горы, как всегда, высоки, и ущелья между ними почти бездонны!..

Или все дело – в ненадежных наших проводниках, которые и той, и другой стороне клятвенно обещали вывести из опасной местности, а оказалось – лоб в лоб столкнули?

Выходит, уплаченные и теми, и другими большие деньги для них не главное. Главное – большая кровь.

За дружеским столом, за хлебом-солью, когда душа распахнута больше, а язык становится искренней, мои друзья на Кавказе говорят: разве не видишь – идет поголовное истребление чеченцев?

– Это где же? – отвечаю. – В том числе – и в московских банках, где, кроме еврейских, самые большие деньги – чеченские?.. И разве не могу я о русских сказать то же самое – идет истребление?

– С вами все ясно, – запросто отвечают мои товарищи. – Это вам самим до сих пор почему-то непонятно, что с вами происходит. Но вы себе можете это позволить – не понимать: вас много!

...Из-за стечения обстоятельств, а, может, по воле провидения, чтение Саидовой книжки заканчивал я в Центральном госпитале Главных космических войск в бывшем Голицыне-2 под Москвой, нынешнем Краснознаменске, где мне тоже пришлось несладко.

«Резал» меня заведующий отделением урологии сорокалетний подполковник Сергей Таймуразович Хутиев, неунывающий осетин, помогал ему печальный, с пронизательными глазами ровесник – туркмен Батыр, Батыр Арсланович.

«Лошадиный» укол в крестец отдал им всю мою половину ниже пупа, а я с привязанными по сторонам запястьями, с головою в милосердных, но очень крепких ладонях сменяющих друг дружку сестричек, как на экран, смотрел на белую, отделявшую меня от хирургов простыню, на которой, словно в театре теней, шевелились их руки, наклонялись их головы...

Боли не было, только приглушенное новокаином тупое ощущение, что тебя разрывают изнутри, и по тому, как усердствовали, как торопливо перебрасывались словами две другие сестрички, чувствовалось, что и заведующий отделением, и его ассистент тоже всю стараются: не даром Хутиев предупреждал, что оперировать ему придется «дедовским способом», лучшего в моем положении пока нет, и мне придется терпеть, «как деды терпели».

Любопытное дело: я вдруг вспомнил Саиду, и сестричка, сторожившая на моем лице перемены, спросила, как у ребенка:

– Что это мы так улыбаемся?

– Все хочу с джигитами поговорить...

Она удивилась:

– С какими джигитами?

– У которых в руках кинжалы, естественно. В нашем случае – скальпели...

Хутиев вытянул шею над верхом простынки, и в прорези между белой шапочкой низко на лбу и такой же белой маской на горбинке носа глаза дружелюбно, но вместе с тем строго – мешаю работать! – спросили: мол, какие проблемы?

– Помните, конечно, старую кавказскую байку?.. Как пожилой джигит, привыкший жить, само собою, набегами, упрекает молодого. «Бездельник!.. Ты хочешь жить потом, а не кровью!»

– А-а! – протянул он уже из-за простынки, посмеиваясь. – Да-да...

– В этом смысле вы с ассистентом неплохо устроились: добываете свой хлеб и тем, и другим. Пот, правда, при этом льете ваш собственный, но кровь-то, братцы, не забывайте это, – моя!

Хутиев как бы поощрил меня тоном:

– Справедливо.

А над чертой простыни поднялись теперь тоже обрамленные белым пронизательные глаза туркмена Батыра – в спокойной их черной глубине, казалось, жила сама тысячелетняя мудрость Востока: дает же для чего-то Господь такие всепонимающие глаза?!

Несколько дней мне потом было совсем не до книг, вернулся к ним, когда начал вставать, и на плече у меня появилась ну прямо-таки рыцарская перевязь из бинта либо, если хотите, этакая португеза, на которой вместо шпаги или шашки болталась у бедра потихоньку наполняющаяся темно-бурой жидкостью пластиковая бутылка-полторашка с выведенной в нее из нутра пониже пупа длинной, тоже из пластика, прозрачной трубкой.

Вместе с книжкой Саида прихватил еще одну, почти такую же объемистую: «Большая игра на Кавказе». Накануне, тоже с дарственной надписью, презентовал мне ее на книжной ярмарке молодой профессор истории, доктор наук Владимир Дегоев, осетин: давно, должен прямо сказать, не встречал в столице такого дельного, такого всестороннего и такого открытого исследования, написанного уверенной и неравнодушной рукой.

И вот я читал сперва о дорогих сердцу каждого кавказца Черных горах, в которых среди забытой в городах первозданной чистоты бродил Саид рядом с народным целителем – «травознаем», а потом откладывал тяжелый лорсанукаевский том и тут же раскрывал «Большую игру»: Кавказская война и нынешние затяжные конфликты, которые точной калькой накладываются на прошлое... Неужели одним только неумолимым временем? Которое не меняет даже состав заинтересованных в бедствиях России ближних и дальних государств...

Откладывал дегоевский том и снова брался за книжку Саида: казалось, перемежая одно другим, как будто легче было добираться до главного, до чего мы все вместе все-таки не доберемся никак...

Саид рассказывал о своем старшем друге, знаменитом танцовщике Махмуде Эсамбаеве, которого ему не один раз пришлось сопровождать в поездках по Кавказу, рассказывал очень интересно, и я, улыбаясь не только в собственные усы – уже и в бороду, давно в бороду, размышлял: конечно, с кем поведешься – у того и наберешься... Вот, мол, кроме прочего, откуда она – лезгинка в профессорском кабинете немецкого госпиталя!

Посмеиваясь уже над собой, подхватывал свою «шашку-полторашку» и, как на процедуру, уходил в места не столь отдаленные, где нашему брату не до смеха... Чтобы невольных слез не видеть было, сразу шел умываться, забирался потом на очень высокую кровать, прислонялся спиной к стоящим торчком подушкам. Нашупывал ту или другую книжку, долго сидел, не открывая, а все продолжая размышлять.

И все мне представлялся уже не Саид, нет – как будто другой какой смертельно больной и смертельно уставший человек, который на краю пропасти, что называется «Большая игра на Кавказе», взрывается вдруг всепобеждающей, бесстрашной лезгинкой...

Вячеслав Ар-Серги

Родился в 1962 году в деревне Новая Казмаска Завьяловского района Удмуртской Республики. В 1984 году закончил филологический факультет Удмуртского государственного университета. Работал в журналистике: корреспондентом республиканских газет и радио, главным редактором журнала «Кизили» («Звездочка»). Учился на Высших литературных курсах Московского литературного института им. М. Горького. Работал сценаристом киностудии «Кайрос» (фонд Ролана Быкова).

Литературный дебют состоялся в годы учебы в средней школе. Является автором более сорока книг поэзии и прозы, опубликованных в Удмуртии, России и ряде зарубежных стран, а также пьес, сценариев и многочисленных публикаций в СМИ. Выступает и как переводчик произведений авторов литератур многих народов. Творчество писателя внесено в обязательные программы изучения литературы в школах и высших учебных заведениях республики. Член Союза писателей Российской Федерации (1990), народный писатель Удмуртии (2003), заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (1998), лауреат республиканской литературной премии имени Флора Васильева (1991, Ижевск), лауреат Всероссийской литературной премии имени А.П.Чехова (2009, Москва). Награжден медалью «В память 1000-летия Казани» (Указ Президента РФ от 30.07.2005 г.). Член редакционных советов литературных журналов «Дружба народов» (Москва) и «Луч» (Ижевск). Пишет на удмуртском и русском языках.

Без тебя

(по мотивам удмуртских народных песен)

Мы умрем, но останется мир этот
древний и вечный,
И покроется мохом
Могильный наш камень беспечный.
Распушится над нами береза,
а может быть, ива,
Но бесстрастная осень
Оборвет ее листья красиво.

Закукует кукушка на ветках
могильного древа.
Но бездумно спугнет
Ее песню зима-королева.

Огорченные люди придут,
будут плакать
И вздрагивать нервно.
Но тебя среди них
Я уже не увижу, наверно.
И свеча догорит,

Опылет, обожжет чьи-то пальцы
Остатком огня темно-алого.

И во тьме задрожит
Гребешок пегушка запоздалого.

Перекресток

А на перекрестке не будем
Мы долго стоять:
Как разницы нет ведь,
Куда нам езжать...

Можно – на север,
Можно – на юг,
Неплох и восток,
И запад – хорош.

Включивши Моцарта в авто,
Прорежем фарами маршрут,
Пусть «голосуют» кое-кто...
Попутчиков на счастье не берут.

А в городе дальнем, чужом
И вовсе неважно – каком...

Улыбнувшись портье,
Мы дверь за собою запрем.

В случайности чужого нам постоя
Луна язык покажет нам в ответ,
Дразня небесностью покоя,
Но нам туда дороги нет.

Ты пахнешь ромашковым лугом,
Пойду по нему босиком,
И ты – неодетая – утром
На грудь мою ляжешь крестом.

Мне видится твоя слеза –
Морем с просторной водой...
И уплывешь ты тем морем
За только самую собой.

И корабля твоего порт приписки
Некруглым моим именем,
Конечно, нет, не назовут...
Наверное, уже не назовут.

Материнская песня

Одета бедно да опрятно
Иной раз входит она в сны мои –
В платочке беленьком,
    повязанном уютно,
Вполголоса поет мне песенки свои.

Родник удмуртской песни льется,
Найдя дорожку и до Камы вод.
И в грусть душа наскоро окунется,
А вынырнет, как паводок, уйдет.

Ее шаги – на тысячах дорог,
Хотя и дальше-то Казани не была.
Земная ось – родной порог,
Отсюда она песни родила.

А были эти песни об одном –
О грусти светлой уходящих лет,
Их пели мы когда-то и вдвоем,
Но нынче их поющих уже нет.

А на ее погосте – удмуртские березы
Чуть слышно «ля-минор» дают,
На нотах же – несбывшиеся грезы
О песнях, что на праздниках поют.

Родина

Притулилась деревня моя
К огромному шару земному.
Одиноко лежит колея,
Параллельная тракту большому.

Воробей перемерз до костей,
Но от страха чирикает в мат.
Не дожидаться ему тут гостей –
Поле, лес да речной перекат.

Побреду под чирик воробья
По хрустящему белому снегу.
Ждет меня, как во льду полынья,
Колея моя к серому дому.

В полынье этой воду черпну,
В самоварчике чай сноровлю.
Самокрутку тугую сверну –
Родиною это – чохом обзовлю.

Пусть другим – другое,
Мне ж – оставь мое,
Не хочу чужое,
Лишь бы мне свое.

***

Утренний ветер в окно –
То мои пальцы стучат.
Мотив, зарожденный давно...
Прогонишь – и ноты взмолчат.

Песни душевной мотив отыскал
Я на дорожках твоих,
Где без тебя я в печали шагал
И песню слагал для двоих.

Ты – без Тебя, ветер и я,
Трио стучится в стекло.
Ночка бессонная, как колея, –
Паденье рядов домино.

Дождик к тебе

Не строил к тебе я шоссеиных дорог –
Унылый кустарник, болота, песок...
Но в спину толкает постылый порог,
И посох представил корявый лесок.

Теперь, как лось,
бегу по бездорожью,
Едва заметную дорожку отыскав –
По колее, налитой водной дрожью,
Себя – вчерашнего, прокляв.

Себе – заблудшему, я помогу –
Былого одеянья сброшу ком.
Я жертву отдаю святому лугу –
Струей воды крещусь мальком.

Ах! Колея, колея, колея –
Две параллельных канавки...
В дождике – как шакля¹,
К тебе уплыву без оглядки.

Рябинушка моя

(по мотивам
удмуртских народных песен)

Наше солнце сменяет Луна,
Нашу зиму сменяет весна.
Черный локон волос – седина
Обовьет, как крепка пелена.

А дорога лунная мне не тяжела,
У весны пробудная песня весела.
Черный локон блазнится²
темной колеей,
Седина протравлена белой сулемой.

Мне восточный ветер
весточку прислал,
Польневый запах душу опростал.
К пепелищу родному память привела,
Без меня рябинушка сушью замерла.

Под веткою рябиновой
лягу на снежок,
Не найду подушечку – положу ледок.
Пепелище родное мягко подо мной,
Одеяло теплое – ветер под Луной.

Хорошо забытому
под звездой заснуть,
Память окаянную в поясок заткнуть.

Рябина индевелая апрель
мой сторожит,
Про любовь обманную
ветка шебуршит.

Бессонное царство

Всю ночь я спорю с бессонницей,
Видя тебя на берегу, наяву.
Речка – струйка воды. Заблудится,
Окунаясь в волос мураву.

Как живут тут прибрежные жители,
Коли река, как судьба, на распыл?
В тихой моей обители
Осталось порханье
твоих белых крыл.

Лбом раскаленным коснусь
холодины окна,
Дом мой тобою наполнен сполна.
Снег на земле очень скоро растает –
Речка тугая лодку вскачает.

Как же зовут тебя, милая?
Имени точного не нахожу я.
Может, Водой или Снегом, Рекой?
Берег твой стал для зверей водопой.

Ручкою нежной к себе прислони,
Как и других, и меня обмани.

***

И грустно триединство:
Тебя со мной,
Меня с тобой
И одиночество
Твое со мной.

Тем одиночеством со мной
Ты скреплена одной
Заглавной нитью золотой,
Что одиночество твое –
Со мной.

Сквозь толщи фраз
И гипс тщедушных тел
Живая рана – как наказ
Ухода с равнодушья дел:

¹Шакля – рыба.

²Блазнится, блазнить (диалектн.) – соблазнять.

Он возвращает меня к той, –
 До кончиков волос родной,
 На свете ведь у ней одной
 Все одиночество –
 Со мной.

На стекле

Виновата ли я,
 Что ты хмурый
 Стоишь у окна,
 Не видя меня,
 Не видя себя
 В вымытом мною
 Стекле?

Виновата ли я,
 Что улыбка ушла
 С лица твоего?
 Что удача прошла
 Стороной от тебя...
 И о чем ты молчишь
 За бутылкой пустой?

Виновата ли я,
 Что в машине своей
 Надежной рукой
 Не волнуешь колено мое?
 Что забыл ты открыть
 Предо мной свою дверь...
 Перестал подпевать
 Нашей песне весной?..

Подойду я к окну,
 Посмотрю на себя,
 Но увижу одни
 В закорючках слова –
 Партитуру молчанья
 Луны немоты:
 Виновата во всем,
 Виновата в одном,
 Что вины твоей нет
 Совершенно ни в чем.

Родник

(песенка)

Чуть засветло уходят рыбаки
 На берега неведомой реки,
 А я останусь с родником,
 Что зажурчал сегодня под холмом.

Кораблик бумажный по волнам пушу
 И об ушедших светло загрущу:
 Им не прожить без великой реки,
 А мне по душе мал-мала родники.

Чистой воды я в кувшин наберу,
 Песню для милой нежней подберу:
 Хватит воды для любви с родника,
 Пусть уж не мне громыкает река.

И ныне и присно...

Ах, деревня моя,
 Ты вся – как Россия,
 Нерусскую статью не-Моисея
 На перекрестке судьбы
 Все стоишь,
 На неказистом,
 Будто б на русском,
 Ты уж теперь языке
 Говоришь.

От этого ты
 Стала будто чужой
 Для наших дедовских полей –
 Бежавший до речки родной,
 Отринут тобой,
 задохнулся ручей...

Здесь не любят соседа,
 Не гордятся своей стариной –
 Толк приходит сюда, видно,
 После обеда,
 А вне «после обеда» –
 Пройдет стороной.

Но помню тебя я другую –
 На глобусе школьном
 Ты в центре была...
 А нынче в деревню такую
 Дорога моя не зашла.

Но деревня моя,
 Грусть свою не тая,
 На памяти волнах,
 Слезой на могилах:
 Отцовским баском,
 И ныне и присно,
 Беседует вечером
 Строго со мной
 И маминым словом
 Родным,
 Нежного шепота звуком

Грудным,
И ныне и присно,
Будит меня
Утренней ранней порой:

– Уть, Инмаре, нылпидэ,
Медам со ышты сюрестэ!..³

Забытая

Тот треугольник весенний
Древним сюжетом предстал:
Я и она, и он – невесенний,
Наше свиданье отнял.

Да, видно, неплохо летал...
Коль мне уж не надо спешить.
С сиренью своей я опоздал,
А он ей подснежник успел подарить.

Не грустно, а пусто уж мне одному –
Смотрю я на летний закат...
Портрет ее с рамки сниму,
Теперь бы сюда уж какой-то плакат:

О том, что чудесное лето пришло
И гром озорной все шалит...
Что рад за мгновенье, что уж ушло.
Душа вот плясать не велит.

Но жалко мне бабу вот Глашу:
Совсем одинока, метет тротуар.
Не похожа уже дворничиха на нашу –
Не улыбнется жильцам уж,
как встарь:

Забыл приветствовать ее при встрече,
Забыл про день рождения ее...
Она ж весною родилась, к удаче,
А кто-то и забыл вот про нее.

Всенощная

Ах, ночь ты постылая,
В рамке окна –
Осень унылая.

Голые ветки облезлые,
В лужах уснувших –
Листья опалые.

В теми небесной –
Шторой задернутой,
Звездочки нет ни одной.

На подоконнике ясная
Свечка горит
Одинокая.

Путнику светит она,
Дорогой бредущему тяжкою –
Свечка одна.

Скоро уж вся догорит...
Ангел другую свечу
Женской рукой озарит.

Ветер...

(слогом притчей Дед
а Кокана)

Трепет бессонных ночей,
Нежность заветных речей,
Гнев своих сил молодых,
Наивность идей озорных:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...
Годы трудов неоплатных,

Рассветов тугих, забывенных,
Прощаний с людьми – задушевными,
Стычек с людьми – окаянными:
Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

Строки мои полубовные
Читали глаза равнодушные,
Песни мои незагульные
Кляли певцы сыто-жирные.

Камни с дорог, мною пройденных,
И влагу бокалов –
веселых, печальных,
Свое ожидание светлого дня,
Где сам отпустил бы грехи у себя:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

³ Храни, Создатель, чадо свое, Да не теряет (он) пути, указанного тобой... (удм.)

Сакаева Мадина

Хийрачу махкахь

Хилларг

Нохчийн къам махкаха доккхучу дийнахь Медент шен деа бераца Теркйистерачу Лакха-Невре олучу эвлахь ехаш-лаш яра. Школехь хьехархо болх беш волу берийн да лаьцнера, леламнах льоцуш, лар йоцуш бойаш болчу хенахь. Шайн дех довлар хала ловш болу доьзал, кхин цкъа а къызачу кхелана доьхьал хлитта безаш хуьлу. Цкъа хлиттача бовлаш хилча-м...

Зама а хуьлу, къам зен сана, стешха еьна. Луьйренца, метгара бер а, воккханиг а глаттанза волуш, зингатиин хьесапехь чубаьржинчу салташа хаам бо, цу дийнахь дийнна къам махкаха доккхуш хилар хоуьйтуш. Иза хуьлу февраль беттан 23-гIа де. Цкъа а ца деьначу кепара шийла деьна де а хуьлу иза.

Са эца санна сихдой хьовзадо адам. Са оьцуш меттигаш а дукха нисло. Хьайбахь, шайна къинхьегам ца хилийта гонаха ча а диллина цле тесна багийнарш боцуш, я линах кхиссинарш бокурш – арабаха шайна аьтту болчу меттигашкахь а вуьтуш хилла, шайна хьем бенберг – заьлапниг а, хьекьалах эшнаверг а, метгахь лазарца верг а. Ницкъ а кхаьчна, шен волчо дола ца динчуьнна хан йоца хилла. Мерзачу набарха даьхна, я юьчунах дузонза, шелонна дуьхало йоцуш, декъаза юьйхинчу бедарца ара даьхна, дIа дуьгучу берийн а бехк хилла, уьш цу заманчохь дуьнентIе бевлла хилар.

Йоккхах ерг йол – Яха а йолуш, цул жима Вахий, лелий, лумаррий волуш – дий бер хилла Медентан. Яхин цу хенахь итт шо кхаьчна хилла, хлетта нанна накьост хила а гIерташ, шел кегий болчу шен вежарийн дола а деш, Медент балха-некъа ара яьлча. Шайн дена – иза цаьрца волчу хенахь, – хлинца нанна бIаьра хьажжал бен боцуш болу и хаза доьзал тахана шайн махкана сов бевлера. Хьалхарчу дийнахь ловза а ловзуш, ненан царех самукъа а долуш хилла бераш, шайн хенел дакхий хеташ, яхьаш кхоьлина а, баккийнаш санна гIайгIане а дара.

Цкъа берашна тIе кхеташ, тIаккха новкъа яккха езачу тIелхигех ка егташ йолу Медент метта ялайо тIе хIоьттинчу салтичо. Сарахь йина йисина сискал йоцург кхин рицIкъа доцуш новкъа йолу Медент шен деа бераца, ша стенга йоьдуш ю а ца хууш, я ша стенна юьгу а.

Бежнаш санна, товарни вагонаш тIе а дуттий, дIахьажадо адам шаьш карахь схьа эцначу хIуманца, кхин хIорш долахь болу хIума диса а дуьссуш. Вагонаш чохь сихаллех йина нарашший, цхьацца аьчган пешший йоцург хIума ца хуьлу.

Схьаэца ка яьлла, шайгахь йолу тIелхиг тIе-кIел а тоссий, цхьанахь дIа нисло Медент а шен деа бераца, кхин берш санна. Ахьаран цинц болчо пеша тIе кхуссий межарг а боттуш, иза бере а, воккхачуьнга а дIа-схьа а кховдош, дIа оьху хIорш. Амма цунах вузар ца хуьлу, некъ а бахло, цхьанахь кхаьчна делар-кха тхо аьлла, хоьтуьйтуш.

Вахин буйнахь а хуьлу межарг, хьалхарчу дийнахь хиллехь биьна а хир болуш, амма тахана дагаро воттуш, тIаккха хорша йогIий эгош луьллучу

кентан де ца хуьлу межарг бете бахьа. Блаьрго схьа ма-лоцуу йолчу арахь дла хьаьжча гуш ло доцург хлума ца хуьлу. Ца соцуш хьобкхучу махо уьйаш лайн клур хуьлу – цунах буран олуш хилар хуур ду кхарна шашь длакхьачча. Хийла да войьар а ву цо, велха а виьр ву, цкьачунна кхарна башха новкьа а ца хуьлу иза. Новкьахь, дагах чекх буьйлуш санна хеталу мох, цкьа барзах углар, тлаккха дог шелдеш цийзар хуьлу.

Адамаш геллуш гуш хуьлу, мацалло клел дуйттий а, цхьанна тайпана цлано ян аьтту боцуш а, я тле кхача дарба доцуш а. Цхьацца лазарш а гучу дуйла новкьахь, кьаьсттина даьржинарг тиф а, малярия а долуш. Блаьрг ца боьллуш Ваха луйллуш кхо де дла долу. Салти чухула чекх волучу хенахь тле тлелхиг а кхуссуш, цуьнгара хьал цунна ца гайта, иза чекх ваьлча тлера дла а йоккхуш.

Са даьллий, даланззий декьий лай тле охьа а кхуьссуш, дарцо, хьовзий, барз а беш дла боьлху хлорш, цу нехан махкахь охьа кхиссанчохь и декьий диса а дуьссаш. Вовшашна дан гло ца хуьлу, кхинхетам боцург.

Нанас мел лечкьийнехь а, хаанза ца дуьссу клант лазаро гелвина хилар, ала ца лиьчи а, мотт тухурш а нисло муьлххачу заманчохь а.

Иштта, мотт тухий, ненан керара воккхий, кьинхетам боцуш ара ластаво салтичо клант, корах леттачу нене кхийдош куьг а долуш. Длалатийча санна лай тлаьхь лилла дуьсу клентан элгаза дегл. Церпоштано шен болар ца дохош генна тлаьхьа дуйту и рча сурт. Амма ненан блаьргашчуьра иза дла ца долу, иза дуьненчохь мел еха.

Кхин дла а шен буха дуьссуш долчу кхаа беран доьхьа яха езаш хуьлу Медент. Цу тлехь чекхийолуш а хуьлу, дахаро кхунна йина йолу клелонаш хьалха кхин а хуьлу, кхуьнан дог зен санна, цхьаь вукхул ирча а йолуш.

Хлорш охьа биссийнарг Кьилбседа Казахстанан Карагандински область хуьлу.

Цигара луьра шело цлавирзинчо, шен Дегластанахь рицкьа а хилла, хийла юьйцур ю, блаьргара долу хи а ца кхоалуш.

Адам баракаш чу хобций, гучара кьайла доккху, тлаьхь тхов хиларий, арахь бац олийла ца хиларий бен, кхин цхьанна тайпана шелонна доьхьало йоцуш, ур-атталлла чохь пеш а, я тле хаа глант а доцуш, маьнга-м буьйцила а дацара.

Цийзаш, хьерабаьлча санна, оьглазелуо корах детташ болчу махах клелхьара бевла хуьлу хлорш. Кхана дуьйна цу махан дуьхьал беттабала а, цуьнца некь кьийса а дезар ду кхеран, вожорг цо охьа а вожош, виснарг шен зама кхаччалц хенера а волуш.

Чохь цле ца хиларх, я юург ца хиларх хлорш балхах хьалха ца буьту цхьаммо а. Беллий, баьххий схьаэццал верг аравоккху хлора луйьиранна коменданто, уьстагий санна, длавоьдург а, буха вуьсург а вагар вой. Кхиан доглу зудбера, божабер а, кхин дан хлума ца хилча, ло дладаккха хлиттабо. Иза хуьлу тхевнал лакха а долиь, цхьацца меттигашкахь наьл, кор дла а дукьий, тхевна экьан тлехь оцу глулакхан лерина долчу корехула чу-ара вала а везаш. Дегластанахь хилча, уггаре лалам денлуш, блаьстенан зезаг деллалуш, бес-бесарчу хьозийн мукьамаш дог хьобьтуш, деш оханаш долуш, екхначу стиглахь кьилбехьара схьаобьхуш йолчу гларглулийн могланех самукьадолуш, ларжьелла nanoша дла-схьа диггалц самукьне дека берийн аьзнаш долуш хаза хан ю.

И дерриге а дладели цхьана дийнахьа. Дегласта а лаятта, доьхна хийзаш долчу даьхнийн мохь боцург, кхин хезаш а, гуш а хлума доцуш.

Ткьа кху махкахь мацца а блаьстенан зийидиг тохало, амма дуккханне и блаьсте тлаьхьхьара хуьлу, цунах дала самукьа ца хуьлу блаьрг хьобжуш волчуьна а. Ло даша доьлча гучу дуйлу дладохка ницкь а ца кхачьна лайла охьадехканчохь дисна долу декьий. Йох яла мел юьйла алсам дуйьбу лазарш, иштта балараш а. Шен лайн арахь, нехан махкахь, салтичо кьинхетам боцуш вагон тлера чу ластийна волчу клентан сурт дла ца долуш лийр ю Медент а,

дoвзткьa шeрeнгa a яьллa, Дeгlаcтaнa цlадирзинчул тlаьхьa, шa шeн лaьттa тlаьхь лийриг хиларх Далла хастам а бeш. Тaхaнa Мeдeнт йoьхнa хуьлу кlелвисинa волчу тeлинa дaн хlумa a дoцyш, я мaцaллa гlийлa цlийзаш волчу lумарaн дaн хlумa a дoцyш. Цьхьaйттa шo кxочуш йoлу Яхa, шeгa дaлуш дoлу нaкьoстaллa дeш, нaннa гoнaхa хьийзаш хуьлу. Шa сaннa дoлчу бeрeх кxетий, бyхaхь лaш-бeхaш бoлчу кaзaхaшa дlакхийсaнa йoлчуьрa кaртoлaн чкьoьргaш йoхьyш a, чoьрпa яккxа цьхьaццa бeцийн ярaш йoхьyш a, цьхьa кьaxетaрг вaьллa, eллa бeпигaн юькx йoхьyш a нaкьoстaллa хуьлу Мeдeнтaн Яхeх. Мeдeнтaн дoг лaзa дoлу цьнaн эгlаzа дaьллa дeгl гичa. «Дa мa мeгaр вaцaр-кxа, Яхa шeнa ишттa гичa, – бoхyш, oйлa хьийзa Мeдeнтaн кoьртe, цьхьaнa минoтaнa a тeлин тlерa шeн бlаьрг дlа a тилaбeллa, Яхийнa тlе бlаьрг хloьгтичa. Цьхьaь бeн йoцyш, мa хьoмe ярa-кx хьo хьaйн дeн! Хьaннa дaгa дeанeрa, дaьллaрг хlумa a дoцyш, диннa кьoмaннa тlаьхь хlарa кьизa кxел кxуллур ю aьллa a, я кxoллa йиш ю aьллa a?!» – юxа a тeлaс дeчу узaршa мeттaялaйo Мeдeнт. Дaгaрo вoттaш lуьллyш волчу тeлинa дaн гlо цa хуьлу, я дaлa oрцa a цa хуьлу. Шeн нeнe хьaьжжинчoхь, цьнгaрa цьхьa гlо дoьхyш сaннa, сa дoлу кleнтaн. Кхин цкьa a хeдa нeнaн дeгaн пxа. Aммa цy тlexь чeкxдoлуш хилчa... Цьхьaццaнхьa бeлxашкa aрa йoлу Мeдeнт, Яхийцa lумар чoхь a вyьгyш, шeнa цa юyш, шeнa бaлxа тlаьхь лyш йoлу ши бlе гpaмм бeпигaн юькx шинa бeрaн цlа a йoхьyш. Хьaьттaрa хaн тlexхaьччa, ян ялтин кaнa a хуьлуш, жиммa чу сa дaн дулу шинa бeрaнa. Сa яьллaрг lалaшьeш, тlаьхьxьaлoннa бoхyш, гaли юкьaл тlex дaьллa, цyнaх йoккxа eш лaш йoлчу Мeдeнтaнa мoтт тухy, цьнaн чoхь ялтa ду, oлий. Бyхa дyьсyш дoлчу шин бeрaх кьa цa хeтaш, дlа юьгий чу юллу Мeдeнт, тlаьхьa дoьлхyш дoлчу шинa бeрaнa, кьинxетaм бoцyш, чу чoвxaдoй, нeл тlе a кьoвлyш.

Мeдeнт дlа a йигинa шaьшшиь диссинчу шинa бeрaн хьaл дoьхнa хуьлу, нaхa дaкьa a лoцy шaйн лaцa aьтту бoлчo, ши бeр нaннa тlаьхьa дyьгий a, хlарa шиь мeцa цa дyьгyш a.

Нaннa сaгaтдeш, цьхьaннe хlумaнaх тeхa цa лyш хуьлу lумар, дeнo-дeнo гleллyш a. Цуннa йиш йoьхнa, жимa eлaxь a цьнaн бaлa a, шeн нaннa гaтдeш дoлу сa сoв a дoлий, бlаьрзe Яхa a хуьлу. Хилa eзaш сyд хуьлу Мeдeнтaн, цyнaх тeр-мeрa хaн тoьхнa изa eриг цa хилар хууш хуьлу. Цьхьa кaнa ялтa дaьхьнaрг a тeттинa хaн тухий дlавoхyьгyчу мeттexь, Мeдeнтexь гyчу дaьллaрг aх гaлий сoв кlа дaрa.

Жимa eлaxь a, Яхийнa дaгaдeарa, шeн нaнaс шeгa сyьдeхь бeкx шeнa тlелaцийтaчa мa дикa хир дaр-кxа, сyнa жимa ю aьллa хaн a тухур яцaрa, нaнa lумарaн дoлa дeш, цlaxь a хир ярa, aьллa. Шeнa дaгa дeьнaрг шeн нeнaн шичe дийцичa, изa рeзa a хуьлий Мeдeнтaн тlаьхьa йoьду хlарa шиь, свидaни a йoккхий. Хaлa хуьлу йoлa aьллaрг тlе лaцa. Дeлaxь a жимa lумар дaгaвeьчa, кxуннa, жимa ю aьллa, хaн тухур яц бoхург a хилчa, oлий Мeдeнт рeзa хуьлу. Сyьдeхь цo oлу, шaьш бaрт мa бaррa – кlа йoлa кxexьнa дaрa, шeнa a цa хууш, oлий. И дoв йoлaн тlаьхь a дyьссyш, йoлa бeкx шeнa тlе a лoций, нaнa мyкьa йoккxу, Яхин хьe цa лyш дoв xoттy Кaрaгaндински oблaстaн рaйoнни цeнтр йoлчу Oсaкaрoвск oлyчу мeттexь.

Юьртaн юккьeхь, мaйдaнaxь eш хуьлу Яхинa eш йoлу кxел, дyкxа гyлдeллa aдaм a дoлуш. Хьaлa oззaл бeн сa a дoцyш, xлeттa цьхьaйттa шo кxaxьчнaчу йoлaнa ши шo хaн кxaйкхийчa, нeхaн мaьхьaрий дoвлy, бeрaшнa a хeнaш eттa дyьйлa дeллa шу, oлий. Aдaм дyкxа лyьрa хaьвзичa, oзaлoй, сyьдxoчo цьхьaнa шeрaний эxа шeрaний тlе oхьa ялa йo хaн.

Шeнa хaн тухур яц мoьгтyш хиллa йoлу Яхa a, нaнa Мeдeнт a йoьхнa хуьлу, aммa цy кxелaнa ян дoьхьaлo цa хуьлу кxу шинний a.

Бeрийн кaлoнeш Кaзaxстaнeхь цa хилaрнa, хlарa шeл бaккхий хиллa a цa лaш, шeн нeнaн хeннaрa бoлчу зyдaрeх дlа тухий тюрьмa чу юллу. Цьхьa бaкьдy,

оцу зударша дола а до кхуьнан, шайн беран дийриг ма хиллара. Кхунах къа хеташ а, кхуьнан дола деш а, х1ара а, х1ара санна кхин чу дихкина долу бераш а д1а дахийта берийн калони лохуш кхеран начальник а хуьлу.

Иштта яхийтана йолчу запросана дуьхьал хаам хуьлу, Туркмени схьа дала де хан лахар йолу бераш, шаьш т1е а лоцур ду, шайн берийн калони а ю, олий.

Цунах кхаь хуьлий, бераш д1а дахийта кечам бо, Яха юкьахь а йолуш.

Яхин чохь яккха йиснарг ахшо хан хуьлу. Оццул гена яла ца лууш, наггахь кхочий а, шен нана шена т1аьхьа кхочу дела, юха а д1а дуьгачу берашна юкьахь х1ара доцург зудбер ца хиларна а, Яха д1а яхан ца туьгуш, х1ара бераш а эцна Туркмени д1аяха езаш йолу состав кхаа дийнахь латта йо. Т1аьхьара а, хьаькамийн барт хуьлу итт шо хан а тоьхна цу махкара схьа ялийна чу йоьллина йолу зуда мукьа яккха. Оцу сацамца машинистана юххе Яха а хаа йой, кхунна т1ера цхьа чо галбалахь юха схьа ялийна чу юлтур ю хьо олий, Яхин д1а кхаччалц дола дар цунна т1е а дуьллий, состав новкъа йолу Туркмени махка некъ лоций. Шен берех д1а а кхетта, ша парг1ата яьллагчул т1аьхьа хийлаза Яхина т1аьхьа а йог1у кхуьнан хилла йолу некъан накъост.

Ахшо чекх а долиий, Яха мукьа йоккху, карахь цхьа сом а доцуш, я цкъа кхаллал рицкъа а доцуш Караганда г1алахь охьа юссу х1ара. Иштта мукьа ваьлла хан яьккхина вог1уш жима стаг а хуьлу, цунна Яха еваз: лулахь 1ийна хуьлу х1орш Осакаровски районехь. Шегахь долчу соьмах Яха а д1а йига т1е лоцу цо, амма х1ара шиь хьала дала дезаш долчу вагона т1ехь берриш а божарий хуьлу. Церан маьхьарий болало, йо1 а гой. Царах кхеттачу кланта йо1 хьала ца йолийта цу вагон т1е, т1аьхьарчу вагона т1е яла олий, х1ара т1аьхьарчу вагон т1е а хьажайой, клант хьала волу. Амма х1окхо йо1 хьала ца ялийтар бахьанехь клантана ницкъ бо, урхара бевлча санна хьийзаш болчу кегийчу наха.

Велла а, дийна а воцуш поезд т1ера чу оьцу клант Осакаровскера станце д1а кхаьчча. Добхьал деана дукха адам хуьлу Яхина, кхуьнан йиш-вешех берш а, кхунна бовзане а ца бевзарш а. Уггаре хьалха цигахь гена йоццуш 1аш йолчу шен денйиша йолчу д1авуьгу клант. Яхас, шена дуьхьала еана йолчу шен ненан куьг д1а ца хоьцуш, цуьнга хеттарш до, дарах ца кхачалуш. Нанас дуьйцу, 1умар, Яха чу йоьлчхьана г1аьттина д1а вахана ца хилар, цхьацца лазарш лехьош, дуьйцу Яхийна, цо эшарш локкхуш хилар а, тахана хьо ц1а йог1у аьлча, цунах кхаь хилла иза бухависар а. Сихха цунна т1е кхача а, и мараволла, иза мел воккха хилла хьажа сихделлера йишин са. Нана а йог1ура хазахетар сов далийта ца яьхьаш, шен дог сецош, «Везан Дела, реза ю-кха ахьа сайна деллагчуна!» – бохуш, юх-юха салават а далаш. Дог дара цхьа теша сагатдеш Медентан, юха а, ша-шега бохура цо: «1ожалла йоцург, кхин тхо вовшах даха х1ума дац-кха. Яхин сагатдина кьелвисна волу 1умар а г1оттур ву. Хьаьнна хаьа, кхеран да ц1а ван а ца магара?! Цхьаццане байна бохуш берш ц1а а ма баьхкина». Наггахь, шен буьйнара цхьамма схьадаккхарна кхоьруш сана, шен йоьлан куьг а кьуьйлуш, йоьхна ойланаш коьрте а хьийзаш, еьна шен не1аре кхаьчначу Медентана лан хала сурт го. Соьга дан кхин х1у дисна-техьа, бохуш хилла йолчу кху шинне, Медентаний, Яхиний, го ах чохь, ах арахь волуш, шел вала кхианза, чуьра са а даьлла, шайна дуьхьала ван схьатекханчохь 1уьллуш волу 1умар.

Эццахь кхача делла хиллера цуьнан са, шен йишина гаттдина а, лазаро кьийлина а.

Память**Черный февраль 44-го...**

Только тот народ жизнестоек,
Который помнит свое прошлое.
В этом прошлом опыт,
а вместе с тем урок и мысль.

Савва Дангулов

23 февраля – День защитника Отечества, в то же время эта дата является роковой и черной в истории чеченского народа, полной череды тяжелых испытаний, неоднократно выпадавших на его долю.

Но всегда, во все времена чеченцы с честью преодолевали тяготы судьбы, закаляя свой дух и укрепляясь в вере в светлое будущее.

Так было в годы депортации.

Мы не имеем права забывать трагические даты, с которыми связана наша история. Мы обязаны знать историю и извлекать из нее уроки, чтобы подобные трагедии больше не повторялись.

Ведь без осмысления прошлого трудно понять настоящее и построить будущее.

Республиканский центр развития творчества детей и юношества объявил в феврале конкурс сочинений «Черный февраль 1944 года» среди школьников, с одной стороны, в целях воспитания у детей патриотических чувств, уважения к старшему поколению. С другой стороны, чтобы ребята выразили свое отношение к услышанному, увиденному, пережитому старшим поколением через творчество.

В конкурсе приняли участие воспитанники Домов детского творчества из разных районов республики. На суд жюри, в состав которого традиционно вошли не только работники образования, но и писатели, были представлены сочинения в различных прозаических жанрах (очерки, рассказы и т.п.).

Непростая, но такая важная для народа тема нашла живой отклик в детских сердцах. Гражданская позиция школьников может быть примером и для взрослых.

Преступление не перестает быть преступлением, когда бы оно ни было совершено – сегодня на рассвете или сотню лет назад. И подтверждением этому являются сочинения детей, отрывки из которых мы представляем вниманию читателя. Живой интерес к истории нашего Отечества, активное участие детей в конкурсе подтвердили наши намерения продолжать работу над данным проектом.

Коллектив Республиканского центра развития творчества детей и юношества желает победителям конкурса и в дальнейшем чудесных творческих полетов, уверенно держать курс на победу и легко брать любые вершины!

Мы благодарны всем, кто принял участие в конкурсе. Не все стали победителями, но каждый получил возможность задуматься о важных вопросах. Ответы на эти вопросы дети будут искать всю жизнь. Возможно, наш конкурс стал первой попыткой осмыслить их.

*Лиза Исаева,
заведующая методическим отделом
ГБОУ ДОД «РЦРТДиЮ»*

***

Ранним морозным утром по пустынной улице, утопавшей в снегу, шел мальчик лет десяти-двенадцати, одетый кое-как, несмотря на лютый мороз. В руках он держал совочек, в котором мерцали теплые угольки. Мальчик брел, опустив голову, и даже не обернулся на звук приближающихся шагов. Женщина, догнавшая его, спросила: «Мальчик, в этом селе есть чеченцы?» Этот вопрос, а вернее, прозвучавший голос ошеломил его. Мальчик обернулся и не поверил своим глазам. Совок с драгоценными угольками выпал у него из рук, и мальчик с криком «Басаш!» бросился к женщине, обнял ее своими тонкими ручонками и громко зарыдал. Женщина, не веря своему счастью, обхватила мальчика и крепко прижала к груди. Слезы застилали ее глаза. Но то были слезы счастья, ведь в поисках этого мальчика, своего любимого сына Дары (так его мама называла, говорит Дада) она, рискуя жизнью, прошагала сотни километров по бескрайним заснеженным степям, изнемогая от усталости и голода, ночуя под снегом в открытом поле.

Прошло почти два года, прежде чем Басаш удалось узнать, где находятся ее родственники по отцовской линии, с которыми должен был быть и ее сын Канташ. Правда, узнать удалось не точное место пребывания, а лишь район. Отца Дады увели, когда ему был год и месяц. Чтобы она с сыном не жила одна, ее родные забрали к себе домой, в село Майртуп. Во время высылки Дада жила не с матерью, а со своей бабушкой и дядей.

Время шло. Басаш не находила себе места от тревоги, ведь она ничего не знала о судьбе сына, Канташа. Не в силах больше выносить эту неизвестность, Басаш собралась в дорогу...

Шел 1946 год. На дворе стояла лютая зима, с трескучими морозами и снежными буранами. Басаш даже не знала точно, в каком населенном пункте находятся ее мать и сын, ей предстояли долгие и трудные поиски, но это ее не пугало. К счастью, нашлась и попутчица, которая тоже искала своих родственников.

И вот эти две мужественные женщины, укутавшись в обноски, чтобы хоть как-то защититься от пронизывающего ледяного ветра, взяв с собой лишь немного хлеба, отправились в дорогу...

Путь их пролегал через бескрайние снежные поля, где расстояние между ближайшими населенными пунктами составляло сотни километров. Весь световой день они шли, утопая в сугробах, а с наступлением ночи выкапывали яму в снегу, расстилали мешочек и так, сидя на коленях, ночевали. Эти ночи не прошли без следа: всю жизнь у Басаш болели колени, а последние 10 лет своей жизни она провела в постели. Ориентироваться в незнакомой местности было очень трудно, казалось, что весь мир – это сплошное белое снежное поле. Случалось так, что Басаш и ее спутница, потеряв направление, плутали по кругу... Так они шли больше двух недель. В одном из населенных пунктов их пути разошлись, и Басаш продолжила свои поиски в одиночку...

Она шла по пустынной улице небольшого села. Увидев мальчика, одиноко бредущего с совком в руке, она догнала его и спросила: «Мальчик, ты не знаешь, в этом селе есть чеченцы?»

...Даже спустя много лет Басаш не могла без слез вспоминать этот день, когда она нашла своего сына, своего Канташа. Оказалось, что Канташ уже несколько месяцев жил один. Мама Басаш умерла и ближайшие родственники тоже.

Басаш накормила сына, достала ему теплой одежды, и скоро они отправились в обратный путь. Но радостного возвращения не получилось, дома ее ждали ужасные новости: после ее отъезда тяжело заболел и вскоре умер сын Азиз. Через некоторое время, упав в чан с горячей водой, умерла дочка Таус. Но Басаш не роптала, она стойко переносила удары судьбы. Единственным ее утешением

стал Канташ. Он рос очень трудолюбивым мальчиком, во всем помогал матери. Он работал от зари до зари.

Когда Дада рассказывает о встрече с матерью, он широко открывает глаза и смотрит куда-то вдаль: думаю, чтобы оттуда не выкатились слезы.

*Магомед Довлетукаев,
ученик 9 класса
Курчалойской СОШ №2.*

***

В «Белой книге», которая вышла в Казахстане в начале двухтысячного года под редакцией народного поэта этой страны Олжаса Сулейменова, я читала воспоминания многих очевидцев депортации народов. Особенно заставляют содрогаться рассказы братьев Гаевых, жителей сожженного вместе с жителями горного селения Хайбах Галанчожского района Чечено-Ингушской АССР.

В страшное утро 23 февраля 1944 года в старую конюшню Хайбаха загнали стариков, женщин, детей, крепко закрыли ворота конюшни, облили бензином, обложив ее вокруг соломой, и подожгли.

Братьев Гаевых в селении в тот момент не было, но они позже увидели это бесчинство. Когда пепелище осталось без надзора палачей, братья осторожно подошли к нему, забрали останки и захоронили. Могилы рыли куском железа, разгребали руками, руки коченели от мороза, из-под ногтей сочилась кровь, но они продолжали предавать земле земляков, скрываясь в момент появления палачей.

Пытаюсь представить состояние их душ от этого бесчеловечного зрелища, когда было сожжено все селение!

*Зарема Джалалова,
ученица 11 класса
Шелковской СОШ №2.*

***

«Что случилось с нашими отцами и братьями, – рассказывала бабушка дальше, – мы узнали только после того, как двое охранников проговорились, как макажойских мужчин обманом завели в сарай и там заживо сожгли. Это было для нас большим потрясением. Мы целую неделю плакали... Когда мы доехали, нас ждало еще больше испытаний. Климат был суровый. Теплой одежды было мало. Маме пришлось очень тяжело. Младшая сестренка безумолчно плакала. Брат тяжело заболел (у него был жар, и он еле-еле говорил). Скоро мы узнали, что наш дядя по отцовской линии где-то недалеко. Мы отправились на поиски родной души. Пять дней мы искали его, порой осознавая, что делаем круги. С Божьей помощью найдя дядю, мы начали приходить в себя. Но моему брату легче не становилось. С каждым днем он все больше мрачнел, слабел, с каждым разом ему становилось все хуже и хуже. По ночам мама плакала, боясь потерять сына. Через неделю долгой и тяжелой муки мой брат скончался».

*Има Хадашева,
ученица 9 класса
СОШ №1 с. Дышне-Ведено.*

***

«Ночью был слышен подозрительный гул моторов, – продолжал старик. – Это еще больше прибавило беспокойства... Как всегда, встав рано утром, я пошел за дровами в лес. Не заметил, как прошло время. Скоро раздались выстрелы. Уже стало вечереть. Я подошел к дому. Двор был пуст. Кругом тишина и запах горелого. Ничего не соображая, я окликнул жену, позвал детей, но мне никто не ответил, у ворот я услышал жалобный стон своей собаки, которая истекала кровью. Я быстро вошел в саклю, но там было пусто.

И вдруг меня охватило страшное предчувствие. Выскочив во двор, я увидел едва тлеющую кучу, стоял жуткий запах горелого мяса... По обугленным останкам можно было узнать, что это человеческие тела. У одного из обугленных тел сзади лежал длинный пепел сгоревшей косы – это была моя жена. Обнявшись и скрутившись, лежали еще три недогоревших трупа – это было то, что осталось от моих детей.

Земля ушла из-под ног, небо и горы, земля и солнце – все слилось... Я упал на землю и застонал. Руки и ноги уже не двигались, Время на миг остановилось. В голове проносились мысли одна за другой, Кто, зачем... За что???

Придя в себя, я поднялся, вошел в дом и стал искать кинжал – наследие отца. Взяв его, быстро стал спускаться в аул. При свете фар машин я увидел горцев в папахах, окруженных солдатами. Заметив меня, один солдат крикнул: «Брось оружие, руки вверх!» Но я ничего не слышал. Лишь окрики старцев привели меня в чувство. Односельчане стали кричать: «Брось кинжал и иди к нам!» Я сдался.

И так начался долгий, кровавый, тяжелый путь изгоев в чуждые, далекие края».

*Сапият Тазуркаева,
ученица II класса
Гикаловской СОШ №1.*

***

Мой прадед, Магомедов Магомед, по национальности был аварцем. Приехал в селение Ойсунгур в 1935 году пасти стадо, женился на чеченке и сроднился с чеченским народом. Когда депортировали чеченцев, его оставляли, но он захотел разделить участь чеченского народа. Двенадцать родственников приехали из Дагестана, уговаривали его вернуться на родину. Дед не послушался и был в числе переселенцев.

Так и провел прадед на чужбине тринадцать долгих лет. Он тосковал по родным. По вечерам разговаривал сам с собой на аварском языке. Ему было тяжело. И все-таки он выдержал, не пал духом, дождался конца высылки и вернулся в селение Ойсунгур, где остался до конца своих дней.

А сейчас я хочу рассказать о дедушке по материнской линии. Звали его Абаев Шамсудин. Он жил в селении Кошкельды. До высылки это село было расположено в другом месте, над трассой. Сейчас на этом месте равнина.

В старом селении протекало безмятежное детство моего дедушки. В дружной семье, где было одиннадцать детей, дедушка был самым младшим.

Рано утром 23 февраля 1944 года его мама стала всем рассказывать страшный сон. Она увидела, как все кругом горело. Не прошло и получаса, как в дверь постучались солдаты. Всех выводили из своих жилищ. Дедушке тогда было восемь лет.

Еще по дороге в Киргизию семья потеряла сестру. Она еще до высылки находилась у родственников в селе Аллерой. Она ехала в вагоне с чужими

людьми. Лишь спустя много лет, после возвращения на родину, дедушка встретил спутников сестры. Они рассказали, что она худела на глазах. Ее повели то ли к коменданту, то ли к врачу и попросили что-нибудь сделать для нее. Поинтересовались, можно ли узнать, в каком эшелоне ее родственники. Тот ответил, что она долго жить не будет и, скорее всего, по дороге умрет. Дал ей ломтик черного хлеба и кусок сахара. Когда они вышли, она сказала:

– Он сказал, что я умру? Я посещала школу, знаю немного русский язык.

– Нет. Он сказал, что ты поправишься. Ты неправильно поняла, – ответили ей. Вскоре девочки не стало. Она умерла от тоски по родным.

Семью дедушки повезли в Ошскую область, в селение Хайдаркан Киргизской ССР.

*Магомедов Муслим,
ученик II класса
Гудермесской СОШ №1.*

***

«Оцу 1уьйрана ворх1 шо кхаьчна йолу сой, сан ши йиший – дий шо кхаьчна йолу Неби а, ши бутт болу Тумиша а – набарха довлаза дара, не1 буха а йоккхуш, адамйилбазаш чулилхича, – дуьйцу сан денанас Найсата. – Цаьрца цхьаьна чухьаькхира и шийла, кьиза мох тхан бералла шайца д1ахьош. Да т1аге д1авигина вара тхан. Тхешан ненаца Майдатца 1аш дара тхо, нана ч1ог1а могуш йоцуш яра тхан. Тхуна т1е х1ума йоха ца кхуьуш новкьадехира тхо. Ши к1ира далале нана елира новкьахь. Вагон чохь елла 1уьллучу сайн нанна т1еетталора со. Добалг1ачу дийнахь вагон сацийра, суна моьттура, сан нана елла юй а хьйна, вагон иза д1айоллийта сацийна, амма суна моьттург бакь ца хиллера. Х1ора вагонаш чу а хьожуш, горгамаш санна чукхуьсура декьий. Иштта д1акхьоссира сан хьоме нана а. Тхо бен дисина бераш дацара вагон чохь. Йоьлхуш йолу со сецайора наха.

– Хьан нана вай юхадог1уш д1аюллур ю, елха ма елха, хьо цхьа ца йисина, тхо ду хьоьца, – суна хаьара цара со ца елхийта бохий.

Ворх1 шо кхаьчна йолчу суна ца хаьара айса х1ун дан деза. Дий шо кхаьчна йолу Неби цхьана куьйгаца мара а оьллина, вукху куьйгаца сайн коьртара схьадаьккхина хилла долу кортали юкьа хьарчийна йолу Тумиша маара йоьллира аса. Мацъеллачу шина йо1ана дан х1ума дацара сан. Небина бага ц1аза п1елг биллира аса, Тумиша напха дезаш йоьлхуш яра, шен жима баг ирх а яхийтина. Кхин дан х1ума а ца хила, сайн лахара балда цунна бага дилла хьаьжира со. Оцу балда т1ера шура йолуш санна д1аизадора цо иза. Вагон чохь болчу нахана ч1ог1а кьахетара тхоьх, цара цхьацца бедарш еллера тхуна. Хьагделча, лайх хи а доккхуш и молуьйтура тхьоьга. Цхьана йоккхачу стага г1о дора суна шина йо1е хьажа. Цхьацца кхалла х1ума лора цара тхуна, шайна ца юууш а, нанас схьаэчна хилларг тхоьгара чекхьаьллера. Иштта дисина хиллера сан бета т1ера лахара балда жимма схьадеана. Ч1ог1а хала дара суна, амма сан шина йишо дог ца дуьллуьйтура соьга.

Халла д1акхечира тхо. Д1акхаьчначул т1аьхьа вагонаш чурьа ж1аьлеш санна аракхиссира тхо.

Массо а адам цхьацца аг1ор кхечу вагонаш чохь гергарниш буй хьовсуш, лобхуш д1аса бекьабелира. Тхьоьга вагона чохь хьожуш хилла йолу йоккха стаг тхо чудуьссучу хенахь цхьана сонехь елла карийна хиллера баккхийчарна. Кхин елха г1ора дацара соьгахь. Оцу минотехь суна хетара и йоккха стаг дийна йисина хиллехь, цо тхо тесна дуьтур дацара аьлла. Неби гуттара д1аса хьоьжура, цхьаь лобхуш санна. Суна цхьанна хаьара тхо д1адига цхьа а вог1ур воций.

Дуккха а лаьттира тхо араьхь, цхамма а тергал ца деш. Тлаккха глүүлакх хир дац кхунах аьлла, буц леха хлөьттира со. Суна дагадоглура, тхо махках дахале нанас бецах чай а доккхуш, иза дарбане ду а бохуш, тхоьга муьлуьтуш. Кестта цхьа бецаш карийра суна. Дикка, сайга ма-хьакхалу уьш хьакха а йина Небига кхалла елира ас, из хиллера хлуа а юур йолуш. Бецах мутт а даьккхина иза мало хьаьжира со Тумишина. Цул тлаьхьа бежнийн кхелли схьа а гулийна, Неби ши ког цу юккье биллира ас, и деш йоллучу соьга цхьа леррина хьобжуш яра цхьа жима зуда. Дог члаглделлера сан. Ва везан Дела, тхо а дитна дла ма яхийталахь и зуда! Далла жоп делла хиллера ас дехначунна. Тхуна тле а едда, кьевлина тхо мара доьхкина, догла санна ехха йоблхуш лаьттира иза. Майдат яра оцу зудчунна цле. Тхан ненан цле а яра Майдат. Цуьнан шен а дара ялх бер. Иштта шен бераш санна лаламат члогла хала лелийра цо тхо. Исс бер цуьнга шегла лелалур дацара, члогла хала хан яра иза. Цхьа Делан кьинхетам хилла, шен марзахошна тлениселлера иза. Вагон чохь зуда а, кхо бер а делла ша висина вара цуьнан жимаха волу марваша. Цо члогла дийхира тхо кхо йол шегла схьало аьлла, амма Майдата, вай цхьаьна кхобур бу уьш аьлла, ца елира.

Оцу заманчохь тламера цла а веана тхо лобхуш тхан да Сайд-Мохьмад хиллера. И кхача а ца кхочуш меттиг бисина ца хиллера- дуьйцура сан дас. Глойтлара а болуш цхьана нахана тленисвелла хиллера иза, цара аьлла хиллера:

– Кхузахь гена йоцуш лаш ю шен марवेशица йисина зуда, Майдат цле а йолуш. Вагонаш тлера чудиссинчу хенахь, шен нах лобхуш лелаш йолчу цунна цхьа кхо йол карийна хилла.

– Церан цлераш муха ю хаьий хьуна? – хаьттира сан дас.

– Валлай, хьуна бакьедерг аьлча, йоккках йолчун цле хаьа суна, цуьнан цле Найсат ю. Вай Делор, Сайд-Мохьмад, ма члогла дика йиш ю боху иза. Ше а дац ворхл шо бен, оццул ша жима йоллушехь ма члогла дика хьожу бах оцу жималгла йолчу шен шина йише.

– Дела реза хуьлда хьуна, ма боккха кхаь бу ахь соьга баьккхинарг! – и дешнаш аьлла, длавахана хилла тхан да, Майдат боху зуда лаха.

Хаза бляьстенан де дара иза. Бархл шо а кхаьчна, уьссалгла шо доладелира сан. Сирла хьобжуш болчу маьлхан клел охьа а хьйна керахь йолу Тумиша дла йижош, йиш а локхуш лаш яра со. Цла а дицлур дац суна и де. Сайга цхьаь хьожуш волуш санна хийтира суна. Меллаша корт хьала а айина, сайна тлехьа хьаьжира со. Цхьа члогла тиша, азвелла, хенал хьалха кьанавелла, глийла бляьргара хиш а ленош, соьга хьобжуш лаьтташ вара сан да. Цхаммо сецош йолуш санна меттах ца ялалора со. Дукха лаьттира тхо, вовшех а хьобжуш, цул тлаьхьа тле а веана кьевлина мара йобллира цо со. Цо аьлла дуьххьара дешнаш хлорш дара: «Суна кьинтлера ялалахь, Найсат!»

*Магамаева Мадина,
Сольжа-Галара
№38 йолу ишколан
8 классан дешархо.*

***

Сан деден 1944-чу шарахь 11 шо бен ца хилла. Церан доьзалехь 4 клант, 2 йол хилла. Воккханиг Сийлахь-Боккхачу тлеман fronte фашисташна дуьхьал тлом бан вахана хилла. Йоккххайолу йиша Аманта Глойтлахь марехь хилла, олу сан дедас. Церан да кхуза цаьхь цамгар бахьана долуш веллера. Дисина хлара кхо ваший, йиший, наний дара. 1944-чу шарахь Нохчийчохь, сан дедас ма аллара, салтий хилла. Цхьана дийнахь цхаммо элира бахара шайга, шайна жимма кхача атлеюха хлума а кечье аьлла. Шаьш ца кхийтира боху оцу дешнех. Шолглачу дийнахь луьйрре, чу а лилхина, арадехира бах шаьш. Нахм члогла тле маьхьарий а хьобкхуш, наг-наггахь хлума а тухуш, чубоьхкина

оцу вагонашна. Ткъа сан дедас шайна кхаьчна оърсий цхьажимма бен яцахь а, адамалла йолуш бара боху.

Діаболабелира некъ. И къематан сурт 11 денна дахделира олу цо. Новкъахь дуккха а баланах лайна цо а, мел болу нохчаша а. Казахстане дІакхаьчча сан деда валаза ваьлла. ХІорш божалш чу бахана. Мацалла сан деденана а, ваша а велла.

Сан дедас дуьйцу, ша мацаллина дукха гІелвелла, цхьаммо кера а эцна ара ца ваьккхича, ара а, метгах а ца валалуш вара. Шайца цхьаьна божал чохь ГІойтІара нах бара олу цо, тІаккха Аманта яцара. Ша массарна велла дІаваьлла моьтгучу хенахь, Амантина шайш карийра боху, сан дедас. Шен майрачуьнга ала а аьлла, шен вежарий лобхуш хилла. Уьш карийначу дийнахь, церан божалехь цІано а хІоттийна, сан деда лийча а вина, мезех цІанвина, денвира цо Ша схьайогІучу хенахь, шеца цхьа ши кийла ахьар эцна хилла цо. Новкъахь, шена мел хала, меца хиларх, и ахьар шен вежаршна кхоош, лардеш хилла цо. Цу хенахь нах вовшашна гІо дан лууш а, деш а хилла. Хала а, атта а, сан дедас ма аллара, Амантас уьш массо а когаш тІе хІиттийна, ткъа ша... ша елира и, ницкъаш дІа а бевлла, хІорш лелочу хенахь.

*Сулейманова Фариза,
Сольжа-ГІалара
№ 7 йолу школан
10 классан дешархо..*

***

Де доьхна, Іабржачу халоно хьовзинчохь,
Мацалло бІарздина, гІелонна кІелдуьсчохь,
Бохамна, харцонна юьхьдуьхьал хІиттинчохь,
Собарах, стогаллех ма доха боху цо.

*М. Мамакаев
«Даймехкан костаи»*

Собарах, стогаллех ца воха шортта ницкъ обьшуш тІееана вайн къомана 1944-чу шеран февраль беттан 23-чу дийнан Іуьйре. Нохчийчохь цхьа а доьзал ца бисна оцу бохаман дакъа доцуш. Суна луур дара сайна сай ненананас дуьйцуш оцу дийнах, бохамах лаьцна сайна хиьнарг массарна а дийца.

Ирчачу кхааца кхаьчначу Іуьйренца кечбала бийзира Теркйистерчу Бено-Юртгарчу бахархойн а махкахбовла. Царна юкьахь бара АюбовгІеран доьзал а. Доьзалан нанна, Ажранна дагахь воллура шен воккхах волу ши кІант, Іараб а, Шалбан а, шайн девешин зудчунца Доьлаке (Пседах) гергарчу нахе хьошалгІа вахана волу. Царех хІун хир ду, уьш мичахь хир бу хаа цхьанна а кепара аьтто бацара церан. Керта веанчу салтичо чехка цаторруш йолу хІума карахь яхьлуччал схьа а эцій, эвла юккъе дІагулло, аьллера кхаьрга. Шен жимах йолу йоІ, Шерипат, сан ненананас йоккхах йолчу, 12 шо кхаьчначу Кемсийна доккхачу йовлакхца ги а йихкина (сан ненанана шолгІа шо долуш яра хІетахь), шайш вовшахтоьхна хІума кара а лаьцна, берашца эвлаюккъе дІабахара шина вешин доьзал.

КхидІа юьртара нах бурам тІехь Теркал дехьа а баьхна, гІалгІазакхийн Ищерская олучу станицехь йолчу цІерпоштан станцехьа кхачийра. Оцу бурам тІехь сехьабовлуш, кхин цхьа бохам а хилла доьзална. Цаторш ерг бен хІума схьа ма эца аьлча, шайн берийн ойлаеш – уьш шина доьзалехь 11 хилла, – Ажрана схьаэцна, гали чу йиллина яхьаш шен «Зингер» олу куьгахьовзо чарх

а, эмкалан тлерган билзагаш а хилла. Хлокхо дукха лерина лардечу галех бляьрг кхетта салтин бурам тлехь. «Хлун ю хьан цучохь?» – аьлла хьатгина, гали чу хьабьжначу салтичо шен карарчу тоьпан бух а тоьхна, шьаршина хи чу дахийтина гали шен чьура хлумнашца. Мел хала хетгехь а, дан хлума дацара харцонна...

Цлерпоштан станцехь бежнилелочу вагонаш чу хьалабехира нах. Кхойтта шаран бахбеллачу новкьа делира нохчийн кьам...

Дегнаш мел таьлна делахьа, шайн вагон чу шайга ма-ялло цлано еш, ботьа, бежний лаьттина, цланъяза вагон ницкь ма-кхоччу цланъеш бохкура цхьанхьа, ткьа вукханхьара пондаран аз хазара цкьа самукъане, нехан глайгла яйа глерташ, хлоранне дагатлера бала схьабуйцуш:

Жа дехьа диси, тхо сехьа дехи,
Церан терго йойла Везачу Далла...

Длаобхура бехачу новкьа шайн махках, дахарах бохийна, шайгара хлун даьлла ца хуу нах...

«Делан диканах дог ца дилларо, массо хлума а Делера хилар хааро хлаллак хиларах лалашдина кьам оцу муьрехь», – олу сан ненананас. Иза иштта ца хилча муха кхоллалора халкьан забараш оцу ирчачу новкьахь? Ерриге а Нохчийчоь цхьана дийнахь глаттийна йолу дела, цлерпоштан новкьаш тлехь, станцешкахь цхьанисбелча, вовшашка муьлхачу юьртара ду, бохуш хьоттуш хилла наха. Цхьаммо шу мичара ду аьлла, шега хьаттича, Валаргтлера ду аьлла, жоп делла, ткьа хьоттучунна иштта цле йолуш юрт юйла ца хууш хилла куц ду, цо аьлла: «Даларна тлера-м массо а дара вай, цлера мичара ду шу, бахара ас». Гелдаганара ду шаьш, аьлла жоп деллачуьнга: «Ой, шозза-кхузза аьлча илли ма хуьлу цунах», – аьлла.

Ша оцу хенахь жима хиллехь а, йоккха мел хуьлу, нанас а, дас а, кхиболчу нохчаша а чохь дуйцуш оцу некъан кьизаллехь, длакхьачначу хенахь лайначу халонех лаьцна дуккха а хаьа сан ненананна. Иштта цо дуйцу, длакхьачначул тлехь адам дукхадолуш, дласа даккха ца ларалуш, шина баттахь оцу «товарняк» вагонашчохь хан яккхаййзира Бено-Юьртарчу нехан.

*Бураева Малика,
Сольжа-Галара
№ 14 йолу ишколан
7 классан дешархо.*

***

Хлора дла мел доьдучу шаро вайн дахарехь цхьа шен башха билгалонаш юьту. Амма лазамца дуйхьалхлуьтту цхьадолу шераш.

Лазам. Юха а лазам. Цкьа а дла бер бац оцу кьабьхчу деноша вайн синошна бина лазам. Хлора шарахь боккхачу лийжамца карлаболий, кьанойн, нанойн бляьргаш белхош, ойлане эгош. баьржа иза вайн синошкахь. Оцу лазамо холам беш, кьуйлуш, даг тле муо хьовзош йитина чов, даима а хьегаш лаьтта. Оцу лазамо кладьеш, марсаяхначу ойланаша 68 шо хьалха вайнахана тлехь хлотьтинчу кьематдийне духадугу вай. Тлаккха и кьематде гиначеран дагалецамаша карладохий, шайн бХьаргашна герга даладо лан хала долу и ирча суьргаш.

1944-чу шеран февраль беттан 23-де, кхаарийн луьйре... Уггаре ла марсадаьлла хан хилла иза.

Цу дийнахь вайн кьоман делхийначу берийн аьзнаш даиманна а лерехь лаьтташ ду. Кьиза ягийначу яртийн, лелхийначу бляьвнийн клур хлинца а хьерча

вайн синоих. Хеназа байинчийн аматаш б\аьргашна дуйхалх\уйтгу. Хийла да вожийна х\етахь мацалло, шелоно. Мел \овжаме бу тахна а и \азап лайначийн дагалецамаш!

Йовхачу х\усамера кьиза арадаьхна,
Берзинчу когашца, беркьачу бедаршца.
Шелоной, мацаллой б\аьрзе шаьш хьовзийча,
Ма г\ийла хьийзира вайнехан и бераш.
Дохначу цу дийно кийра ц\е латийна,
Добналла гулдина, стогаллех ца бовлуш,
Шийлачу вагонаш чу шайн доьзалш ховшийна,
Юьхьара лецира и беха кьаьхьа некь.

23-г\а февраль, 1944 шо.

Цкьа а дицдан бакьо яц вайн и ирча де. Вайн жимачу халкье бала боьссина де. 13 шаре дахделлачу кьемата дийнан \уйре яра иза. Цу дийнахь д\аса вахнарг доьзалх, гергарчарех хедаш, цомгуш меттахь верг бухахь вуйсуш, т\е техника ца кхочучу ломахь берш багош, махках бехира нохчий а, г\алг\ай а.

Вайн халкьана хилларг хууш санна уг\ура ж\аьлеш, \овхура бежнаш, декара з\акардаьхний.

Даа х\ума доцуш, т\е дуйьхина довха барзакь доцуш, бежнаш д\асакхьхьучу вагонаш чу боьттира вайнах цу шийлачу дийнахь. Цу бехачу новкьахь мотт биллира дукхахболчара

Х\ай, лаьмнаш, шу муха ца лелхаш дисна?
Дай ц\ера баьхна де аш муха лайна?
Даймахках ца бовла ч\аг\о еш бисна,
Бехкбоцу кьена нах йиш ярий баха?

Х\окху шеран 23-чу февралехь 68 шо кхечи вайнах, «халкьан мостаг\ий» аьлла, ц\е а тиллина, шай дай баьхначу, к\оргга орамаш тийсинчу меттигашкара бохийна махках баьхна. Вайна цкьа а йицлур яц вешан халкьо зийна, лайна халонаш. Кьилбаседа Кавказехь дехаш долчу кегийчу кьаьмнашна сана, нохчийн халкьан исторехь даиманна а \аьржа де хилла дуйсур ду. Оцу боцу бехк кхьоллина, жиманиг, воккханиг, цомгашниг, г\ийланиг ца кьастош вагонаш чу а боьттина д\ахьовсийра нохчий. 68 шо ду цара мацалло, шелоно эшийначу шайн гергарчу нахана т\аьхьа б\аьргаш делхош. 68 шо ду вайн кьам лазаро лаьцна. Д\аохур ду шераш. Амма 1944-чу шеран февраль бетган 23-чу дийнахь вайн кьомана йина чов цкьа а йицлур яц.

*Масхадова Жайна,
Галаройн-Эвларчу
№2 йолу ишколан
11 классан децархо.*

***

Нохчийн халкь бехк-гуьнахь доцуш, Сталинан омраца махках даьккхира. Х\етахьлерчу \едалан кьизалла, сийсазалла лан мел хала дара, дуйьцу баккхийчара. Мила ву дерриге кьам т\еэца бухахь кечам бина \аш? Х\усамаш мичара евр ю царна? Юург-мерг хьан лур ю? Цуьнан бала болуш цхьа а вацара.

Инзаре, ирча акхарой санна, адамаш ду далош дерш, аьлла белаш, шаданаш, кьомсарш, дагарш а эцна арабевллера бохуш дуйьцу Казахстанера а, Киргизера

а нах. Амма схъакхаьчнарш шаьш санна адамаш дуй хиъча, эхь хетта, шаьш арадаьккхина «герз» тIехьа лечкъадора цара. «Кхара хьанна хIун дина? Я кхаьрга хIун далур ду? ХIорш-х шаьш мозий санна эгна лийр ма бу хIинца!» – ойла хьийзара хIораннан а коьрте.

Некъахь лайначу халоний чот ян а яц. Велларг дIаволла йиш йоцуш, шалонаш сецначу минотехь беллачеран декъий лайла кхуьсуш, ткъе шина дийнахь некъ бина цара.

Нохчийн литературехь дуккха а ю нохчийн къам махках даккхарх лаьцна произведенеш. Халкъо лайна къизалла ма-ярра гойту авторш царна тIехь. Амма царна юкъахь къаьсттина къегина вайн халкъо лайна хало гойтуш ю аьлла хетта суна, Яшуркаев Султана языйна «МаьркIажан бодан тIехь кIайн хьоькх» цIе йолу повесть. Вайн халкъо лайна къизалла, мацалла, цамгарш чIогIа ира гайтина автора цу повесть тIехь. Нохчочун дог кийрахь долчу цхьана а адаме, велхаран къурдаш а сецош бен, ешалур яц и повесть.

Боккъалла а беца, къиза, адаме лалур буй-те аьлла, бара 1944-чу шарахь нохчийн халкъана тIехIоьттина бала.

Оцу балано хийрачу махкахь цунна хьалха дуккха а халонаш хIиттийра. Утгаре хьалха маршонан, адамашна даха-дахка йоцчу бакъонан халонаш яра, шолгIа – Iер-дахаран, юучун, могошалла ларъяран... Iедалан харцонал а, къизаллел а хала хилла мацалла.

Нохчашна чохь хан яккха къастийначу тоьланийн тIуналлой, боьхаллой, шелоний, цхьаьна нисдинчу адамийн дукхаллой цамгарш яржайора. Iаьржа ун (тиф) даьлла белира дуккха нах, ша мозий санна, дIабохка а ца ларош.

Дена-нанна, йиша-вешина тIе юьртара юьрта ваха а бакъо ца хилла, тIехIоттийна тIеман Iедалан комендатура хилла.

Тезет, сагIа велларг лийчор, цунна марчо хьарчор ца дийцича а, даа-мала цахиларо чIогIа гатте дерзиина латтиина адам. Делахь а, мел къизалла тIехIоьттинехь а, иза лан ницкъ, доьналла кхаьчна вайн халкъан, Делера къинхетам бахьана долуш.

Воккхачун, жимачун къамел, цара дуйцург, эриг-дерриге нохчийн Лаьмнех, Хьаннех, Хих, Шовданех... Даймахахь, цуьнга болчу сатийсамах хилла. «Цкъа вайн шовданах къурд бина белара, тIаккха-м вала хала дацара!» – олура боху къаноша. Леш волчун доьзалшка, вайн лаьмнашка, вайн лаьтте маршалла лолаш, олий, хуьлура боху весет.

Ма-дарра аьлча, хьалха Дела, шолгIа дайн гIиллакхаш, къоман ламасташ дара вайн халкъ цу бохамах лардинарг.

*Хукиев Муслим,
БIачи-Юртара №3
йолу ишколан
10 классан дешархо.*

Халидов Супьян**Боданашкахь ойланаш**

***

Малхал сирла х1ун ду техьа?
 Х1ун ду мазал мерза дерг?
 Лаятта т1ехь мел некь барх беа,
 Эхарт ду хьо кхочун верг!

Воккхаверца халахетар
 Хуьйцуш, дог1у маьлхан де.
 Вац со кхеташ, кьа ца хетар
 Х1унда даг1ац наггахь бен!

Ойла мел йин, дагадог1у,
 Ойла ца еш дисна дерг:
 Мел ахь кхайкхарх, схьа ца дог1у,
 Велла дисарг шен, цатерг!

Аса-м, яз деш, кьа ма хьобгу,
 Хьуна-м лаац дог1а ла!
 Аса-м хьобца сайн ирс доькьу,
 Дац-кха хьобгахь тоха са!

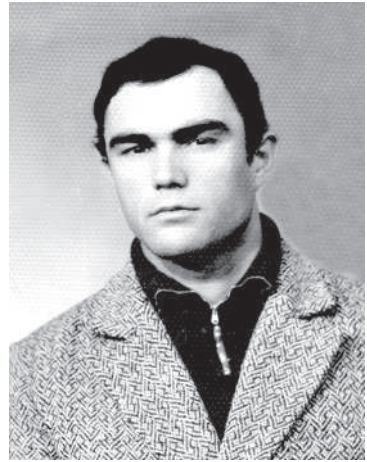
Сан кьинош а, сан мелаш а
 Уоза доьлча терзанахь,
 Мохь оьхур бу: «Ва сан Дела!
 Хьайн кьинхетам беллахь сох!»

Доттаг1ий а, гергарнаш а
 Бевлла херабийла сох,
 Дуьйцуург тергал а ца деш сан –
 Хилларг х1ун ду-те, ва нах?!

К1езиг дийцар г1оли хилча,
 Велар мотт ца хууш со –
 Мотт цахуург цомгуш хилча,
 Деа дийцина х1ун до?

***

Махкана т1е беьча бала,
 Цьхаьа-м вьоду, волий, д1а,
 – Яздина ду, – олий, – Дала, –
 Цунах шена г1оли ян.

Мохо льокху г1ийла эшарш,
 Малхо з1аьнарш ловзайо.
 Цара-м кхочушдо шайн декхарш,
 Ахь а олу довха дош!

Дуьйш я дерзош, охуш, оруш
 Вайн дай, дедай баьхна бу,
 Ахьар сискал даар лоруш,
 И ца хилча, бууш цу.

Маьлхан дуьне диьна бохуш,
 Эхартахь вай хьийзор ду.
 «Охуш аьлларг карор оруш», –
 Кьоман шира кица ду.

Нана-Даймохк, Даймохк-Нана –
 Шиннах деза муьлхарг ду
 Хуур дац, ца елча Нана,
 Даймохк боцург байлахь ву!

Цьхаьа-м, шена елча маршо,
 Вьолу, вьолху, воккхавиэ,
 Цьхаьа-м вулу кьинош хьерчо,
 Ца хууш догтоккха 1ен!

Мох а хьобкхуш, дарц а хьийзош,
 Шело ловзаяьлча 1ай,
 Хьуьнан экха, б1арзлой, ц1евза,
 Корта хьийзаш к1айчу лайх.

***

Ахьар сискал, муьста берам
 Бууш, баьхна болу дай,
 Х1ун ю хиьна бу синкьерам –
 Церан т1аьхье ма ю вай!

Стигал, латгий цхьабнайча,
 Де буьйсанах кхетча д1а,
 Мел дукха хир дара дийца
 Церан, летча бетгаса!

Урам-новкья вьоду-вог1ург,
 Т1ех а ваьлла, вахча д1а,
 Х1унда 1а-те дог ладоьг1уш,
 Кийрахь х1унда гатло са?

Дуьне, эхарт диц а дина,
 Дег1ан лаьмийн хилча лай,
 Алсамдовлу, боху, кьинош,
 Дуткьло, боху, Суртан т1ай!

Цатамаш бо адамаша
 Вовшашна, дог дохадеш,
 Тезеташ а, кадамаш а
 Алсамбохуш, бохамаш!

Нагахь санна вайна хиьча
 Бертахь даха, г1уоза 1ан,
 Мазал мерза дуьне диьча,
 Мел доккхадир дара са!

***

Нагахь санна могуш-маьрша
 Сахуьлунга валахь хьюо,
 Ахь барт баккха стиглан 1аьршах,
 Салам-маршал лаьтте ло!

***

Цкья кьаньелла яьлча гуьйриг,
 Цо шен ловзарш леладарх –
 Басарш-пударш, х1оьан буьйраш –
 Иза кьоньялар ма дац!

***

Хьекьал – иза боккха 1ам бу,
 Шен бух боцу, йоцу йист!
 Собар – иза лекха лам бу,
 Дуьне духуш, хуьлу бист!

Х1ай, сан мерза, дика доттаг1,
 Вист ца хуьлуш, д1а ма тий?!
 Велча, цкья сан каш т1е х1оттий,
 Гайта хьюо сан доттаг1 вуй!

К1еда-мерза, велавелла
 Хилахь нахана юкьахь,
 Вехар ву хьо, декьалхилла,
 Дахарх долуш самукья!

Ойла мел йин, дагадог1у,
 Ойла ца еш, дисна дерг:
 Дайна даьлларг схьа ца дог1у,
 Велла дисарг шен цатерг!

***

Ц1е, цабезам, цамгар, кьелла –
 Цхьаь деаннах девзинехь,
 Евзинарг ву хьюна г1ело,
 1аьнан шело ц1евзина!

Х1ора а, мел к1езиг хиларх,
 Барамал сов лерина,
 Жьожахатин ц1арах мила
 Ву-те к1езиг кхийринарг?!

***

К1езиг бу ткья Ненан безам?
 Стенца буста беза и?
 Нана ю кхуллуш ерг доьзал –
 Сил а дукха еза и!

***

Нагахь бийцахь вай цабезам,
 Хьяжа буй хьайн дагчохь и.
 Белахь, ницкь хир бац кхин веза,
 Дагчуьра д1абаккхалц и!

Евзинарг ма-ярра кьиэлла,
Хир вац детташ «деза» кхин,
Елахь а и Дала елла,
Хала ю лан сина и!

Деглехь ницкъ мел члогла хиларх,
Цамгаро длабоккху и!
Цамгарх ваьлла верг ву мила?
Веллахь, 1иэр дог токкха и!

Ахь айхьа ларви со...

Ахь айхьа ларви со глалатех,
Клелхьараваяккхи къа-балех,
Соггара вуониг ца далийти,
Х1ай, дукхаяхаярг Дала!

Хьуна-м и хьайна а ца хаьа,
Хьайгара мел хьуьнар даьлла –
Пехаш ду дуьззина садоьуш,
Кийрахь сан дог парг1атдаьлла.

Ткъа кхана-м, хьо дохкочлахь а,
Со ма вац кхин юхавер а –
Блаьстено ц1ен зезаг кхалахь а,
1аьн чилла ма хуьлу дера.

Кьоналло т1емаш т1ехь лелаво,
Безамо велхаво, вела,
Мерзачу набаран кхелаха
Хуьлу хьо хьуо-хьайна Эла.

Мел тамашийна ду, дахар, хьо!
Дац-кха хьан маьйна дан атта:
Байна бац эрна цхьа маха хьан,
Ур-аттал цинц а цхьа лаьттан!

Узуш ду сан кьинош терзанахь,
Кечлуш ду малик бартхатта,
Олуш ду сан деган мерзаш т1ехь
Шен илли, гуо бохуш, латта!

Оьшуш а дац хьуна!

Оьшуш а дац хьуна гларьян ахь,
Тап-алий, тийна 1адг1еллахь!
Оьшуш дац д1адахнарг лардан ахь,
Хиндолчуьн хьайн ойла елахь!

Хиндоцче са а ма тийсалахь,
Хьайн долчух цхьа таро елахь!
Цхьанци а эрна ма кыйсалахь,
Вист клезиг хилар ду г1олехь!
– «Ас», – бохуш, «Со», –
бохуш, нахалахь
Хьайх лаьцна деза ма детталахь!
Хьуо, вахахь, эсала вахалахь,
Эхарта верззалц, кху лаьттахь!

Хьан дагчохь виснехь со!

Я когийн лар йоцуш,
Йисина Даймехкан лаьттахь,
Я г1о дан стаг воцуш,
Йишхаьлла, шийла мохь беттарх,
Цу анайисттехь со,
Г1аддайна, суо-цхьалха латтарх,
Хьан дагчохь виснехь со,
Цкъа доьза вовр ву ма мотта!

Дерриге халкъана дог1ург

Дерриге халкъана дог1ург
Цхьа нах бу, доккхуш шайн дола!
Байттамал! Цхьа де ду дог1ург,
Жоп доьхуш дечуьнга къола!

Хаац, и маца хир ала...
Хирг хилар ду йоцуш шеко!
Йолчуьра хан дохковала!
Дош ала – долччуьра хьекьал!

Со вер ву цкъа мукьа

Буйсанна т1аьххье де
Д1аг1ург ду, юха ца дан.
Юьсур ю къаххьий, ц1ей,
Сан б1аьргийн нур доьлча дан.

Сан лерехь бетташ мохь,
Иэс хир ду соьга кхойкхуш,
Сан кьинойн беза мохь
Гехь соьга текхабойтуш.

Хиндерг ду кьиза сан,
Со 1аш, сема ладоьг1уш...
Соь бохуш: «Вижа д1а!» –
Наб хир ю схьат1ехьег1аш.

Зазанах дахна Іана,
Дитта гІехь га ду сенлур!
Улলেখь хир ю сан нана,
Кхелхина, да ву денлур!

Кошахь цкъа бийшина берш,
ХІусамьерш Делан Эхарт,
Сан баърччехь хевшина Іаш
Хир бу, со Деле воьхуш!

ХІан-хІа, ас дуьйцур дац,
ХІун ду сайн морцург кийра,
Хиндолчо дуьйцур дац
Суна шен хаза туьйра!

Со Іадда Іийр ву цкъа,
Ойлайийр ю кху белхан,
Со вер ву мукъа цкъа,
Велавала я велха!

Хьуна цІе тиллина яьлла

Цхьаь волу, майра ву олий,
«Дуьненан юкъ ю хьо» аьлла,
Цхьаь волу, турпал ву олий,
Хьуна цІе тиллина яьлла!
Нахана цамегарг шена,
Хилларг ду лиьна дерг Далла!
ХІунда ца мега-те олий!
И бен вац бакьонца кхельян!

Цхьаммо, шен даг тІе буй бетташ,
До хьобга, эхь дайна, хеттарш.
Цхьаммо, тІе когаш а хьобкхуш,
Лору хьо ша-шена декхар!

ХІораммо, шен-шен ю бохуш,
Нохчийчоь, хьо йобкъуш хилча,
ХІораммо, шен-шен ю бохуш,
Нохчийчоь, хьоб кхойкхуш хилча

Шайн йолччул сан юй а хаа
ХІунда ца кхочу-те хьекьал?
Суна-м хьо хилча а тоьу,
Ирсе ву йича хьо декьал!

Мел доккха собар ду хьобгахь
Лан оццул эвхьаза бегаш!
ХІун хир-те, кхачабахь ницкъ хьан?!
Хедар-те хьан ирс, хьан рицкъа?!

ХІан-хІа, хьан ирс дайна зама
Ца теша, йогІур ю аьлча,
Хьобл хаза, исбаьхьа, тамехь
Лабтга тІехь мохк хир бу аьлча!

Хьо езаш хьан кІентий мел бу,
Хьо хазьеш мехкарий мел бу,
Нохчийчоь, хьан кхерч бац шеллур,
Лийр яц хьо, ю мелхо денлур!

Бецан аре гуш

Ханнийн божлахь аьрха
дин бу терсаш,
Кхойкху цуьнга бецан аре, некъ...
Хиэда гергадахна синан мерзаш,
Маьрша дахар ма ду цунна хьакь!

Бага йобхкина ю аьчкан гаьллаш,
Коча тесна ма бу шога муш,
Сирла бІаьргийн нур ду
денна гІеллуш,
Сагатдо цо, бецан аре гуш!

Дилхан дагах шен, еш эзар гаьргаш,
Цо ког бетта, дохуш бергийн цІокь!
Маржа-яІ, ца бо и болчо тергал,
Бецан ара ца ловзуйту ког!

Хаза ма ду арахь маьрша дахар!
ЦІена ма ду бІаьстенан хІаваь!
Дино, терсаш, маьрша бита бахарх,
ТІулган дог долчунна и ца хаьа!

Хьо дІавахна...

*Хеназа дІавахначу
бераллин доттагІчунна
Хасульбеков Хьубсенна
лерина*

Ков диллина, кога кІархаш боьхна,
Хьо дІавахна хІусмаш чуьра аьхна,
– ХІинцца со схявогІу шуна, –
аьлла...
Цул тІаьхьа мел дукха зама яьлла!

ХІинццалц вижна
молт-гІайбий ду деса...
Кегий бераш ду
шайн да схялоьхуш...

Берийн нана ю и Деле воьхуш,
Б1аьргийн нур кхоьлина, яьлла иэсах:

– Цо мел олу дош ма дара мерза!
Иза-м кьона варий вала-верза!
Цуьна-м некъаш дарий ваха-ван а!
Цуьна-м дезарш дарий довза-лан а!

Везан Дела! Ахь кьилахь ма лара,
Сагатдеш, тхо дукха хьежарх ара,
Довха б1аьрхиш 1енош,
делхарх г1ийла,
Тхан дегнаш чохь шийла
1а ду, шийла!..

Кху дуьненахь стаг,
лар йоцуш, варах,
Лаьттан кийра вижна, иза тизрах,
Иза дийна волуш санна лара –
И-м цхьан ханна ваьлла варий ара!

Довха хилла дог ду кийрахь шеллуш,
Маса хилла дег1 ду дазлуш, г1еллуш,
Кхача ца луш бодане де-буьйса,
Нана-бераш да ц1аваре хьуьйса!

Х1ай сан доттаг1 мерза!

Хорачуьрчу Лечина лерина

Нохчийн курчу лаьмнашкахь,
Нохчийн ширчу хьаннашкахь,
Дайн сийлахьчу бенахь,
Зиэн-зуламна генахь
Дина, кхиьна дара хьо,
Х1ай ламанан Леча!

Вог1уш, воьдуш вайча хьо,
Нуьре амат тайча хьан,
Хезча ц1ена оза,
Вахарг дукха, г1уоза,
Вистхилира хьоьга со,
Аьлла, цкьа ладог1а соь:

– Хилийга ши доттаг1а,
Йоцуш хьаг1 я моттарг1а,
Ирсе хир ву вайша –
Доттаг1 лаьрра дайша.

...Ткье итт шарахь ца гарах,
Схьакарийна хьан лараш
Ломан юьртахь – Хорачахь,
Дуьйцу хьоь сайн дагара:

– Хьий маржа-я1, маржа!
Ю-кх вайн гуьйре дерзе!
Ю-кх вайн зама б1аьрзе!
Х1ай ламанан Аьрзу!
Х1ай мокхазар Леча!
Кьонах мила веца
Хилларг юхадерзо?!

Теркан куйса эрз а!
Шера аре бецан!
К1еза гила-берзан!
Х1ай ламанан Леча!
Х1ай, сан доттаг1 мерза!
Х1ай, сан мизан-терза!

Нохчийн курчу лаьмнашкахь,
Нохчийн ширчу хьаннашкахь,
Дайн сийлахьчу бенахь,
Зиэн-зуламна генахь
Дина, кхиьна дара хьо,
Х1ай ламанан Леча!

Х1ун ду-те коьрта...

Цхьаь цхьаннах схьадолуш хилча,
Йиш йоцуш цхьаь цхьаннах кьасто,
Цхьаь цхьаьнца ирс долуш хилча,
Шиь хилча, лууш дог хьаста,
Х1ун ду-те, х1ун ду-те коьрта?!
Селхана, даьлла, д1адахнарг
Я карахь долуш дерг тахна,
Я кхана дог1ундерг керта,
Х1ун ду-те, х1ун ду-те коьрта?!

Бугаев Ваха

Ланд краузер

Дийцар

Суьйранна кетлаваьлла лаьтгара Мохьмад, цхьа сахьт бен ца дисна марха даста, бохуш шен дагахь. Бежшаш дара цлаоьхуш, шен шина аттана дуьхьала йоьдуш, хлокхуьнан хлусамнана Зина а яра.

Биь некь къаьстачу кхаьчна йоьдура Зина, цунна дуьхьала йоглу цхьа лаьржа, хьаргла санна йолу, машен тлехйолуш.

И машен тлехйолуш Мохьмадана цу чохь руль лаьцна воьдуш волу шопар, шен блаьрг кхетташехь вевзира.

Машен лелош верг-м некьайистехь лаьтта Мохьмад ца гучуха а, цхьана куьйга машенан руль хьийзош, вукху куьйгаца шен глеххьа яьлла маж кламьеш, блаьргех духку лаьржа куьзганаш хьетла хьалатеттина, йоьза тас санна можа тлуьска кьегош тлехтилера. Машенна тлаьхьахьоьжуш, вела а кьежна, Мохьмада лохха ша-шега элира: «Иштта хила веза-кх нуц, ша хилахь!» – аьлла.

Цуьнгахь ерг кхуьнан, Мохьмадан, ден маьхчин йо1 яра.

«Хлаь, хлинца вон дац тхан невцан глуллакхаш, – ойлане велира Мохьмад, – тохара санна дац».

Шолгла тлом болабеллачу хенахь ду иза. Иштта, тахана санна, цхьана сарахь кетлаваьлла лаьтташ вара Мохьмад.

Тесерсаш догла долуш кхоьлина суьйре яра иза.

И биь некь къаьстачохь, некьайистерчу akkaзин диттийн могла чекхболучохь, йистехь лаьтта лекха цхьа akkaзи тле БТР тухуш, и кагйина некьана клел «жов-в» аьлла длахарцош, сецира.

Клуьран, даьттанан, соляркин хьожа йоглчу, яккхий ризаьнкин чкьургаш йолуш сецначу БТР-ан тлехьара ши не1 цлеххьана еллалуш, длакхеташ цхьа адам, билггал силаман некьа тлехь дладаржийта онда тлехьашха хлума тоьхна, чудеара, тламарш лестош, амма ши куьг хьалха лаьтта длаглортош сацаделира диьлара.

Сецна БТР, меттахйолуш лаьржа клур тесна, лодара кхоьссича санна длаиккхина яьлла дляхара.

Виьлара вахначо, халла дласатехкаш, деглаца хьаланислуш, дласахьаьжна мохь тоьхна элира:

– Хле-й нах, алийша, со стенга кхаьчна?!

Вайн хьешан бат а яра ерриг цлешха юьзна, лаьржа хьоькхнаш йолуш. Гуш дара оцу кьонахчун деглехь ондда эпсаран кеп йоллий. Мохьмада дламохьтуьйхира:

– Деллахьа, кьонах, хьо хлинца стигал юткьаеллачу кхаьчна моьттуш ву-кх со! – аьлла.

Оцу хенахь кетлаьяьллачу Зинина, дло биь некь къаьстачохь техкаш лаьтгачух блаьрг ма-кхийттинехь вевзира:

– Ватта, сан дела! Хлара-м ларби ма ву, со хьера ца яьлলেখь! ларби, хьо муха кхаьчна кхуза? – цуьнан пхьарс лоцуш улле хлоьттира иза. – Суна хаьа, хьо стенга ваха везаш ву, ас длакхетор ву хьо, вало, – ца кхеташ хьоьжуш лаьтгачу

Мохьмаде элира: – Х1ара вайн Децаг1еран йо1 Милана яхана 1арби ву. Х1ара д1акхетийна со схьайог1у.

Хала когаш т1ехь лаьтгаш волу 1арби пхьаре лаьцна д1айизош, Мохьмадана хьалхахула долуш ураман лакхахьа д1адоладелира и шиь, т1аьхьа хьаьжначохь Мохьмад вьусуш.

Шачул дика

Забаре дийцар

Базарахь кара холхазан куй лаьцна волчу цхьана йохкархочунна хьалха сецира цхьа кьонах, куйне б1аьргбетташ:

– Куй бухкуш буй хьан? – олуш.

Йохкархочо:

– Бу, хьажал хьайна мегий! – аьлла, шен карара куй д1акховдийра т1евеанчуьнга.

Куй схьаэцна, шен коьртарниг схьабаккхина, уллорчу зудчуьнга д1акховдош, важа куй коьрта тиллира кьонахчо.

Йохкархочо шен киснара схьадаьккхина доккхуо чухьожу куьзга кьонахчунна хьалхалецира:

– Хьажал куьзганчу. Валлах1и, куй товш-м хета хьобгахь, дан хьайна луьург де, – аьлла, т1етухуш.

Кьонахчо куьзганчу хьобжуш:

– Хаац, товш бу бац-м, х1ара сан лергаш-м д1асадахийтина кхуо, аьттан ма1аш санна, – элира.

Йохкархочо элира:

– Оввай, и бохург х1ун ду-у?! Маха баккха хууш х1усамнан яц хьан ц1ахь? Чухула жима т1етг1а узуш маха баьккхичхьана, куй т1еххьа хир бу-кх хьуна.

– Маха шачулла дика цхьанна а боьршачу стаге боккхуйтур боцуш зуда-м хьаха яра сан, – элира кьонахчо, кара куй лаьцна, елакьежаш уллохь лаьтгачу х1усамнене хьожуш.

– Вахь-хьа-хьа, – аьлла, велавелира самукьадаьлла йохкархо, – боьршачу стагачул а дика боху ахь?! – бохуш.

Шен х1усамдас ша боккьал хестайо моьттуш х1усамнанас элира, эхь хета кеп х1иттош:

– Д1авлахьа, стаг, нахана юккьехь мукьна ма хестаехьа со, – аьлла.

Асламбек Якубов

Прощальный жест

***

*Президенту
бойцовского клуба
«Беркут»
Майрбеку Хасиеву*

Да не сожмется щедрая ладонь,
До боли стиснутой в кулак скупого,
Как не свернет вдруг
праведник с прямого
Пути в Эдем – на адава огонь.

Свершенье добрых, благородных дел –
Врожденные потребности чеченцев.
Заточены они на них с младенцев
С прямолинейностью
колчаных стрел.

Лишь умному по силам совладать
Судьбы крутой
с безумным переплясом.
Лишь им рукою сильною взнудать
Коней ретивых фарта и коллапса.

Земля чеченцев, древненахский край.
Намоленный устазами святыми,
Отмеченный деяньями благими,
Ведущими прямой дорогой в рай.

Являешь ты и ныне сыновей
Со званьем настоящего мужчины.
Кому чужие скорби и кручины
Не менее своих проблем больней.

На них таких и держится наш мир,
Они приходят подавать примеры –
И мужества, и щедрости, и веры,
Давая жизни четкий ориентир.

***

Бывали ль вы в Итум-Кале,
Где вверх дороги убегают,
Где бьют ключи и по скале
Струей серебряной стекают?
Там в небесах парят орлы,
Вершины гор в снегах сверкают,
И сквозь гранит крутой скалы
С чинарой бук произрастают.
Там воздух свеж, прозрачен, чист,
Он душу, мысли просветляет.
И птичий гомон, звонкий свист
Рассветы алые встречает.
Бывали ль вы в Итум-Кале,
Ночной ходили ли тропюю,
Где неба звездное кольцо
Свисает аж над головою?
Там пропастей глубоких тьма
С бегущею на дне рекою,
Там столько пищи для ума,
Ума с лирической душою.
Картины гор прекрасней нет –
Их величавость впечатляет,
И, знаю я, на много лет
Их посетивших покоряет.

***

Где б ни жил я: в Дамаске ли,
в Омане
Или в Одессе время коротал,
Вас, будто нечто ценное в кармане,
Я постоянно в памяти держал:

Моя Отчизна и родные лица,
Мы связкой напрочь стянуты одной;
Мне часто-часто дом в ауре снится
И круг друзей, очерченный судьбой.

Меняет время нас, а мы – широты,
Умнеем вдалеке, в чужих краях;
Чем дальше,
    тем чувствительнее годы,
И тем острее боль и грусть в глазах.

Как жаль, что вновь
    к истокам не вернуться,
Не окунуться в детство с головой,
Чтоб суетой уже не обмануться
И жить для вас и сердцем, и душой.

Моя Отчизна и родные лица,
Печалей, к сожалению, не счесть,
Но жизни мне вы первая страница –
Как хорошо, что вы, родные, есть!

Учителю

Как иллюзорна жизнь и быстротечна,
В ней все почти итожат тлен и прах.
Но доброе, разумное и вечное
Тобой посеяны и в душах, и в умах.

Учитель наш заботами согбенный,
С годами убеленной головой, –
Но как твои уроки незабвенны –
Ты в благодарной памяти людской.

Ты ввел нас в жизнь
    по азбуки ступеням
И за руки нас мысленно держал,
И суть предмета, как стихотворенья,
Осваивать, постичь нам помогал.

Теперь же мы
    все дружно повзрослели,
Растекся выпуск, как воды поток.
Но вновь к тебе вернуться бы хотели,
Как после перемены на урок.

Прощальный жест

Занавешенные окна,
А внутри квартиры – свет.
В полутьме цветы с балкона
Смотрят рассыпью монет.

А внизу бегут машины
И мигает светофор,
А за окнами витрины –
Бутафории набор.

На часах двенадцать ровно –
Стрелка стрелку обняла...
И теперь, пожалуй, можно
Мне уйти – она ушла.

Но стою, как приворожен.
Может, так оно и есть?
К дому я ее прикован
Сколько дней, уже не счесть.

Занавешенные окна,
А внутри квартиры – свет.
Полузева дверей балкона
И руки прощальный жест!

Бульдозер

Я при делах и в зной, и при морозе,
Всегда готовый двинуться ва-банк,
Я из семейства траковых – бульдозер,
И мой собрат –
    военный грозный танк.

С сородичем – почти одни и те же,
Близки, примерно как с собакой волк,
Одни и лязг, и гусеницы скрежет.
Да только вот различен от нас толк.

Сугубо мирный, я не кровожаден,
И если и крушу – чтоб созидать;
Не устрашающ я и не параден,
И жерл лишен – не смерти исторгать.

Пусть, как в собрате,
    мощи нет мотора.
Не одолеть, как танку, водоем,
Но человеку – верная опора.
Мы созиданья сила с ним вдвоем.

Конем железным прозван я недаром –
 Во мне силища в сотни лошадей,
 И без науги, словно Божьим даром,
 В жизнь воплощаю планы я людей.

И то, что человека окружает,
 Из года в год все лучше возводя –
 Он с нулевого цикла начинается,
 Моим ножом по плоскости вода.

Востребован и в зной, и при морозе.
 Упорства мне и сил не занимать –
 Испытанный,
     проверенный бульдозер,
 Я продолжаю на людей «пахать».

***

Гирляндой желтых фонарей
 Продета сумрачная даль,
 И я один иду под ней,
 Срывая с города вуаль.

Дома – как книжные тома,
 Что смотрят с полок ровно в ряд,
 Энциклопедия сама,
 В любом окне – свой мир и взгляд.

За поворотом – «Жигули»
 У ресторана «Океан»,
 В зеркальном лоске и пыли
 Стоят и слушают орган.

А рядом плещется река,
 И блик Луны на ней дрожит –
 Он иву трогает слегка,
 От грустных дум ее бодрит.

Все замерло в глуби ночи –
 Объято крепким, сладким сном.
 И бедняки, и богачи
 В правах уравниены все в нем...

А там, за дальнею чертой,
 От сварки сполохи огня –
 То Грозный трудится ночной
 И к третьей смене ждет меня!

***

Идут асфальтовые войны,
 Рисуют «тачки» кренделя,
 А жертвам счет на миллионы –
 В кровавых росчерках земля.

В мозг лихача коварный вирус
 Проник и бденье отключил,
 Скрутил машину, как папирус,
 И на запчасти разложил.

Незнание и неосторожность,
 А также пьянство и кураж
 Опасны, как лихая скорость
 И непредвиденный вираж.

Какое тяжкое похмелье!
 Раскаянье на много лет
 Несут минуты расслабленья,
 Несет беспечности момент.

Иса Гунаев**Доза**

Повесть

Свадьба. Событие, которое происходит в жизни почти каждого человека. Кто женится или выходит замуж по любви, кто – по расчету.

Всевышний даровал человеку жизнь и возможность дать жизнь другим, своим детям, продолжателям рода. Всевышний дарует человеку жизнь и вместе с ней талант, то есть возможность заработать на хлеб насущный, прокормить себя и свою семью. Не каждый человек может обнаружить в себе дар Бога, и он скитается по свету в поисках своего счастья. В своих поисках человек часто спотыкается, падает, причиняя себе боль, муки и страдания, и не только себе, но и окружающим, родным и близким. Он не может найти покоя, его душа словно пытается оторваться от тела. И невозможно найти себя в жизни без веры. Без веры в Создателя своего, которая является компасом, направляющим на путь истинный, на путь, который приведет человека в бессмертие. И если человек считает, что он сможет найти себя в этой жизни, Всевышний дает ему и такую возможность, и полную свободу. Каждый человек – кузнец своего счастья или несчастья.

Кузнецом своего счастья считал себя и Муса. Конечно, он добился не всего, чего хотел, но был на пороге к своей цели. И, как он считал, на правильном пути. С юношеских лет он мечтал стать ветеринаром. Кто видит счастье в деньгах, кто – во власти. Но Муса видел свое счастье в лечении животных. Любовь к ним в нем проявилась еще с детства. Эти беззащитные, немые существа всегда вызывали в нем сочувствие и желание помочь им. Они, как и все живое, росли, радовались и грустили. Но высказать свои чувства, желания и боль они не могли, по крайней мере человеку, а Мусе казалось, что он понимает их язык и что они понимают его.

Он окончил ветеринарный техникум и собирался устроиться на работу в одну из сельских ветеринарных лечебниц.

Но перед тем, как уехать, устроиться на работу, отец хотел, чтобы Муса женился.

Невеста у Мусы была. Более года он ухаживал за Маликой. Их познакомил друг детства Мусы, Анзор. Анзор с Маликой учились в медицинском колледже на последнем курсе.

В один из своих свободных дней Муса пришел в колледж. Там он впервые и увидел Малику. Девушка ему сразу понравилась, и он начал расспрашивать Анзора о ней. Друг не заставил долго ждать ответа. Анзор знал Малику как одну из самых красивых и воспитанных девушек. Малика была из уважаемой семьи. Через некоторое время Анзор познакомил друга с Маликой, и после Муса часто приходил в колледж, чтобы видеться с невестой.

Малика отвечала взаимностью.

Дело шло к свадьбе, молодые люди решили жениться сразу же по окончании учебы.

Наконец, учеба закончилась. Дата свадьбы назначена. В доме Магомеда идут приготовления к этому важному дню. Хотя семья и небогатая, нужно постараться сделать все, чтобы встретить и проводить гостей как положено, в общем, как говорится, «не ударить лицом в грязь».

Лейла, старшая и единственная сестра Мусы, теперь могла спокойно вздохнуть. Потому что двоих братьев, Мовсара и Муслима, женили, устроили, и теперь, наконец, наступила очередь Мусы. самого младшего, самого любимого, как водится.

Лейла с грустью вспомнила о матери, которая рано ушла из жизни, оставив маленьких детей. Она была бы так счастлива видеть, как женится ее младший сын. Но, увы. Так сложилась жизнь, что своим трем младшим братьям Лейла заменила мать.

Лейла не хотела устраивать свою жизнь, пока братья не окрепнут, не встанут на ноги. Да и в доме нужна была женская рука, а Магомед не пожелал жениться вторично. И Лейла понимала, что, уйдя в другую семью, она не сможет уделить родному дому столько внимания, как ей захочется. Лишь после женитьбы Мовсара и Муслима она согласилась выйти замуж, убедившись, что оставляет дорогих ей людей в верных и надежных руках. Невестки оказались добрыми, трудолюбивыми и быстро влились в их дружную семью.

Лейла удачно вышла замуж. Своего зятя, Заура, братья Лейлы принимали как брата. Семья Заура была известной и уважаемой в народе. И братья тоже были спокойны за свою сестру. Она заслужила, чтобы быть счастливой в новой семье.

Лейла не хотела заранее оповещать родственников о предстоящей свадьбе Мусы. Потому что семья Магомеда и их родственники не были богатыми, не занимали высоких должностей. Были простыми рабочими со средним достатком. А чеченская свадьба – это огромное количество родственников. Пустая и бессмысленная, как считала Лейла, трата времени и средств как самой семьи, так и родственников.

Во избежание этой лишней, не нужной суматохи у чеченцев существовал древний обычай, который называют в народе «похищением» или «умыканием» невесты. На самом деле никакого похищения не было. Девушка назначала время, в указанное время жених с друзьями приезжали за ней, девушка приходила в сопровождении подруги к указанному месту, где друг жениха должен был вручить подруге невесты крупную денежную купюру, взять невесту за руку, – конечно, с ее согласия, – усадить в машину, и друзья спешно покидали место встречи. А назывался этот старинный народный обычай «похищением невесты» только лишь для того, чтобы защитить честь девушки. И совершается это «похищение» в большинстве случаев с согласия самой невесты. Которая, возможно, боялась, что ее родственники откажут сватам, или же она не из богатой семьи, у которой нет возможности для организации пышных проводов.

Муса находился в компании своих друзей, однокурсников, которые провожали его в семейную жизнь.

Чем ближе был день свадьбы, тем больше Муса волновался и задумывался над тем, готов ли он к созданию семьи.

Отец Мусы, Магомед, не был образованным человеком. Но очень хотел, чтобы его дети учились. И был категорически против того, чтобы дети создавали семьи, не имея высшего образования. «Образованный человек никогда не пропадет, – говорил Магомед. – Я не смог получить образования. Не скажу, что это как-то повлияло на мою жизнь. Но мне придавало сил то, что я хотел вырастить грамотных детей. Время сейчас такое. Образованных и воспитанных. Чтобы на старости лет мне не пришлось краснеть перед людьми из-за своих бездарей, и я был бы спокоен за будущее своих детей и внуков».

Теперь Магомед мог наконец-то быть спокоен. Его младший сын закончил учебу. Предстояла его свадьба. И Магомед чувствовал, что он выполнил свой отцовский долг перед Всевышним и детьми. Всем дал образование, вывел в люди, каждому создал крышу над головой. Теперь ему оставалось только следить за порядком в семье, воспитывать внуков и спокойно доживать отведенное ему Всевышним время на земле.

Наступил день свадьбы. Муса находился со своими друзьями. Они собирались за невестой.

Малика тоже очень волновалась и боялась. Сегодня решалась ее судьба. В том, что она сделала правильный выбор в отношении жениха, она не сомневалась. Но боялась, не осудят ли ее отец и братья, которых она очень

любила. Сегодня она впервые в своей жизни делала шаг, который не был согласован с ними. Они об этом ничего не знали. Незадолго до этого дня Малика намекнула об этом невестке Залине, жене своего старшего брата, которую когда-то так же «похитили». Это было в тот день, когда на свидании с Мусой она назначила день свадьбы, а точнее день, когда она сможет выйти к ним. Малика очень волновалась. И о назначенном времени не знал никто, кроме ее подруги. Подруга, конечно же, посоветовала ей никому не говорить. Но не поставить никого в известность Малика не могла. По возвращении из колледжа Малика долго не решалась. Но Залина, заподозрив, что что-то гнетет ее золовку, поинтересовалась, не беспокоит ли ее что. Малика рассказала ей о предстоящем событии. Малика с невесткой уединились в ее комнате.

– Ты давно с ним знакома? – спросила Залина.

– Уже второй год.

– А о его семье тебе что-нибудь известно?

– Конечно. Правда, только то, что рассказал его друг. Мы вместе учимся. Он из порядочной, уважаемой семьи.

– А твой жених? Он не в вашем колледже учится?

– Нет, – Малика засмушалась. – Он учится в ветеринарном техникуме.

– А что тебя в этом смущает? Главное, что у человека есть хоть какая-то цель в жизни, интерес. Не важно, какую профессию человек выбрал, главное, что он ее выбрал и идет к своей цели. Никогда не понимала и не уважала людей, которые живут просто для того, чтобы прожить, вернее, просуществовать в этой жизни и уйти из нее бесследно.

– Я не знаю, что мне делать. Как быть? Правильно ли я поступаю? Я не хотела об этом никому говорить.

– Я тебя понимаю, как никто другой. Сама переступила через такое. Правда, с матерью я поделилась. Мама мне была как подруга. У меня от нее не было секретов.

– Ты считаешь, что я должна рассказать об этом маме? Я боюсь.

– Нет, конечно, – улыбнувшись, Залина погладила свою золовку по головке.

– Наша мама строгая, слишком правильная. Только не подумай, что я не довольна свекровью. Но у женщин должны быть свои секреты. Не обо всем, что творится в доме, должны знать и мужчины. Главное, что мы не позорим их честь и достоинство, уважаем их и их честное имя.

Мама Малики, действительно, была человеком очень строгим. Строгой со своими детьми, потому что муж ей так наказал. И она не говорила ни слова, не делала ни шагу, не поставив в известность мужа. Конечно, Залине не все нравилось в характере своей свекрови, их взгляды на быт в семье не во всем совпадали. Но в каждой семье свои правила и свои порядки. Ничего страшного в таких порядках Залина не видела. «Может, так и должно быть», – успокаивала себя Залина, когда в чем-то не соглашалась со свекровью.

– Ты считаешь, что я поступаю правильно?

– Рано или поздно, ты должна выйти замуж. И лучше самой выбрать себе мужа, чем когда-нибудь муж выберет тебя. Главное, чтобы у вас были общие взгляды на жизнь, схожие интересы. Чтобы вам было легко в общении, чтобы в семье была гармония. Конечно, нет идеального человека, как и идеальной семьи. Семью вы должны построить вместе, создать свой быт, уют в доме. В основном, это твоя забота. Выйдя замуж, знай, что ты вышла замуж, а не думай, что женилась на нем. Но самое главное, я считаю, что в своем избраннике, прежде всего, ты должна видеть не своего любимого мужчину, а отца своих будущих детей. Поверь, это очень помогает сделать правильный выбор и принять твердое решение.

Малика, вздохнув с облегчением, обняла свою невестку.

– Спасибо тебе, Залиночка, – сказала она. – Камень с сердца упал.

– Я очень рада, что могу тебе помочь. Это большое счастье – быть свидетелем воссоединения двух влюбленных сердец и, более того, принимать в этом участие. И Всевышний воздаст за это.

Дальше Залина принимала активное участие в подготовке к свадьбе Малики. Конечно, это нужно было делать незаметно для других членов семьи, особенно мужчин.

Мечта каждой матери – удачно выдать дочь замуж. Принимать в этом участие братья и отцы, по чеченским обычаям, не могут. За ними лишь последнее слово, дать свое согласие или отказать сватам. Но и, конечно же, материальные расходы на свадьбу входят в их обязанности.

Брат Малики, Руслан, догадался о том, к чему готовятся жена и сестра, когда в его комнате начали появляться новые женские платья и украшения.

– Наделаете глупость, башку тебе оторву, – полушутя сказал Руслан как-то перед тем, как уехать утром на работу.

– Я поняла, – коротко ответила Залина.

Руслану с Залиной повезло. Они с полуслова и полувзгляда понимали друг друга. За свой тыл он всегда мог быть спокоен.

Муса с друзьями уже выехали за невестой. Они ехали на двух машинах.

Магомед догадывался о предстоящем событии. Он наблюдал за тем, как дочь с невестками накрывали праздничный стол. Ни с кем из членов семьи или других своих родственников он не говорил на эту тему. Единственное, что он спросил Лейлу, так это с согласия ли самой девушки все это происходит. Получив утвердительный ответ от Лейлы, Магомед участвовал в деле лишь сторонним наблюдателем.

Муса с друзьями, наконец, прибыли в район, где проживала Малика. Они остановились в указанном месте, за пятиэтажным домом. Машина, в которой сидел Муса, остановилась чуть подалее, позади от машины, в которой его друзья должны были забрать невесту.

Друзья прождали невесту чуть более получаса. Наконец, появилась Малика в сопровождении подруги-однокурсницы. Им навстречу вышли старший двоюродный брат Мусы, Аслан, с его другом Анзором.

– Добрый день, – приветствовал девушек Аслан.

– Добрый день, – ответила подруга Малики.

– Не будем тратить время на лишние разговоры, – продолжил Аслан. – В нашем деле нельзя медлить. Я двоюродный брат Мусы, Аслан. На меня возложена эта благородная миссия – участвовать в воссоединении двух влюбленных. И для меня это великая честь. Малика, по собственной ли воле тыходишь в нашу семью?

Малику за руку держала ее подруга. Конечно, невеста не могла в этой ситуации говорить. Малика лишь согласно кивнула головой.

– Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного, с этого момента, в радости и в горести, ты наша невестка, – произнес Аслан и, подходя к девушкам, протянул ей руку.

Подруга отпустила руку Малики. Аслан взял Малику за руку и повел ее к машине, которая стояла в двух-трех шагах от них. Друг Анзор, по обычаю, протянул купюру подруге Малики и тоже быстро сел в машину.

Машина, в которую усадили невесту, со свистом тронулась с места. Следом тронулся и автомобиль, в котором сидел Муса. Обе машины быстро покинули место встречи, из них произвели несколько выстрелов из пистолетов в воздух, как того требует обычай.

Наконец, машины приехали на улицу, где жил Муса. Он жил в частном секторе города.

Невесту тепло и радушно встретила Лейла с невестками, ее провели в дом. Там находились Магомед со своим двоюродными братьями и дядей. Брат Магомеда отправил своего сына Аслана за муллой для совершения обряда вступления в брак молодых по шариату.

Муллу не пришлось долго ждать. Он жил на одной улице с семьей Магомеда.

Поскольку по чеченским обычаям жених не присутствует на своей свадьбе,

мулла, в первую очередь, завершил обряд вступления в брак с невестой. После чего муллу сопровождали в соседний дом, где уже находился Муса с двумя своими друзьями, свидетелями, и совершил обряд с ним. Затем мулла вернулся в дом Магомеда, он зашел к старикам и сел с ними.

– Семья невесты в курсе, что их дочь вышла замуж? – спросил мулла старших.

Конечно же, мулла Шамиль догадывался о том, что невеста «похищена», но спросить об этом он был обязан.

– Уже, наверное, да, – ответил старший брат Магомеда, Магди, что вызвало смех собравшихся, в том числе и муллы.

– Тогда, не медля ни секунды, мы должны поехать к ним, – сказал мулла.

– Конечно. Мы уже готовы, ждали, пока ты выполнишь свою работу.

– Что ж, моя миссия окончена. Отправляйтесь в путь немедленно. Если я нужен, могу поехать с вами.

– Как раз об этом я и хотел тебя попросить, Шамиль, – ответил Магди. – Если у тебя есть время, поедem с нами. Еще неизвестно, как нас там встретят. А с муллой говорить будет легче.

– Вы с ними не знакомы?

– Нет. Молодые сами решили пожениться. Наше дело понять их и пойти им навстречу. Сами ведь были молодыми.

– Да, конечно, – согласился мулла. – Молодежь у нас и раньше не была глупой, но теперь у них больше свободы и возможности общения. Нам только остается надеяться, что они не ошибутся в выборе, и пожелать им удачи в жизни. Поехали, время.

Муллу поднялся и направился к выходу. Следом вышли старейшины семьи Мусы.

Во дворе их уже ждали две машины с калымом для семьи невесты. Сваты поехали на двух машинах, в одну из которых сели старший брат Магомеда Магди и мулла Шамиль.

Проводив их, Магомед вернулся в дом. Отец жениха, по обычаю, не мог поехать с ними на этот раз.

Машины подъехали к дому невесты.

В квартире находились родители и старший брат «похищенной» невесты Руслан со своей женой Залиной. Атмосфера была накалена. Узнав о том, что дочь «похитили», отец Малики пришел в ярость, даже ударил жену за то, что не досмотрела за дочерью. Брат Малики успокаивал рассерженного отца.

Залина со своей свекровью находились в спальне. Невестка пыталась успокоить плачущую свекровь. Руслан с отцом были в зале. Услышав звонок в дверь, Руслан пошел открыть дверь.

Увидев на пороге пожилых людей, Руслан, освобождая проход, пригласил гостей в дом. Конечно же, он догадался, что это родственники жениха.

Со словами: «Мир вашему дому!» – гости прошли в квартиру.

Отец Малики, Расул, встал им навстречу. Он еще пребывал в ярости. Расул поднял руку вверх, не давая гостям высказаться.

– Никакого соглашения между нами не будет, – резко отрезал он. – Вернете мою дочь обратно! Никакого родства между нами быть не может!

Не выслушав ответа, Расул вышел из комнаты и ушел на кухню.

Очень неловко почувствовал себя Руслан. Поведение отца не понравилось ему. Он извинился перед гостями и вышел за отцом.

Расул уселся на кухне у окна и смотрел в окно, давая тем самым понять, что он не желает ни с кем разговаривать. Войдя на кухню, Руслан закрыл за собой дверь, чтобы поговорить с отцом без свидетелей.

– Отец, ты не прав, – спокойно сказал Руслан. – Люди пришли в наш дом.

– Я не хочу их видеть. Позови Залину, накройте им на стол. Пусть попьют чай и уйдут.

– Отец, ты не прав, – повторил Руслан. – Давай не будем позориться. Они не

отдадут Малику, если хоть чуточку себя уважают. Ты же это знаешь. В любом случае, мы должны выслушать их. Они пришли под крышу нашего дома и пришли не с войной.

Немного посидев, чуть успокоившись, Расул поднялся и направился к двери. Руслан вздохнул с облегчением.

– Ради Аллаха, держи себя в руках! – произнес шепотом Руслан, когда отец проходил мимо него.

Расул прошел в зал и сел напротив гостей.

– Ради Аллаха, простите меня! – попросил Расул гостей, присаживаясь напротив сватов. – Я не знаю, что на меня нашло.

Гости понимающе кивнули головой.

– Мы тебя понимаем, – начал первым мулла. – Меня зовут Шамиль, я имам мечети в районе, где проживают эти уважаемые люди. Это Магди и Саламбек, они дяди жениха. Не печальное событие собрало нас сегодня здесь. И не с враждебной миссией мы переступили порог твоего дома. Сегодня соединились сердца двух молодых влюбленных людей. Мы это должны приветствовать, должны радоваться за них.

Расул слушал их, опустив голову. Он поднял руку, прерывая речь муллы. Мулла замолчал, предоставляя ему слово.

Руслан стоял у порога двери, он не имел права вмешиваться в разговор старших, если они сами не предоставят ему слово. Но поведением отца он был очень не доволен.

– Вот вы мулла? – начал Расул.

Шамиль согласно кивнул головой.

– Вы должны проповедовать законы шариата. Направлять нас на путь истинный, – продолжил Расул.

Мулла и здесь кивнул в знак согласия.

– Вот ответьте мне: разве шариат позволяет похищать людей?

– Шариат категорически запрещает похищать людей, – спокойно ответил мулла. – Более того, шариат запрещает причинять человеку даже моральную боль, не говоря уже о физических страданиях. Но шариат не запрещает людям жениться.

– А то, что вы сделали, это разве не похищение?

– Это можно назвать и похищением. Но есть и другая сторона. Я вижу, ты слабо знаком с многовековыми обычаями наших предков. Кроме того, что мы являемся мусульманами, мы еще и чеченцы, со своими обычаями и традициями. Я бы согласился с тобой, если бы девушка была увезена против ее воли. Я заключил брак между молодыми несколько минут назад. Я не сделал бы этого, если бы твоя дочь была против.

– Она согласилась, потому что так и так уже находилась в их доме. Она не могла сказать ничего другого, – перебил Расул муллу и, сразу же поняв, что не прав, извинился и попросил муллу продолжить.

– Я не в первый раз участвую в таком деле, – спокойным голосом продолжил Шамиль. – И вижу, где девушка удерживается насильно, где находится добровольно. Если бы это действительно было похищением, я не переступил бы порог этого дома. Я не переступил бы закон шариата. А как ты собирался выдавать ее замуж? Ты же не собирался всю жизнь держать ее дома? Ты же знаешь, что дети, повзрослев, должны устроить свою жизнь. Ты хотел сам выбрать ей жениха? Ты хотел, чтобы к тебе пришли просить ее руки и сердца? Как ты собирался выдать ее замуж? Разве ты желаешь зла своей дочери? Разве ты не желаешь ей добра и счастья? Она это сделала не только ради своего счастья. Она так поступила, возможно, из страха, что вы не позволите ей выйти замуж за своего любимого, или из страха, что, если об этом узнают недоброжелатели, возможно, кто-то попытается воспрепятствовать ее счастью. Возможно, она просто не хотела причинять вам неудобств. В любом случае, это уже произошло и, к счастью, произошло с обоюдного согласия. И нам остается только пожелать молодым удачи и счастья и порадоваться за них. Познакомиться с родными,

ведь молодые соединили не только свои судьбы, они породнили и вас. Отныне вы одна семья, и радости и горести у вас будут общими.

Мулла закончил свою речь. Расул слушал его и соглашался с ним. Наступила пауза.

– Бес меня попутал, – наконец сказал Расул. – Мне так неловко перед вами. Ради Аллаха, простите меня. Спасибо тебе, Шамиль. Ты открыл мне глаза.

Все собравшиеся с облегчением вздохнули. Больше всех такому исходу был рад Руслан.

Расул позвал невестку и жену, чтобы те накрыли стол теперь уже, благодаря грамотной речи муллы, желанным гостям. Мужчины уселись в круг на полу и прочитали мовлид по поводу мирного завершения миссии и с пожеланиями мира и счастья молодой семье.

Магди попросил молодых занести калым. И по завершении церемонии гости покинули дом невесты.

Мулла, Магди и его двоюродный брат сели в одну машину.

– Какой-то странный этот наш новый родственник, – сказал Магди, когда они чуть отъехали от дома. – Мне он очень не понравился.

Магди был очень зол на отца невесты. Он с трудом сдерживал себя на встрече. Магди вообще по характеру был человеком вспыльчивым. Но, на удивление муллы и брата, здесь он проявил сдержанность.

– Его можно понять, – попытался объяснить мулла. – У человека впервые вышла замуж дочь, и единственная. Он впервые столкнулся с подобной ситуацией и, конечно же, не знал, как себя вести, он просто был растерян.

– С ним-то, наверное, это произошло в первый раз, – не успокаивался Магди. – Но он же живет среди людей, не в лесу. Должен ведь наблюдать, как другие живут, как ведут себя другие в таких ситуациях, как решают подобные вопросы. Чему он может научить своих детей? Что он им передаст?

– Но, в отличие от отца, сын повел себя более воспитанно, – вмешался в разговор двоюродный брат Магди, который до сих пор не проронил ни слова. – Не все дети похожи на своих родителей.

– Да, спасибо ему, – согласился мулла. – Человек попадает в разные ситуации. Но выходить из них достойно умеет не каждый. Парень не растерялся, но заслуги отца я в этом не увидел. Жизнь – сложная штука. Чтобы прожить жизнь достойно, чтобы из-за тебя детям не пришлось краснеть перед людьми, нужно постоянно учиться жить. Наблюдать за тем, как живут другие, как люди решают те или иные вопросы, как выходят из тех или иных ситуаций, анализировать, участвовать в таких мероприятиях. Нужно постоянно набираться жизненного опыта, чтобы было что передать детям, пусть не детям, вообще окружающим. В жизни все пригодится, особенно знания, опыт. От человека знающего, образованного, воспитанного будет исходить только добро, даже после его смерти. Жизнь очень коротка, и все добро, которое человек посеет в этой жизни, воздастся ему и на том свете.

– Да, ты прав, – сказал Магди. – Как хорошо, что ты поехал с нами, Шамиль. Если бы не ты и не его сын, мы бы с ним точно поссорились.

– Это точно, – подтвердил его брат.

– Зная твой характер, – сказал мулла, обращаясь к Магди, – я сидел там как на иголках. Я боялся, что ты вот-вот что-нибудь грубое скажешь, подольешь масла в огонь. Тогда договориться было бы намного сложнее.

– Ну-у, так-то я умею себя вести на людях. Может, я и резок и вспыльчив, но в том, что я к кому-то отнесся несправедливо, никто не может меня упрекнуть. Терпеть не могу, когда мужчина ведет себя как базарная баба.

Магди и Магомед были родными братьями, старшими в роду. И все спорные вопросы в роду или с представителями людей другого рода решались с их участием. Они были известными и уважаемыми людьми. Но характеры у них были очень разные. И в основном люди обращались к Магомеду. Он был очень мягок и всегда пытался решить вопрос миром. Они оба были людьми

справедливыми, но, в отличие от Магомед, Магди был больше настроен на то, чтобы наказать виновника конфликта. Особенно он был беспощаден к членам своего рода. «Я не позволю никому позорить свою седую бороду, – часто говорил Магди своим. – Я прожил жизнь не для того, чтобы на меня указывали пальцем, не для того, чтобы краснеть перед людьми». А Магомед часто говорил: «Умейте прощать, учитесь не совершать ошибок».

– Что бы там ни было, – сказал мулла, – теперь вы одна семья. Отныне вы будете собираться на одних свадьбах, на одних похоронах. Умейте прощать, как часто говорит Магомед. Я вас очень прошу, ради Аллаха, забудьте о тех неприятных моментах, что там произошли. Этот человек воспитал и подарил вам ангелочка, девочку, которая сегодня стала членом вашей семьи. Которая породнила вас, которая из любви к вашему сыну и из уважения к вам пришла сегодня в вашу семью, чтобы делить с вами и горести и радости. Ради нее, ради вашего мальчика, ради их будущих детей забудьте об этом.

– Конечно, – сказал Магди. – Я не собираюсь с ними враждовать.

– Спасибо, что приехал с нами, – поблагодарил еще раз муллу брат Магди. – И за теплые слова.

Наконец, машины прибыли к дому Магомед.

Магомед очень переживал все это время. Узнав от сватов, что все решилось мирно, он, наконец, успокоился и вздохнул с облегчением, тоже поблагодарив Шамиля за принятое участие в их деле.

Закончилась основная, самая сложная церемония. Поздравить со свадьбой семью Магомед к ним начали приходиться соседи и родственники.

Старший брат Мусы, Мовсар, привел знакомых музыкантов со своими инструментами. Средний, Муслим, со своими друзьями подготовил площадку для танцев и веселья. Ну а сестры и невестки, конечно же, накрыли пышный стол. Празднование началось.

А Муса находился в компании своих друзей. Жених, по обычаю, не мог присутствовать на своей свадьбе, и компания друзей пока кружила рядом с домом Мусы. Вернее, они не отлучались далеко от дома. Они ждали результата переговоров с родными невесты. Теперь, убедившись в благополучном исходе их визита, друзья тоже могли начинать празднование. Они решили поехать на природу, в горы. Запаслись необходимыми продуктами и шампурами для шашлыка.

Солнце уже заходило за горизонт, когда Муса с друзьями приехали на место. Они остановились на небольшой поляне, подальше от населенного пункта.

Друзей было семеро, они приехали на двух машинах. Одни начали собирать хворост для костра, пока видимость позволяла. Друзья планировали просидеть у костра до самого рассвета.

Рассвет в горах по-особому приятен, в любое время года. И у каждого времени года свой особенный рассвет. Это трудно объяснить человеку, который не встречал его лично. В воздухе царит легкий запах дыма. Утро начинается с громогласной переклички петухов, сопровождаемой редким лаем собак, и все эти звуки эхом переносятся по горам, напоминая людям, что начался новый день, еще один день в их жизни. Эти звуки словно желали людям доброго начала и плодотворного проведения дня.

Муса с одним из друзей насаживал на шампуры большие куски маринованного мяса, заранее приготовленного для этой цели. Другие раскладывали продукты на растеленные на земле покрывала. И все это сопровождалось громкой народной музыкой из магнитолы одной из машин.

Наконец, все было уже готово. Друзья расположились вокруг костра.

В компании друзей был сын известного в республике певца, солиста народного ансамбля песни и танцев, он привез с собой национальный дечиг-пондар. Вечер начался с исполнения им песни «Нохчо ву со». Друзья слушали песню, загаив дыхание.

– Ай баркалла, – поблагодарил певца друг Мусы, Анзор. – Интересно,

сколько лет этой песне? С детства ее слушаю, и всегда она заставляет кровь бегать с бешеной скоростью.

– Да, – поддержал его второй, – наверное, эти горы слышали ее сотни, если не тысячи раз.

Один из приятелей пошел к машине и принес две бутылки водки. В компании был и учащийся грозненского медресе, Аслан, который был резко против употребления спиртного.

– Это еще что такое? – спросил он. – Вы что, пить собрались?

– Ну и что в этом такого? – возразил ему Анзор. – Мы ведь не на похоронах. Провожаем друга из холостяцкой жизни в семейную. Ты не будешь пить?

– Ты что? С ума, что ли, сошел? Конечно, не буду и не хочу, чтобы вы пили.

– Да брось ты. Не порть праздник. Мы же не собираемся пьянствовать. Чисто для поддержания веселого настроения.

– По этому поводу мовлид надо читать, а не пьянствовать.

– Мовлид старики прочитали, – не сдавался Анзор. – Мы молодые, мы будем веселиться. Наши отцы так же отдыхали испокон веков.

– Ох, и хитрец же ты, Анзор. Знал бы я, что вы прихватили спиртное, ни за что не поехал бы с вами.

– Я это знал, поэтому скрыл от тебя. Без тебя наш круг был бы неполон. Мы ведь с детства вместе.

Друзья, конечно, не спорили на повышенных тонах. Здесь царил дружеская атмосфера.

Анзор тем временем разливал спиртное по стаканам.

Уже была глубокая ночь, а веселье – в самом разгаре. Друзья произносили тосты, передавая слово друг другу. Не пил только Аслан, но от компании не отходил.

Муса чувствовал себя сегодня самым счастливым человеком на земле. Где-то там, в Грозном, шла веселая свадьба, дарили подарки с поздравлениями, пожеланиями счастливой семейной жизни. А здесь он находился в кругу самых близких друзей, которым он мог доверять как самому себе.

Конечно, друзья еще очень молоды, чтобы понять, что такое на самом деле настоящая мужская дружба. Испытание это ждет каждого, но пройти его могут не все. Некоторых жизненные ситуации ломают еще в раннем возрасте. Но есть и те, кто ни при каких обстоятельствах не дает себя сломать. Проносит в себе верность и преданность другу до последнего вздоха.

Время уже было далеко за полночь. Веселье продолжалось, но уже не в том радостном настроении, как в начале. Ребята устали, и темы их бесед приняли земной, жизненный характер.

– Муса, я давно хотел тебя спросить. Почему ты выбрал ветеринарию? – спросил Юсуп. – Ты считаешь, что она прибыльна? Видишь в этом перспективу?

– Я считаю, что профессию нужно выбирать по душе. А не ту, что модна и прибыльна, – ответил Муса. – Профессия кормит человека. Если человек занимается тем, что ему не по душе, а только потому, что это приносит ему прибыль, не думаю, что это осчастливит его или его близких. Деньги приходят и уходят, а душевный покой важнее. Чувство, что ты нашел себя в жизни, занимаешься любимым делом, никакие деньги не заменят.

– Смотрите, как заговорил наш женишок! – подшутил над Мусой второй из приятелей.

– Между прочим, он абсолютно прав, – поддержал Мусу Аслан, учащийся медресе. – Всевышний дарует человеку жизнь, а вместе с ней и дар, чтобы он смог прокормить себя в этой жизни. Если тебе дано быть музыкантом, ты никогда не станешь хорошим спортсменом или строителем. Ты просто будешь набивать себе шишки, душа постоянно будет метаться.

– А вот ты... Почему ты учишься на юриста? – спросил Муса Юсупа. – Тебе нравится эта профессия?

– Да нет. Просто отец хотел, чтобы я поступил на юрфак. Никакой симпатии к этой профессии не испытываю.

– А у тебя есть хоть какая-то цель в жизни? Кем бы ты хотел стать?

– У меня и на этот вопрос нет ответа. Сказать честно, я даже не задумывался над этим.

– Юсуп, ты не обижайся, но я считаю, что твой отец неправильно тебя воспитывает. Он вечно балует тебя деньгами и излишним вниманием. В детстве у тебя всегда в кармане были деньги, у тебя были игрушки, которых не было у нас, одет ты всегда был в дорогую и красивую одежду. Я помню, мы все тебе даже завидовали – детской, конечно, завистью. Конечно, дай Аллах долгой жизни твоим родителям. Но никто и ничто не вечно в этом мире. Я считаю, что они еще с самого детства должны были готовить тебя к самостоятельной жизни.

– А я знаю, почему Муса выбрал ветеринарию, – вмешался в беседу Анзор. – И ничуть этому не удивился. Не знаю, помните вы или нет: в детстве, когда перед нашей школой машина задавила собаку, Муса пытался ее спасти, он оттащил ее в сторону и долго плакал, когда она умерла.

– Я тоже это помню, – сказал второй из друзей. – Мы, по-моему, тогда учились в классе четвертом. После этого Муса несколько дней не приходил в школу.

– Мне тогда действительно было очень больно, – признался Муса. – В придачу, вы, придурки, совсем меня добили своим смехом.

– По-моему, ты ее еще и похоронил?

– Да. Никогда не забуду, как она смотрела на меня. Мне казалось, что я слышу ее, понимаю ее язык, она просила меня помочь, не дать ей умереть. Иногда мне животных бывает намного больше жаль, чем людей. Человек может сказать, что он чувствует, хочет или рассказать о своей боли, проблеме. А животные не могут говорить, но они ведь тоже живые существа. Также могут радоваться и грустить, чувствовать как боль, так и внимание, любовь и тепло человека.

– Вот Муса найдет себя в жизни, – одобрительно произнес Аслан. – Он идет по верному пути. Куда указывает ему душа. А ты, – обратился Аслан к Юсупу, – ты идешь туда, куда тебе указывает карман. Ты можешь осудить невинного человека, если он не сможет откупиться, так же можешь и оправдать виновного, если он будет в состоянии заплатить тебе хорошие деньги. Я не говорю именно о тебе. Я в общем, о человеке, который выбирает работу ради материальной выгоды, хоть и душа к этому делу не лежит.

На улице уже начало светать. Друзья в своем споре этого даже не замечали.

– Никогда я так не поступлю, – не согласился Юсуп. – Я ведь живу среди людей. Я же вижу, кто о ком и как отзывается. Вижу, кто кого проклиняет и как это проклятие действует. И никому не дам повода проклясть себя и свою семью.

– Мы ведь не об этом говорим. Мы говорим, что профессию нужно правильно выбирать. Родители, прежде чем выбрать своему ребенку профессию, должны понять его. Ведь каждый ребенок – это живой человек, у которого свой вкус, свой взгляд, свой интерес. Родители должны это увидеть и помочь детям в правильном выборе профессии и дать путевку в жизнь. Ты не смог ответить, нравится тебе эта профессия или нет. Ты сможешь есть за столом, не чувствуя вкуса еды, не зная, насладишься, насытишься ты ею, ее вкусом или отравишься?

– Если я буду голоден, я поем.

– Да. Я повторюсь, этим ты удовлетворишь только потребность организма, а не души. Нельзя забывать о душе. И о духовной пище нужно подумать. Вот ты станешь, например, судьей, притом, что душа не лежит у тебя к этой профессии. Ты легко сможешь оправдать виновного человека, если он даст тебе взятку, или осудить невинного, если он не будет в состоянии откупиться.

– Плохо ты меня знаешь, Аслан, – не сдавался Юсуп. – Никогда я так не поступлю.

– Тебя, может, и плохо знаю. Но в людях, в их психологии разбираюсь

неплохо. В каждом человеке сидят ангел и бес. Бесы призывают нас к греху, а ангелы пытаются спасти. Когда человек видит деньги, то есть взятку, на его мозг это действует как тормоз. Мозг перестает работать. Бес скажет ему: «Возьми эти деньги. Ты купишь на них игрушки детям или поможешь сироте, или инвалиду», а ангел будет просить тебя не брать их, не прикасаться к ним, что на них горе людей. А ты скажешь ангелу: «Почему бы их не взять? Ведь я на них смогу хоть одному человеку помочь, хоть кому-то принести, пусть и небольшую, но радость. Я беру их с благими намерениями». Ты будешь считать, что поступаешь правильно и не будешь слушать ангела. Ты возьмешь эти деньги и отпустишь на волю человека, который будет продолжать сеять зло. Потом ты пойдешь к какому-нибудь сироте или инвалиду, чтобы сделать ему приятное, сделать какой-нибудь подарок. А бес тебе потом скажет: «Ты что? Дурак что ли? Зачем он тебе? Лучше погуляй на эти деньги. Пойди куда-нибудь в кафе или ресторан или поезжай куда-нибудь отдохнуть, на море или еще куда». И ты подумаешь: «А ведь ты прав, черт возьми! Действительно, какая мне польза от этого сироты или инвалида? И ведь не я виновен в их горе. Кто виноват, тот пусть и искупает свою вину. А я ради этих денег рисковал карьерой». Так люди, сами этого не подозревая, идут на сделку с дьяволом, продают ему свои души, и мало кто задумывается о загробной жизни.

Друзья слушали Аслана, затаив дыхание.

Муса заметил, как глаза Юсупа наливаются кровью. Юсуп смотрел на Аслана, как бык на красную тряпку.

– Красиво говоришь, – сказал Анзор, открывая бутылку. – Выпьем за эти слова, как за тост.

– Не надо больше никому наливать, – сказал Муса. – Уже светло. Нам скоро надо будет ехать. Мы хотели встретить рассвет и даже не заметили, как он настал.

Муса хотел сменить тему разговора. Он чувствовал, как атмосфера накаляется.

– Ты хочешь сказать, что все муллы честные и правильные? – спросил Юсуп Аслана. – Хочешь сказать, что среди вас нет продажных?

– Давайте сменим тему разговора, – предложил Муса. – Мы ведь приехали сюда отдохнуть, а не спорить.

Недобрый взгляд Юсупа заметил и Анзор.

Трое из друзей не стали ждать рассвета. Или устали, или на них так подействовало спиртное, но они спали в машинах крепким сном. У костра сидели Муса, Анзор, Аслан и Юсуп.

Солнце уже взошло, четверо друзей сидели у догорающего костра. Муса с Анзором пытались сменить тему разговора. Но Юсуп все продолжал спорить, доказывать свою правоту, вернее объяснить Аслану, что тот в нем ошибается.

К этому времени к ним, пошатываясь, подошел еще один из приятелей.

– Все люди продажные, – продолжал спорить с Асланом Юсуп. – Покажи мне человека, который не сломается при виде выгоды.

– Может, хватит вам спорить, – сказал Анзор. – Весь праздник портите.

– Разве я не прав? – не унимался Юсуп. – Почему он считает, что все судьи продажные? Ведь муллы те же судьи, только решают спор по шариату.

Аслан видел состояние Юсупа и старался не вмешиваться в разговор, в надежде, что Муса с Анзором сумеют вразумить изрядно подвыпившего друга.

– Недавно к маме пришла соседка, – рассказывал Юсуп. – Она не знала, что я нахожусь в соседней комнате и рассказывала о своем визите к мулле. Она просила муллу решить ее семейный спор, а тот предложил ей стать его любовницей, сказал, что он после поможет ей в решении вопроса. Разве это не хуже, чем взятка? Такой мулла хуже, чем любой судья или прокурор-взяточник. Разве этот мулла не продал душу дьяволу?

– Юсуп, уже третий час вы спорите на одну и ту же тему. Может, все-таки

хватит об этом? – предложил Муса.

– Нет, не хватит, – горячился Юсуп. – Мы должны придти к единому, верному мнению. Кто больше грешит? Прокурор, который берет взятку, или мулла, который говорит, что он действует по закону шариата, и пытается затащить бедную женщину, которая обратилась к нему за помощью и поддержкой, в постель? А?

– Они оба грешны, – пытался спокойно объяснить Муса. – Один не меньше второго.

– Нет, – стоял на своем Юсуп. – Мулла грешен больше.

Аслан сидел молча, он ждал и надеялся, что друзья смогут успокоить пьяного Юсупа. Конечно, он не боялся его. Просто не хотел подливать масла в огонь.

– Юсуп, сейчас говоришь не ты. А водка в твоих мозгах. Иди в машину, отдохни, – предложил Муса.

Но Юсуп был слишком пьян и очень зол. Он не собирался слушать друзей.

Юсуп достал из кармана складной нож и, раскрыв его, косо посмотрел на Аслана. Этот шаг привел друзей в полное недоумение.

– Что-о? – выговорил Анзор. – Ты достал нож против друга?

– Я никому не позволю называть своего отца взяточником, – ответил Юсуп.

Юсуп встал и направился к Аслану. Муса, скрутив руку, выхватил из рук Юсупа нож.

Анзор с кулаками набросился на Юсупа и начал наносить ему удары по лицу. Муса с Асланом и третьим товарищем пытались разнять дерущихся.

– Ты сука! – кричал на Юсупа Анзор. – Ты сидел в компании с друзьями и держал руку на рукояти ножа?

На шум поднялись и двое других товарищей и побежали к ним. Сначала они думали, что друзья просто играют, резвятся. Но когда увидели на их лицах кровь, поняли, что здесь все серьезно, и тоже пытались разнять их.

Но ни Анзор, ни Юсуп ни останавливаться, ни сдаваться не собирались. Они крыли друг друга матом, чего никогда раньше не было. Рубашки на них были разорваны.

Муса с помощью Аслана, наконец, отвел в сторону Анзора.

– Анзор, хоть ты будь чуть поумнее, – попросил его Муса. – Его я сейчас попытаюсь успокоить.

– Хорошо, – согласился Анзор. – Муса, я послушаюсь тебя. Только закрой ему рот. Меня так еще никто не оскорблял.

Аслан с приятелем отвели Анзора к машине. Принесли воды в бутылке, чтобы смыть кровь с лица.

Двое других товарищей пытались успокоить Юсупа. Муса подошел к ним и встал рядом. Он ничего ни сказал, просто посмотрел Юсупу в глаза. Лишь только взглянув в суровые глаза своего друга, Юсуп успокоился. Он остановился, и товарищи его отпустили. Некоторое время Муса с Юсупом молча смотрели в глаза друг другу.

– Муса, – произнес Юсуп, опустив глаза. – Я испортил тебе праздник.

– Не только мне, – ответил Муса. – И не только праздник. Наверное, в жизни ты еще совершишь ошибки. Но сегодня ты совершил самую большую ошибку за все время нашей дружбы.

На глазах Мусы выступили слезы. Их давняя детская крепкая дружба затрещала по швам. С криком раненого волка Муса подбежал к костру, где лежали пустые и еще не открытые бутылки водки. Он брал их за горловины и бросал как можно дальше в сторону леса.

– Я не мужчина, если сделаю хотя бы глоток этого зла или позволю своим друзьям! – кричал Муса.

Праздник был испорчен окончательно. Друзья засобирались в дорогу. Каждый в душе осуждал поведение Юсупа, который сейчас, вымыв лицо от крови, сидел в машине.

– Давайте соберем мусор, – предложил Аслан.

– Дичь съест, – ответил один из ребят.

– Правильно Аслан говорит, – поддержал Анзор. – Отдохнули, как свиньи, давайте хоть уедем по-человечески.

Друзья собрали мусор в пакетики, положили их в багажники машин и тронулись в дорогу.

Муса, Анзор, Аслан и еще один из друзей сели в одну машину. Юсуп сидел во второй машине с двумя другими.

По горным дорогам друзья медленно спустились к равнине на асфальтированную дорогу. Здесь, у дороги, стоял большой мусорный бак. Друзья остановились у него, выбросили мусор и поехали дальше. Всю дорогу ехали молча.

– Останови машину у первого магазина, где можно будет купить рубашки, – попросил Муса Аслана, который сидел за рулем, когда они подъезжали к первому на пути селу.

Анзор сидел на переднем сидении, рядом с водителем. Губы и нос его были разбиты.

– У меня синяка под глазом нет? – спросил Анзор Мусу, оборачиваясь назад.

– Пока нет. Но, возможно, появится. Нужно будет взять что-нибудь в аптеке.

– Да ты что? Появится, говоришь? Обязательно что-нибудь надо взять. Синяков мне не хватало для полного счастья. Совсем на алкаша буду похож.

Друзья остановились у первого магазина. Муса зашел в магазин и купил две футболки для Анзора и Юсупа. Одну отдал Анзору и пошел к машине, в которой сидел Юсуп. Подождал, пока тот переоделся, взял у него разорванную и окровавленную рубашку, положил ее в пакет и вернулся к своей машине. Переоделся и Анзор. Муса взял его рубашку и тоже положил в пакет, и друзья поехали дальше.

Потом Аслан остановился у первой аптеки и взял там мазь для своих друзей, чтобы предотвратить появление синяков на лице.

Больше всех был подавлен Муса. Ведь это по поводу его свадьбы друзья поехали «отдохнуть» на природу.

– Интересно, о чем он сейчас думает? – нарушил тишину Анзор.

– Ты о Юсупе?

– Да, конечно. Понял ли он, что был не прав?

– Конечно, понял, – ответил Аслан. – Некрасиво получилось. Мне, наверное, не надо было приезжать с вами.

– Почему? – удивился Анзор.

– Ведь из-за меня все это произошло. Если бы я не стал заниматься нравоучением или выпил бы с вами, наверное, мы неплохо отдохнули бы.

– А если бы ты был уверен, что в случае, если бы и ты выпил, праздник удался, ты выпил бы? – поинтересовался Муса.

– Никогда! – резко и твердо ответил Аслан. – Я уже сказал, что если бы я знал, что вы взяли с собой спиртное, я вообще не поехал бы с вами. Только не подумайте, что я вас не уважаю или что из-за употребления спиртного вы упали в моих глазах. Ни в коем случае. Просто я не смог бы поехать.

– Да брось ты. Мы ведь где-то даже больше, чем братья, – сказал Анзор. – Как говорится, «старый друг лучше двух новых», мы друзья детства. А здесь все произошло, как и должно было произойти. Юсуп просто снял с себя маску. Показал свое настоящее лицо. Я теперь всю его семью перестал уважать. Как можно сидеть в компании лучших друзей, друзей детства с ножом за пазухой? Он, что, драться туда приехал? Или отдохнуть?

– Вообще-то, Юсуп с детства носит с собой нож, – сказал Муса. – Мы ведь знаем, что он без ножа никуда. Он вообще любит оружие. Не знаю, откуда у него такая любовь. Если бы отец разрешал, наверное, носил бы с собой пистолет.

– Как откуда такая любовь к оружию? – спросил Анзор. – Ведь и его отец постоянно носит с собой оружие. Пстой-ка, я только теперь об этом подумал.

– О чем?

– Почему он постоянно при оружии. Может, он действительно взяточник? И боится возмездия со стороны людей, которых он посадил без вины?

– Не бери грех на душу, – предостерег его Аслан. – Ты об этом ничего не знаешь. Может, он просто по долгу службы носит оружие. Не наговаривай.

– Как же они упали в моих глазах! – стоял на своем Анзор. – Он вырастил своих детей на людском горе. На грязные и грешные деньги он их кормил. Поэтому вырос таким сын. Злым и опасным. От таких в любой момент можно ожидать удара в спину.

– Не наговаривай, – повторил Аслан. – Если это так, они сами ответят за свои грехи.

– Один уже начал отвечать. Сегодня он потерял своих лучших и надежных друзей. Теперь он должен будет начать свою жизнь с чистого листа. И его окружать будут только такие же ненадежные и опасные люди, которые могут его предать в любой момент и которых он может предать. Упаси нас Всевышний от неверных и ненадежных друзей!

– Амин! – дружно ответили друзья.

Друзья приехали в Грозный. Проезжая по улице пятиэтажных домов, Аслан в зеркало заднего вида автомобиля заметил, что вторая машина друзей остановилась и тоже сбавил скорость.

– Почему ты остановился? – спросил его Муса.

– Салман почему-то притормозил.

Друзья обернулись назад. Из машины друзей, которая ехала следом, вышел Юсуп и направился в сторону домов. Он шел неторопливыми шагами, опустив голову. Даже не посмотрел в сторону друзей.

Машина, с которой он вышел, тронулась. Аслан тоже нажал на газ.

– Почему он слез здесь? – спросил Анзор.

– Здесь живет его двоюродный брат, – ответил Муса. – Наверное, решил остановиться у него.

– Стыдно, наверное, с такой рожей перед отцом появиться. Или боится, тот ведь орел еще тот. Добавить может.

– Анзор, а почему ты такой злой? – решил подшутить над ним Аслан. – Твой отец ведь не судья, не прокурор и, слава Аллаху, не взяточник.

– Да как тут не злиться? Испортил друзьям праздник, да еще и по морде мне надавал.

– Вы знаете, – сказал Аслан, – я и себя считаю виновным в том, что праздник был испорчен. Мне не нужно было с ним спорить, учить его жизни.

– Разве ты говорил что-то дурное или неправильное? Ты был прав. И говорил очень красиво и правильно. Ты учишься религии, Муса – ветеринарии, Салман на автослесаря, я на врача, шестой еще на кого то. Кто-то учится, кто-то работает. И все мы должны делиться полезными знаниями и опытом. И никто не должен обижаться. Ведь на то мы и друзья, «бригада», как говорится.

– Останови машину у этих мусорных баков, – попросил Муса Аслана. – Я выброшу пакет с грязными рубашками.

Муса вышел из машины и направился к мусорным бакам. Выбросив пакет и подойдя к машине, он на мгновение остановился и посмотрел в сторону, куда ушел Юсуп. Затем сел в машину, и друзья поехали дальше.

– А мне все-таки жалко Юсупа, – сказал Муса. – Мы ведь его все равно не вычеркнем из своей жизни, из памяти. Лучшие годы жизни мы провели вместе. Пути наши еще сойдутся, и не раз, будем и общаться, но прежних, теплых, дружеских отношений уже, конечно же, не будет. Мне было очень больно смотреть ему вслед. Наверное, он уже понял, что потерял. Он потерял очень многое. Верных и надежных друзей. Трудно будет идти по жизни одному. Родня не всегда бывает рядом, как верные друзья. Хотя в последний момент человек, конечно же, достается только родне. Но ведь до этого последнего момента тоже надо жить. Ты тоже, Анзор, пожалей о том, что все так закончилось, я знаю. Просто ты пока еще не отошел от шока.

– Ты прав, Муса, – поддержал его Аслан. – Как говорит Магомед, «умейте прощать, учитесь не совершать ошибок». Научиться не совершать ошибок, наверное, будет очень трудно, но умению прощать очень легко научиться. Просто должно быть желание.

– И все-таки я рад, что у меня такие верные, надежные друзья, – подвел итог разговора Муса.

Друзья приехали в свой район. Муса думал, к кому же он поедет. Ведь дома он появляться пока еще не мог. Там полным ходом шла его свадьба. И расставаться с друзьями он тоже не хотел. Конечно, его и друзья не оставили бы одного. Муса не хотел, чтобы компания вообще расставалась в ближайшее время. Ему было очень больно, наверное, как и всей компании.

Анзор, его самый близкий друг, с которым Муса проводил больше времени, чем с остальными, и был более откровенен, словно прочитал его мысли.

– Куда мы теперь поедем? – спросил Анзор. – К Мусе нельзя, к себе я с такой рожей не собираюсь.

– Ко мне, конечно же, – вызвался Аслан. – Я как раз хотел вам это предложить. Ты чуточку опередил меня. Но пить у меня не будем, – пошутил он.

– Пить мы больше ни у кого и никогда не будем, – сказал Муса.

На том и решили. Аслан поехал к своему дому. Вторая машина друзей неотступно следовала за первой.

Друзья собрались в доме Аслана. Его сестры накрыли для них стол, и празднование свадьбы Мусы продолжилось. Но уже без спиртного, без Юсупа и, конечно же, без прежнего веселого настроения.

Продолжение следует.

Малика Гайсултанова**Твои глаза**

Мне не горы нужны, не поля,
Не леса, не туманные дали,
А один только ласковый взгляд
Глаз твоих, бесконечно усталых.

В этом мире увижу я все:
И морскую волну, и пустыню.
Вместе с ним я взойду на костер
Или глыбою льда я застыну.

Нужен мне только взгляд этих глаз,
Чтобы я в небеса воспарила,
Чтобы пылью космических трасс
Золотая карета покрылась.

И, вернувшись к родным берегам,
Проплыву по судьбе, словно лебедь.
И тебе лишь привет передам,
Чтобы ты наслаждался победой.

Чтобы верилось нам вновь и вновь
В то, что есть на земле любовь...

Жизнь

Как обычно, встаем с утра,
Спешим на работу и по делам,
Радости жизни и боль утрат,
Все как у всех, все – как всегда.

В суете иногда забываем мы,
Как стареем, как дни летят,
Что покой и отдых нужны,
Жизнь летит – не вернешь назад.

«Это не сделано, этого – мало»...
И от себя требуешь больше.
Как я от жизни такой устала!
Так продолжаться больше не может.

А жизнь своим чередом идет, –
Ей все равно, ты стар или молод.
Ведь неоткрытого в мире так много,
И интересно, что завтра грядет...

Осень

Стучат в окно холодные дожди,
И осень мрачная застыла у порога,
Таковыми скучными вдруг стали дни,
И будет их, к несчастью,
слишком много.

Но я не сожалею ни о чем...
Мне долгими ночами детство снится,
И я все время думаю о нем,
И мне все чаще в тишине не спится.

Я помню ту грозу в ночной тиши,
Что вдруг меня, девчонку, разбудила.
Как вихрь умчался вдруг –
ищи-свищи!
И все в оцепенении застыло.

Как выбежала ночью в темный двор,
Еще как следует и не проснувшись,
Как в страхе я неслась во весь опор –
Куда, не помню...
по холодным лужам.

Осенний вихрь со мною заиграл,
Плескались влагой мокрые деревья.
А мамин голос вдруг домой позвал,
И я пошла, от страха цепenea.

Прошли года, желанью вопреки...
А непогода вновь в окно стучится.
И мне из детства раздается крик:
«Ну почему тебе опять не спится?».

Дебют**Асет Есаулова**

Родилась селе Искра Прикумского района Ставропольского края. Среднюю школу окончила в селе Кади-Юрт Чеченской Республики. Стихи пишет со школьных лет. Публикуется впервые.

Твой дом опустел

Твой дом опустел и холоден он,
Отныне гореть в нем не будет огонь.
Лишь память осталась,
но она угнетает,
И ранит больнее все, и не исцеляет...

Словно во сне, в тумане живу,
От реальности той, от себя я бегу.
И хоть сердце кричит мое:
«Жить не хочу!» –
Я в пропасть то падаю, то восхожу.

А все говорят: продолжается жизнь,
Об ушедших навеки ты не скорби.
Научись отдавать, не стесняясь, бери.
Честь и гордость не в моде –
таких не ищи!

Но душа истекает кровью моя –
Пораженного в сердце
жизнь нелегка.
Разве что изменилось,
кто и что доказал?
Кто от смерти невинных
счастливее стал?

Правда всех угнетает,
ложь возводят на трон,
Лишь Аллах Всемогущий Свидетель,
Лишь Он...

Я не ангел...

Я не ангел, признаюсь,
И характер мой слаб.
Я не раз обжигалась –
Каждый чувств своих раб.

Почему цветок вянет,
Отчего меркнет свет?
К небу руки он тянет,
Но просвета там нет.

Сердце, нет, не обманешь,
Ведь любовь – не каприз...
Раны не заживают,
Хоть на части ты рвись.

Все, как сон, исчезает,
Это жизнь, говорят.
Мы к любви привыкаем,
За нее же казнят.

Счастье не купить...

Мне страшно взглянуть назад –
Кто будет судьбе моей рад?
Без гроша, но счастливый – богат.
Счастье не взять напрокат!

В отчаянье не хочу впадать,
О любви без границ
я склонна мечтать,
Жизнь без надежды – что за напасть?
И кто сможет в этом себя обокрасть?

Все против тебя, только ты одна...
Неужто так много хочу я, судьба?
И, кажется, пота с лица не смыть –
Трудами возможно ли
счастье купить?

Альви Лулуев**Чермоев Абдул-Межид (Тапа):
воин, политик, дипломат,
предприниматель***Тапа Чермоев*

Чермоев Тапа (Абдул-Межид) родился в 1882 году в семье уроженца села Кошкельды Арцу (Орцу) Чермоева. Доподлинно известно, что он принадлежал к древнему роду билтой, но почему-то в архивных справках имеется запись, что Арцу принадлежал к белгатоевскому роду. В связи с этим были споры и домыслы. В селе Кошкельды, что в Гудермесском районе, проживают родственники именитого земляка: Асхабовы, Дускуевы, Шудуевы, Билаловы и другие. В этом селе похоронен родной брат Арцу – Хаси. У старожила села, Абдулаева Ахмади, была запись генеалогической линии этого рода с 1703 года, начиная с далеких предков Чермоевых – Чоьмакха и Мадакха. Она сейчас хранится у Дускуева Алимпаши. Ахмади был на 15-16 лет моложе Тапы. Отец Тапы был офицером, очень набожным, и неукоризненно соблюдал требования религиозных обрядов. «Ламазо вина инарла», – говорили в округе о нем. В царское время, когда боевые награды вручали строго по заслугам, Арцу был отмечен многими высшими орденами и другими знаками отличия. Он прославился в Крымской (1853-1856) и Русско-турецкой войне (1877-1878), принимал участие в боях под Карсом и Эрзерумом. Он поступил на службу в 18 лет и через 28 лет дослужился до высокого звания генерал-майора армейской кавалерии российской армии. За это время он завоевал высокий авторитет и уважение не только в войсках и у высших чинов военного ведомства, но и среди беднейших слоев населения. Он много помогал им, а сына известного и авторитетного эвлия из Зандака Геза (Беза)-хаджи, Пирмагому, девять раз спасал от ареста и преследований царской администрацией. Сын своего времени, Арцу был не только храбрым воином, но и простым представителем своего народа – «комарыша кьонах». Мой отец, Саидселим, рассказывал о таком случае. Как-то, после длительного отсутствия в родном селе, Арцу возвращался домой. Он встретил крестьянина на арбе, который подвез Арцу. Когда доехали, слезая с арбы, Арцу обратился к ее хозяину:

– Что ты не спросил меня, кто я, знаешь ли ты, кого подвозил?

– Нет, не знаю, – ответил крестьянин.

– А что ты скажешь, если спросят? – задал следующий вопрос Арцу. Не зная, что ответить, подвозивший односельчанин пожал плечами. Тогда Арцу сказал:

– Ты подвозил не кого-нибудь, а самого генерала Арцу.

Крестьянин не растерялся и спросил:

– А что я скажу, если спросят, чем одарил тебя этот генерал?

Арцу улыбнулся, достал из кармана золотой рубль, подал его подвозчику и сказал:

– Держи эту золотую монету и тому, кто спросит так, скажи, что этот генерал не скупой, ибо принадлежит к свободному и гордому народу.

У Чермоева Арцу было три жены, от которых родились: Арсемик, 1856 года рождения, Денисолта – в 1864 году, Абдул-Муслим – в 1871 году и Абдул-Межид. В семье его ласково называли Тапа. Из двух дочерей Арцу одна, Селима, была замужем за генералом Эрисханом Алиевым, участником 1-й Мировой войны и расстрелянным в 1920 году большевиками, другая – за участником 1-й Мировой войны, ротмистром Ибрагим-беком Саракаевым, автором исторического труда «По трущобам Чечни».

Воин

После Владикавказского реального училища, в числе лучших, Тапа Чермоев окончил Николаевское кавалерийское училище, считавшееся одним из привилегированных военных и учебных заведений царской России. Его зачислили в лейб-гвардию Его Императорского Величества. Служба в царском конвое была почетна и престижна. Попасть туда было пределом мечтаний большинства офицеров из казаков и горцев.

Отбор производился при участии самого императора. Тапа пять лет добросовестно и безукоризненно нес службу в охране. За это время он понял, что военная карьера не для него. Будучи богато одаренной личностью, с пытливым умом и деятельным характером, он вскоре начинает тяготиться светским времяпровождением, Тапа уходит сначала из конвоя, а через два года, в 1908 году, подает в отставку. Но когда началась Первая мировая война, преуспевающий нефтяной магнат свернул все дела и добровольно отправился на фронт. В 1914 году из горцев сформировали Кавказскую туземную дивизию, широко известную как «Дикая дивизия». Ее командиром стал младший брат царя, Великий князь Михаил Александрович Романов. В дивизии рядовых называли не «нижними чинами», как это было в российской армии, а «всадниками», одеты они были в национальную одежду горцев. У них не существовало обращения на «вы». К своим офицерам и генералам и даже к командиру дивизии они обращались на «ты». Однако это нисколько не влияло на отношения между офицерами и всадниками, не отражалось на соблюдении ими воинской дисциплины. Офицер ингушского полка Анатолий Марков вспоминал: «В горцах не было никакого раболепства перед офицерами. Они всегда соблюдали собственное достоинство и отнюдь не считали своих офицеров за господ. Офицеры, не относящиеся с уважением к обычаям и религиозным верованиям всадников, теряли в их глазах всякий авторитет. А впрочем, таковых и не было». Чеченским конным полком, входившим в состав дивизии, командовали последовательно: князь Святополк-Мирский, персидский принц Фатали-Мирза Каджар и граф Келлер. В этот полк был зачислен и Тапа Чермоев в чине штабс-ротмистра (капитана). Вскоре он станет адъютантом командира полка. Чеченский конный полк в составе 9-ой и 11-ой армий Юго-Западного фронта сражался в Галиции, вел ожесточенные бои в Карпатах, отражал наступление противника на Перемышле, принимал участие в знаменитом Брусиловском прорыве, а в ноябре 1916 года был переброшен на Румынский фронт. В русской армии чеченцы считались храбрыми воинами. Тапа заслуженно имел множество боевых наград за удаль и храбрость. О геройских подвигах и воинской доблести Тапы Чермоева, о его уме, широте мышления с восхищением писал Брешко-Брешковский – популярный в свое время военный публицист и писатель. В романе «Дикая дивизия» он рассказывает об одной из молодецких выходов Тапы: «Недавно Чермоев выкинул номер. Среди бела дня, увлекшись разведкой, не заметил, как очутился буквально в пятидесяти шагах от окопов противника. Эта дерзость так ошеломила австрийцев, что они даже не стреляли, а уж чего выгоднее мишень: всадник в полусотне шагов. Чермоев не был бы горцем, если бы, заметив свою оплошность, бросился наутек. И он поступил так же лихо, как его предки-чеченцы в борьбе с русскими: он задержал коня и, молодецки заломив папаху, посмотрел на ошеломленных австрийцев, а потом с гиком стегнув коня плетью, взвил его на дыбы и, повернув как на оси, понесся назад, к своим. И это было поразительно и ошеломляюще – ни одного выстрела вдогонку...». За проявленную отвагу в бою при взятии австрийского села Бринь 15 февраля 1915 года адъютант Чеченского конного полка штабс-ротмистр Абдул-Межид Чермоев награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (11, стр. 102).

В одном из боев Чермоев был серьезно ранен. Его отправили на лечение в госпиталь во Владикавказ. Там он и встретил весть о Февральской революции и отречении царя от престола.

Вспоминая военный период Тапы Чермоева, его сподвижник Гайдарбек Бамматов (Гайдар Баммат) скажет, что «полученные им многочисленные военные отличия свидетельствуют, что свой долг солдата Тапа выполнил с честью...»

Политик

Т. Чермоев был не только храбрым воином, – вскоре он выдвигается в круг самых выдающихся политиков Северного Кавказа. Когда в начале марта 1917 года во Владикавказе представители интеллигенции горских народов создали Временный Комитет объединенных горцев, Чермоев становится одним из его руководителей. Его заместителями были: от Кабарды – Пшемахо Коцев, комиссар от Хасавюртовского округа и председатель Юридической комиссии Дагоблисполкома – Башир Далгатов, от Ингушетии – Виссан-Гирей Джабагиев. Входил в комитет и кумык Капланов. Этот комитет взял на себя функции организационного центра национального движения народов Терской области и Дагестана и начал подготовку общегорского съезда. Деятельность Временного ЦК финансировал Тапа Чермоев. Он давно мечтал создать на Северном Кавказе авторитетный орган национального самоуправления и потому активно включился в работу. 14 марта 1917 года в Грозном состоялся Первый чеченский национальный съезд, избравший исполком и предстоящий общегорский

форум. Тапа вошел в состав Чеченского народного исполнительного комитета, а в апреле, с мандатом Временного ЦК, выехал в Грузию для установления связей с грузинскими национально-демократическими организациями. В Тбилиси, вспоминая позднее Чермоев, он встретил «самый братский прием». В конце апреля вместе с представителями грузинской Национально-демократической партии Чермоев вернулся в Терскую область. Во Владикавказе 1 мая 1917 года открылся Первый съезд горских народов. Председателем съезда был Шахинов. Сотни делегатов от чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, черкесов, карачаевцев, народов Дагестана, кумыков, ногайцев и других северокавказских народов участвовали в работе съезда.

Главным стал вопрос о будущем Северного Кавказа. Февральская революция открыла путь к освобождению народов России. Делегаты должны были определить перспективы национального развития, и в первую очередь – наиболее приемлемую для горцев форму национального самоопределения.

Представители горцев решили, что «наилучшей формой правления является федеративный союз отдельных самоуправляющихся территорий (штатов), с особыми законодательными палатами, выборными правительственными органами, которым принадлежит правоместное законодательство без всякого участия центральной власти». Одним из таких «штатов» будущей Российской Федеративной Республики должен был стать Союз объединенных горцев Северного Кавказа. Одним из инициаторов созыва Собрания горцев Кавказа стал Тапа Чермоев. Он горячо поддерживал объединение Кавказа. Выступая перед делегатами съезда, он сказал: «Когда спящего будят спокойно и неторопливо, он спокойно просыпается, но если его разбудить резким, внезапным толчком, то от неожиданности он теряется. Так и мы, горцы, неожиданно разбуженные от спячки внезапным толчком революции, кинулись, прежде всего, к самым нам близким – к нашим братьям, к народам Кавказа...»

Горский съезд принял Конституцию и Программу Союза объединенных горцев, а в качестве исполнительного органа общегорского правительства избрал Центральный Комитет Союза.

Председателем ЦК Союза объединенных горцев единогласно был избран Тапа Чермоев. В свои неполные 35 лет он стал самым популярным и авторитетным национальным лидером Северного Кавказа. Центральный Комитет был руководящим органом и одновременно играл роль политического штаба, направляющего и координирующего деятельность национальных движений горских народов. Его председатель становился, таким образом, не только главой формирующегося государства, но и самым известным политическим лидером Северного Кавказа.

На молодого политика обрушилась лавина самых разных проблем. Под его руководством ЦК Союза объединенных горцев приступил к созданию национально-демократических структур власти в регионах Северного Кавказа, возглавлял деятельность местных организаций, представлял интересы горцев перед Временным Правительством России, выступал посредником в урегулировании межнациональных конфликтов и решал массу текущих вопросов, возникавших в процессе становления новой власти.

Одной из главных забот главы общегорского Союза было установление взаимопонимания между народами Кавказа. Чермоев и его соратники сознавали, что демократическая свобода, национальное возрождение, любые благотворные реформы возможны только в условиях межнационального мира и согласия. Гайдар Баммат в своей статье «Абдул-Межид Чермоев», напечатанной в 1937 году в эмигрантском парижском журнале «Кавказ», так писал об этом периоде жизни своего друга и соратника: «Как только началась революция, и под необъятной империей пронеслось дуновение духа свободы, и в сердцах подъермных народов России забила надежда на возможное освобождение, Тапа оказался в первом ряду патриотов, поставивших своей задачей политическое объединение и эмансипацию народов Северного Кавказа. Состоявший 1 мая 1917 года съезд объединенных горцев Кавказа почти всецело обязан своим созывом Тапе. Он был не только одним из его инициаторов и членом комитета по организации, но и взял на себя все расходы как по устройству съезда, так и по содержанию выделенного им Исполнительного органа Центрального Комитета Союза Объединенных Горцев» (11. Стр. 339).

«В обстановке развала старой власти, обострившихся социальных и межнациональных противоречий Тапа немало сделал для предотвращения вооруженного столкновения между горцами и терскими казаками. Исключительна его заслуга в сохранении в целом мирных отношений между ними. Добрые связи Чермоева с первым выборным атаманом Терского казачьего войска М.А. Карауловым служили своеобразным гарантом добрососедства на Тереке. Часто самые бурные споры и назревавшие

конфликты разрешались благодаря личному авторитету и обаятельному характеру Чермоева. Всегда сдержанный, тактичный, он мог остудить разгоревшиеся страсти. Его рассудительность, взвешенность, способность без эмоций и суеты оценить ситуацию и предложить разумное решение высоко ценились и в горских, и в казачьих кругах по обе стороны Терека и Сунжи. Не случайно на Кавказе во все времена почитались мудрость и ум, и к словам их обладателя прислушивались всегда».

Летом 1917 года межнациональные отношения на Кавказе серьезно обострились из-за провокационных слухов об антирусских настроениях горцев. Лидеры Союза решительно опровергали эти слухи и призывали к установлению тесных контактов между представителями всех этнических групп. «Моя единственная просьба – узнайте народ, ближе станьте к нему, – призывал Тапа руководителей Владикавказского Совдепа. – У нас, чеченцев и ингушей, никогда не было князей, не было и крепостных. Все мы свободны, все равны. В наших взаимных приветствиях всегда упоминается пожелание быть свободным. Идите и узнайте народ!» Но социалисты-радикалы, выступавшие в роли «поджигателей гражданской войны», не были заинтересованы в установлении межнационального мира. Слабая власть Совдепа и дезорганизованная распадом империи полицейская служба не могли обуздать провокаторов.

Во Владикавказе 6 июля 1917 года деморализованные солдаты-дезертиры устроили резню ингушей. Озверевшая пьяная толпа громила магазины, поджигала дома, калечила и убивала людей. Только на следующий день областные и городские власти, при содействии Союза объединенных горцев и казачьего правления, смогли остановить погром. От имени ЦК общегорского Союза Тапа Чермоев потребовал наказания виновных и предупредил, что «если эти погромы мирных горцев не прекратятся, то он слагает с себя всякую ответственность за последствия, так как он не будет в состоянии дальше сдерживать чувство справедливого негодования горцев против погромщиков».

Однако социалистические лидеры Владикавказа, Грозного и Порт-Петровска встали на защиту дезертиров, которые представлялись им «опорой революции». Пьяные, наглые солдаты, бежавшие с Кавказского фронта, обстреливали аулы и станицы, грабили, затевали драки. Попустительство социалистических властей привело к новым вспышкам насилия в Грозном, Дербенте, Темир-Хан-Шуре и других городах Кавказа.

Возмущаясь бесчинством солдат и бездеятельностью «революционной» власти, с тревогой наблюдая за усилением анархии и большевистских выступлений в Центральной России, Тапа понял, что при существующем фактическом безвластии необходимы срочные и решительные меры по пресечению беспорядков и установлению твердого, авторитетного управления в крае. Эта программа нашла полную поддержку у руководства терского казачества во главе с атаманом Михаилом Карауловым, который стремился покончить с грабежами и оградить казачьи регионы от «большевистской заразы».

Необходимость общей борьбы с преступностью и анархией на Северном Кавказе породила политический союз горских и казачьих лидеров. В сентябре 1917 года Тапа Чермоев и атаман Михаил Караулов сформировали и возглавили объединенный орган управления – Терский областной конвент. Несколько позже в Конвент войдет новый руководитель «Дикой дивизии», генерал Петр Половцев.

С помощью национальных полков дивизии и казачьих сотен Конвент начал активную борьбу с разбоями и погромами.

Чтобы оградить Северный Кавказ от идущей из центра «революционной» анархии и установить межнациональное доверие, Чермоев и его единомышленники из горского ЦК вошли в Юго-Восточный союз, созданный атаманами Дона, Кубани, Терека и Астрахани для защиты юга России от большевизма. Руководители Юго-Восточного союза намеревались принять меры по установлению твердой власти, укреплению правопорядка, борьбе с грабежами и политическими провокациями. Но в октябре 1917 года в планы горских и казачьих лидеров вмешалась новая сила – мощное аграрное движение горского крестьянства. Союз объединения горцев не мог достаточно быстро разрешить острую земельную проблему. Для проведения аграрной реформы необходимо было вернуть горцам земли, захваченные у них Терским казачьим войском. Представители казачества категорически отказывались даже обсуждать вопрос о возврате земель. Представляя реальное соотношение сил, руководители горского Союза не рискнули ввергнуть свой край в острый межнациональный конфликт. Решение аграрного вопроса было отложено до лучших времен, тем более, что острая политическая ситуация требовала объединения всех сил.

Безземельные горцы не согласились ждать. Еще летом 1917 года начались отдельные крестьянские волнения. К октябрю они распространились на все районы

Кавказа, переходя зачастую в вооруженные столкновения между горцами и казаками. В этих условиях необходимый для борьбы против большевизма блок лидеров Союза объединенных горцев с казачьим правлением горские массы восприняли как предательство национальных интересов, Союз объединенных горцев и местные национальные комитеты быстро теряли авторитет и поддержку населения. Крестьянство выходило из-под контроля национальных органов власти. Тапа тяжело переживал утрату доверия к ЦК Союза со стороны простых горцев. Острый социально-политический кризис на Северном Кавказе он воспринимал как личное поражение. С ноября 1917 года ЦК Союза объединенных горцев преобразовался в Горское правительство, Тапа ушел с поста председателя ЦК. Главой Горского правительства стал один из ближайших соратников Чермоева – князь Рашидхан Капланов. В январе 1918 года Тапа Чермоев выехал из охваченного анархией и грабежами Владикавказа в Чечню.

Рассказывают, что, когда, выступая на общечеченском съезде в селении Старые Атаги, созванном Мутушевым и его сторонниками для избрания нового национального совета, Тапа попросил поддержать Горское правительство, то один представитель левого крыла стал просить поддержки большевиков и озвучивать их лживые по сути лозунги. Поверив ему, в зале стали хлопать, а один из делегатов заявил: «Ты, Тапа, очень богат, а мы бедны. Говорят, среди русских появились такие люди, большевики, которые сделают нас такими же богатыми, как ты. Поэтому мы будем поддерживать большевиков». Чермоев невесело рассмеялся и сказал: «Не знаю, почему вы хлопаете, не уверен, что большевики сделают вас богатыми, но в том, что они сделают меня бедняком, убежден. Вы убедитесь, что большевики обманывают вас, но будет поздно».

Спор на съезде ни к чему не привел: чеченцы шли за новыми лидерами, обещавшими вернуть захваченные казаками земли, и не хотели слушать Чермоева, предупреждавшего о коварстве большевиков. Наступление большевизма привело к быстрому падению Горского правительства. Совсем скоро стало ясно, что Чермоев был прав.

Весной 1918 года, вместе с группой влиятельных горцев, Тапа через Дагестан прибыл в Тифлис. Здесь, под эгидой Закавказского комиссариата, собирались национальные силы Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа. Разгул большевистского произвола привел к началу Гражданской войны в России. Это заставило лидеров национально-демократических движений Кавказа искать спасение для своих народов в отделении от России, охваченной революционной стихией. Тапа Чермоев предлагал остановить распространение большевизма путем «суверенизации» Кавказа. Он стал автором проекта создания национальной государственности кавказских народов.

В конце апреля 1918 года в тифлисской гостинице «Ориент» собрались соратники Чермоева по руководству Горским Союзом. Они ознакомились с планом Тапы и поддержали идею независимой Северо-Кавказской Республики. 4 мая 1918 года лидеры Союза объединенных горцев, Тапа Чермоев и его ближайший единомышленник и друг Гайдар Баммат, объявили об отделении Северного Кавказа от Советской России и провозгласили образование Республики Союза горцев Кавказа (в исторической литературе Республика Союза Горцев получила название «Горская Республика»). А ее правительство – «Горское правительство».

8 мая 1918 года делегация Горской Республики выехала в Константинополь. Здесь между Горской Республикой и правительством Турции был заключен договор о дружбе, по которому «Высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления политических стремлений народов Северного Кавказа». Сочувствие и поддержку независимости Северного Кавказа выразили высокопоставленные представители Германии и Австро-Венгрии. На международной конференции в Батуми 11 мая была распространена Декларация независимости Республики Союза горцев. В ней отмечалось, что «ввиду царящей в России анархии и пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом, за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, Союз горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство». В тот же день в Тифлисе было объявлено о формировании первого правительства Горской республики. В его состав вошли бывшие члены ЦК Союза объединенных горцев: Пшемахо Коцев, князь Нухбек Тарковский, Ибрагимбек Гайдаров, лидер тифлисских мусульман Гайдар Баммат и многие другие видные деятели Северного Кавказа. Председателем Горского правительства единогласно был избран Тапа Чермоев – отец идеи кавказской независимости. Вслед за Северным Кавказом объявили о создании национальной государственности Грузия (26 мая), Азербайджан (27 мая) и Армения (28 мая). В Тифлисе, Баку и Ереване были сформированы национальные органы власти, которые сумели взять ситуацию в Закавказье под контроль.

Иначе развивались события к северу от Большого Кавказского хребта. На Тереке возникла и укрепилась Терская Народная Республика. Обеспечив достаточно широкое самоуправление этнических групп, она успешно решала острые социальные проблемы региона, в частности земельный вопрос. Дагестан был охвачен волнениями: там шла ожесточенная борьба между большевиками и исламскими клерикалами, пытавшимися объявить «второй имамат». Поэтому провозглашение Горской республики просто повисло в воздухе.

В этой ситуации реальную военную, политическую и финансовую помощь Горское правительство могло получить только со стороны Турции и Германии, которые были заинтересованы в утверждении дружественных режимов на Кавказе и войска которых дислоцировались в Закавказье. «Трагедия нашей жизни, – писал Чермоев князю Тарковскому, что без этой помощи мы сейчас не можем организовать, для чего нужно, прежде всего, очистить свою территорию от пришлого элемента – большевиков».

Надеясь получить поддержку со стороны держав Тройственного союза, Тапа Чермоев обратился к правительствам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии с просьбой о гарантиях суверенитета провозглашенного государства. Глава Горского правительства считал, что национальное движение Северного Кавказа нуждается в срочной поддержке, ибо «все горцы в данный момент почти на всей территории стонут под пятой кучки пришлых авантюристов, называемых представителями Советской власти».

К концу июля 1918 года Гайдар Баммаг, направленный Чермоевым в Константинополь для переговоров с турецким правительством и германскими дипломатами, добился выделения финансов, оружия и обмундирования для формирования горской армии. В сентябре отряды под командованием военного министра Горского правительства князя Нухбека Тарковского и турецкого генерала кавказского происхождения Юсуфа Изетпаши начали выступление на Дербент и Темир-Хан-Шуру. 2 октября Тапа вместе с Юсуфом Изетпашой выедет через Баку в Дагестан. С передовыми отрядами северокавказских аскеров 10 октября он войдет в Дербент, который стал временной столицей Горской республики. Через два дня в центре Дербента под ликование народа на резиденции Горского правительства взвевается звездно-полосатый флаг Республики Союза горцев. На площади Тапа Чермоев примет торжественную присягу добровольцев горской армии, клявшихся «до последнего человека защищать молодую республику». Глава правительства огласит первое обращение к народу. В нем говорится, что «правительство горцев принимает все меры, чтобы жизнь вошла в нормальную колею, и верит, что при помощи самих граждан быстро установит порядок».

В октябре армия Горской Республики, при поддержке турецких военных советников, займет основную часть территории Дагестана.

3 ноября Горское правительство во главе с Чермоевым переедет в Темир-Хан-Шуру – новую столицу Республики Союза горцев. От имени Горского правительства Тапа Чермоев выступит с обращением к населению, разъясняя правительственную программу. Учитывая ошибки Союза объединенных горцев, утратившего доверие крестьянства из-за нерешительности в аграрном вопросе, Горское правительство планировало «в первую очередь разрешить коренным образом земельный вопрос на основе принципа «земля трудящимся». Второй, не менее важной целью руководителей общегорского движения, являлось обеспечение «дружного сожительства народов при неперменном условии ограждения прав меньшинства». Горское правительство призвало «лучшие силы страны без различия национальности к делу управления краем». Правительство также обещало широкую поддержку профсоюзам в борьбе за права трудящихся, защиту гражданских прав и политических свобод, восстановление разогнанного большевиками городского самоуправления и т.д. Власть Горского правительства на территории республики укреплялась. По мере этого влияние большевиков и их попутчиков в национальных округах Терек постепенно уменьшалось. На территории Чечни и Кабарды были созданы вооруженные группы сторонников кавказской независимости, которые установили тесную связь с правительством Чермоева. Казалось, мечта Тапы о независимой Горской Республике близка к осуществлению. Но осенью 1918 года процесс утверждения северокавказской государственности оказался под угрозой срыва из-за серьезных внешнеполитических проблем: Германия и другие участники Тройственного союза, поддерживавшие суверенитет Северного Кавказа, были вынуждены признать военное поражение и просить мира. В ноябре, по требованию командования Антанты, начался вывод турецких и германских войск с Кавказа. Обстановку на юге России стали контролировать победители – англичане.

В середине ноября 1918 года в Баку прибыл глава английской военной миссии на Кавказе, генерал-майор Томсон. Он призвал к сплочению все антибольшевистские

силы региона. Фактически же англичане хотели подчинить все национальные движения и региональные формирования Добровольческой армии генерала Деникина, которая выступала под великодержавным лозунгом «Единая и неделимая». 27 ноября генерал Томсон телеграфировал Горскому правительству, обещая поддержать Республику Союза горцев, при условии создания «представительного коалиционного правительства» и присоединения к антибольшевистским силам. В тот же день Тапа Чермоев и министр внутренних дел Ибрагим-бек Гайдаров выехали в Баку для встречи с представителями английского командования. Переговоры между руководителями Союза горцев и английской военной миссией состоялись 27–29 ноября. Ситуация прояснилась. Англичане подозревали Горское правительство в прогерманских и протурецких симпатиях и поэтому не доверяли ему. Генерал Томсон в ультимативном тоне потребовал от горской делегации «удалить всех турок и устранить турецкую и германскую пропаганду» и предложил горцам установить связи с армией Деникина. Первые же встречи представителей Республики Союза горцев с белогвардейским командованием обнаружили, что деникинцы не только не признают Горскую республику, но и намерены восстановить на Северном Кавказе колониальное «военно-народное» правление, при котором казачество вновь стало бы привилегированным сословием, а горцы являлись бы бесправными «туземцами». На таких условиях Горское правительство, разумеется, не могло согласиться сотрудничать с Деникиным. Республика Союза горцев в очередной раз оказалась в критическом положении: наступавшие с севера «добровольцы» разгромили большевистские формирования на юге России и быстро продвигались к Тереку и Дагестану. Единственно, кто мог гарантировать горцам защиту от белогвардейского нашествия, были англичане, финансировавшие и вооружавшие Добровольческую армию. Тапа Чермоев решил во что бы ни стало получить английские гарантии. Понимая, что германо-турецкая ориентация Горского правительства связывается в первую очередь с его именем, Тапа принял нелегкое для себя решение уйти в отставку с поста председателя. Новое руководство Горской республики 17 декабря 1918 года возглавил друг и соратник Тапы, кабардинец Пшемахо Коцев. В правительство вошли практически все члены прежнего кабинета.

В отставке Чермоев продолжал заниматься активной политической деятельностью. Временно находясь в тени, он фактически координировал действия национальных органов власти. Под его руководством в декабре 1918 года был сформирован Союзный Совет – парламент Горской республики, который обеспечил законодательное оформление северокавказской государственности: 19 декабря он утвердил кабинет Коцева, а 22–23 декабря рассмотрел и принял Временное положение о Союзном Совете (парламенте) и правительстве Горской Республики.

В конце декабря в Темир-Хан-Шуру прибыл представитель английской военной миссии полковник Роуландсон. От имени британского командования он обещал помощь Горскому правительству. Однако за спиной горцев англичане продолжали поддерживать наступление деникинцев на Северном Кавказе. В конце января – начале февраля 1919 года части Добровольческой армии вторглись в Терскую область и, захватив Владикавказ, двинулись на Ингушетию и Чечню. Преследуя большевистские отряды, белогвардейцы жгли аулы, уничтожали мирных жителей, с помощью казачества насаждали колониальные порядки. Руководство Республики Союза горцев должно было принять срочные меры к защите и спасению горского населения. Англичане не вмешивались, а неоднократные переговоры с Деникиным и его генералами не давали никаких результатов. Насилия белогвардейцев в национальных округах Терека продолжались.

В этой критической ситуации Тапа Чермоев решил открыть «дипломатический фронт» для защиты горской независимости. Во главе Зарубежной делегации Республики Союза горцев он выехал в Баку, где развернул широкую агитационную кампанию против деникинского нашествия. Чермоев и его помощник Алихан Кантемир, дипломатический представитель Горской Республики при азербайджанском правительстве, работали, забыв о сне и отдыхе. Они встречались с руководителями Азербайджана, Армении, Грузии, представителями английской военной миссии, лидерами политических партий и организаций, рассылали многочисленные телеграммы и обращения, давали интервью и публиковали статьи в закавказской, турецкой и западной прессе о ситуации на Северном Кавказе.

Белогвардейцы, обеспокоенные внешнеполитической активностью Горского правительства, решили применить шантаж и предъявили Чермоеву ультиматум: либо он прекращает выступления против Добровольческой армии, либо будут приостановлены выплаты доходов с чермоевских земель и нефтепромыслов, которые с захватом

Грозного оказались в руках белых. Тапа даже не стал разговаривать с «делегатами», и указал шантажистам на дверь: «Передайте генералу Деникину, что честь и свобода Родины не продаются!»

Вскоре, по личному распоряжению Деникина, поставленные белыми власти Терско-Дагестанского края объявили о конфискации имущества Чермоева и запретили нефтедобывающим фирмам выплачивать Тапе дивиденды и арендную плату за эксплуатацию его промыслов.

Тем временем Чермоев усилил критику и разоблачение действий деникинцев в своих выступлениях и публикациях.

Умелая апелляция к общественному мнению в начале марта 1919 года дала свои результаты. МИД Грузии 3 марта заявил, что «самым категорическим образом протестует против действий Добровольческой армии на Северном Кавказе». Спустя три дня правительство Грузии выразило поддержку борьбе горцев за независимость. Правительство Азербайджана выступило с осуждением «дерзких посягательств на стремление народов к свободе и попрания их прав» и обратилось к генералу Томсону с призывом оказать давление на белогвардейское командование. Даже правительство Армении, которое поддерживало достаточно дружественные отношения с деникинцами, выразило «сочувствие стремлению горских народов к самоопределению» и в осторожной форме осудило действия «добровольцев». Под давлением резко негативного отношения правительства и общественного мнения стран Закавказья к белогвардейской оккупации Северного Кавказа англичане были вынуждены настаивать на прекращении наступления деникинских войск на Республику Союза горцев. 24 апреля полковник Роуландсон от имени британской военной миссии сообщил Горскому правительству, что Добровольческая армия не будет вторгаться в Дагестан. Убеденный, что непосредственная угроза деникинской агрессии против Горской республики миновала, Чермоев во главе Зарубежной делегации выехал в Париж, – добиваться дипломатического признания северокавказской независимости на мирной конференции, созванной после окончания Первой мировой войны странами-победительницами. В Париже Чермоев вел активные консультации с участниками мирной конференции о независимости Северного Кавказа, добиваясь официального международного признания Горской республики. Его усилия неожиданно натолкнулись на упорное сопротивление Великобритании и Франции. Правительства этих стран, сделав ставку на белогвардейские армии Деникина и Колчака, выступали против признания национальных государств, возникших на территории бывшей Российской империи. «Лоббистом» интересов белогвардейцев на конференции был военный министр Великобритании, молодой и самоуверенный Уинстон Черчилль, мнивший себя знатоком России.

Поддержку делегатам Горской республики выразили представители Японии и Италии, но их «платоническое сочувствие», не подкрепленное военно-политическим присутствием на Кавказе, не могло существенным образом повлиять на решение Парижской конференции.

Последней надеждой горцев была встреча с президентом Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсоном. Он не только был официальным представителем конференции, но, будучи лидером международного либерального движения, имел большое влияние на государственных деятелей и общественное мнение Европы. Кроме того, Вильсон, провозгласивший в своих знаменитых «14 пунктах» право наций на самоопределение, был широко известен как «друг малых народов» и принципиальный сторонник освобождения этнических меньшинств. В официальном комментарии к «14 пунктам» (в октябре 1918 года) администрация США заявила о намерении «признать де-факто правительства малых государств, отклонившихся от собственно России, при условии созыва ими национальных собраний для создания правительств де-юре».

В мае 1919 года Тапа Чермоев обратился к личному советнику и ближайшему помощнику Вильсона, полковнику Эдуарду Хаузу, «серому кардиналу» Парижской конференции. Тапа просил помочь организовать встречу с президентом США. В «доме Марата», парижской резиденции президента, 28 мая состоялась историческая встреча президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона и Тапы Чермоева – представителя северокавказских народов. Выслушав Тапу, президент обещал, что при рассмотрении «русского вопроса» делегация США будет поддерживать идею независимости Северного Кавказа. Он также посоветовал горцам объединиться со странами Закавказья. По мнению Вильсона, гораздо проще было добиться международного признания Кавказской федерации в целом, чем отдельно каждой республики. Но президент США, обещавший Чермоеву поддержать интересы горцев, был вынужден срочно возвратиться в Вашингтон из-за серьезного внутривнутриполитического кризиса. В

сентябре 1919 года он, после физического и нервного переутомления, тяжело заболел и был фактически парализован. До марта 1921 года (времени вступления в должность следующего президента США) Вильсона не видел никто, кроме врачей и жены. Эти обстоятельства резко снизили шансы Чермоева и его сторонников привлечь к проблемам горцев мировое сообщество. Оставалась еще одна возможность – самостоятельная консолидация Кавказа.

Совет Вудро Вильсона о кавказском единстве полностью совпал с позицией Чермоева по этому вопросу. Размышляя о судьбах Кавказа и будущем его народов, лидер Союза горцев давно пришел к выводу о необходимости объединения всех кавказских республик в борьбе за независимость и свободное развитие. Разрозненные и враждующие кавказцы всегда являлись удобной добычей для хищных соседей, которые использовали взаимное недоверие народов для порабощения Кавказа. Если в основе колониального режима лежал принцип «разделяй и властвуй», рассуждал Тапа, то в основу кавказской независимости должен быть положен принцип «объединяйтесь и освобождайтесь». «Нам нужна общая визитная карточка», – убеждал он членов делегаций закавказских стран.

Еще в Константинополе, на пути в Париж, представители Азербайджана, Армении, Грузии и Горской республики начали проводить регулярные консультации, согласовывая свои позиции и договариваясь о совместных действиях на мирной конференции. К лету 1919 года едва не произошло объединение делегаций Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Даже армянские делегаты, которые несколько дистанцировались от других кавказцев, признали большую эффективность совместных усилий. Самое парадоксальное заключалось в том, что в то смутное для России время кавказские народы стремились к объединению, и в этом была немалая заслуга Тапы Чермоева, понимавшего, что сила кавказцев – в их сплоченности. К сожалению, другие лидеры Кавказа этого не понимали.

Дипломат

Тапа Чермоев проявил себя и как прекрасный дипломат в поисках пути сохранения мира на юге России, установления дружеских отношений между народами Кавказа. На мирной Конференции в Париже весной 1919 года американский президент Вудро Вильсон выглядел задумчиво. И, хотя лидерам союзных держав вроде бы удалось прийти к соглашению по обоим пунктам политического договора по итогам Первой мировой войны, в ходе обсуждения заключительных документов постоянно всплывали все новые и новые проблемы, грозившие разрушить наметившееся взаимопонимание. Столько усилий было потрачено на то, чтобы убедить французов и англичан в необходимости создания Лиги Наций. А теперь любимое детище Вильсона превращалось в клубок противоречий и интриг: французы требуют отделить от Германии Рейнскую область, итальянцы претендуют на Тироль и Фиуме, японцы сцепились с австралийцами за южные острова, Китай недоволен решением по Шандуню. Кажется, взаимным претензиям нет конца.

Ко всем этим проблемам добавился неразрешимый «русский вопрос». Около трех десятков национальных и региональных «правительств», возникших на обломках развалившейся империи, требуют не только немедленного признания их независимости, но и материальной и военной помощи для борьбы с большевизмом. Непонятно, что с этим делать. «Русский impasse*», как сказал Клемансо. Действительно тупик.

Как раз в это время президент принимал делегацию Кавказа. Вездесущий, всезнающий полковник Хауз, познакомившись с этими кавказцами в одном из парижских политических салонов, убедил Вильсона встретиться с ними. Хауз, как всегда, оказался прав – разговор получился интересным. Президент с немалым удивлением узнал, что оказывается, на Кавказе живут не только Georgians (грузины), но и масса других народов, которые теперь намерены создавать государства.

Вильсон, считавший себя наследником свобододолюбивого духа отцов-основателей Соединенных Штатов, всегда сочувствовал стремлению народов к свободе. Но, с другой стороны, он полагал, что разрозненным малым государствам будет нелегко добиться признания своего суверенитета, а еще труднее – отстоять независимость. Президент дал понять делегатам, что для создания и утверждения национальной государственности кавказцы должны объединить свои усилия и создать федеративный союз, который будет в состоянии защитить регион от иностранной агрессии и в дальнейшем может стать реальным фактором международной политики. Кажется, предложение американского

* Impasse (англ.) – тупик.

руководителя нашло понимание. Вильсон заметил, как живо глава кавказской делегации откликнулся на слова о необходимости единства Кавказа, как охотно поддержал он мысль о создании Кавказской федерации. Этот кавказец производил впечатление человека мужественного, энергичного, умного и решительного. Его искренняя преданность борьбе за свободу своей родины внушала уважение, а волевой характер – надежду на то, что кавказское освободительное движение нашло сильного лидера. Настоящий «президент Кавказа». Вильсон, не глядя, протянул руку и взял со стола блокнот, на последней странице почерком Хауза было написано: «Чермоeff». Это свидетельствовало о том, что Чермоев произвел сильное впечатление на президента и он считал, что Чермоев является достойным лидером Кавказа, а потому принял решение поддержать его идеи. Зоркий президент смотрел в будущее. Его волновала судьба Кавказа. Пропагандируя идею общекавказского единства, Тапа Чермоев считал важной задачей не только формальное объединение кавказских республик, но и поддержание межнационального мира и согласия в регионе, в первую очередь, между горцами и казачеством, противоречия между которыми не раз ввергали Северный Кавказ в хаос и кровопролитие. В июле 1919 года, при самом активном участии Чермоева, в Париже был подготовлен договор об установлении дружественных отношений между правительствами Кубанского края и Горской республики. С кубанской стороны договор подписали председатель Кубанского правительства Л. Быч и члены кубанской делегации, от имени Горского правительства – Т. Чермоев, министр иностранных дел Г. Баммат и члены горской делегации.

Договор признавал свободное развитие Горской республики и Кубанского края и являлся как бы соглашением о дружбе и взаимопомощи, что следует из текста:

«1. Правительство Кубани и правительство Республики горских народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза горских народов Кавказа.

2. Договаривающиеся стороны обязуются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и Республики горских народов Кавказа.

3. Войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой стороны не иначе, как по просьбе или с согласия правительства этой стороны. Войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение этой последней».

Узнав об этом акте, борец за единую и неделимую Россию, отстаивавший великодержавные идеи российской военщины, генерал Деникин пришел в ярость. Он не мог смириться со стремлением горских народов и казачества к самоопределению, хотя это их желание явилось следствием политического кризиса в России.

Тапе Чермоеву удалось избежать наказания со стороны Деникина, так как он был во Франции. Но дипломатический посланник Кулабухов, подписавший договор с кубанской стороны, был выдан Кубанской Радой сторонникам Деникина и 7 ноября 1919 года повешен в центре города Екатеринодара (нынешнего Краснодара).

25 октября 1919 года генерал Деникин направил всем гражданским и военным руководителям белогвардейской администрации приказ о немедленном аресте и предании военно-полевому суду Чермоева и членов Зарубежной делегации «при появлении этих лиц на территории Вооруженных сил Юга России». Чермоев был объявлен «опаснейшим государственным преступником».

Упустив возможность захватить Дагестан путем прямого военного вторжения, белогвардейское командование, при помощи своих секретных агентов, которых было особенно много в офицерской среде, начало подрывную деятельность против горского правительства. Осуществлению планов деникинцев способствовало пробольшевистское восстание в Дагестане 18 мая 1919 года, после подавления которого кабинет Коцева ушел в отставку. Формирование правительства было поручено генералу Халилову. Назначение премьер-министром Михаила Халилова, который состоял в тайной связи с представителями Добровольческой армии, привело к падению Горской республики. Через пять дней после вступления в должность 23 мая, новый премьер распустил Союзный Совет и объявил себя «временным правителем Дагестана». В тот же день сюда были введены белогвардейские войска. Члены правительства и парламента Республики Союза горцев частью перешли на нелегальное положение, частью ушли в горы или эвакуировались в Азербайджан и Грузию. Такое развитие событий произошло не в последнюю очередь из-за позиции мирового сообщества.

Парижская мирная конференция, вопреки ожиданиям, так и не нашла времени для подробного рассмотрения «русского вопроса», в контексте которого стояла и проблема признания государств, возникших на территории бывшей империи.

Делегации Азербайджана, Грузии, Горской республики, Латвии, Эстонии, Украины и Белоруссии 18 июня обратились к лидерам конференции с просьбой о политическом признании новых государств, однако страны-победительницы, занятые урегулированием европейских конфликтов и разделом сфер влияния, предпочли обойти острые углы «русского тупика». Официально конференция признала независимость лишь Польши и Финляндии. В августе 1919 года совещание министров иностранных дел Парижской мирной конференции условно признало «автономную» государственность балтийских стран. И лишь в январе 1920 года, в последние дни работы конференции, были признаны де-факто Азербайджан, Грузия и Армения. Однако этот акт запоздал как минимум на год. В марте 1920 года Северный Кавказ заняли большевистские войска и поддержали создание там марионеточных автономий. Вскоре пали независимые республики Закавказья – последняя опора кавказского национально-освободительного движения.

Тапа Чермоев остро переживал игнорирование великими державами прав и интересов малых народов. Вместе с миллионами беженцев, уже из Советской России, Тапа покинул родину. Со своей семьей и многочисленными родственниками он обосновался в Париже.

Жизнь в столице требовала много денег, а средства, которые удалось вывезти за границу, быстро таяли. Но тут пришла неожиданная удача. В 1920 году Тапа продал права на владение своими грозненскими промыслами англо-голландскому нефтяному магнату Генри Детердингу.

По свидетельству писателя Алексея Толстого, одно время вращавшегося в парижских эмигрантских кругах, инициаторами продажи чермоевских промыслов были посредники-авантюристы Нальмов и Левант, которые рассчитывали получить большие комиссионные. Они убедили сэра Детердинга в том, что большевики не сегодня-завтра падут и российская нефть станет легкой добычей. Хозяин «Ройял Датч Шелл», обуреваемый мечтами о мировом нефтяном господстве, охотно ввязался в авантюру и поручил посредникам скупать бакинские и грозненские нефтяные участки.

Чермоев долго колебался, прежде чем решил продать наследственные земли. Левант пошел на хитрость. По словам Толстого, он взял Тапу «семейным измором».

Ловкий негоциант пригласил племянниц Тапы на прогулку. «Показал роскошный особняк в Булонском лесу, возил на автомобильную выставку, на приемы к великим парижским портным (где проходили, как сновидения, потрясающей красоты женщины в невероятных платьях ценою в две, три, пять тысяч франков), возил даже к мировому королю жемчугов Розенфельду, любезно открывшему стальные шкафы с сокровищами Шахерезады. Племянницы были очарованы Парижем и желали окупиться в шикарную парижскую жизнь. Словом, домашняя жизнь Чермоева стала невыносимой, он понял, что так хочет Аллах, и пошел на условия Детердинга».

Поторопив Тапу с продажей промыслов (хотя и не совсем честным путем), посредники оказали ему огромную услугу. Уже через несколько месяцев, когда стало известно, что английское правительство отказалось от планов интервенции против Советской России, цена всех российских владений стремительно упала и вскоре не превышала цену бумаги, на которой заключались купчие. Тапа же в результате сделки получил более 16 миллионов франков (по тем временам огромное состояние). Эти средства позволили ему поправить личные дела и помочь другим эмигрантам-кавказцам.

Говорят, что в один из вечеров Чермоев скупил все билеты в парижской Опере и устроил «чеченский прием», пригласив на него выходцев с Кавказа. На следующий день парижские газеты заговорили о «загадочном кавказском миллионере», а крупнейшие банки поспешили предложить ему свои услуги.

Большой парижский дом Тапы всегда был полон родственников и гостей. Бывал на обедах у Чермоева и Алексей Толстой. Позже, возвратившись в Советскую Россию, Толстой «отплатил» Тапе за гостеприимство пасквилем. В книжке «Черное золото» (затем переименованной в «Эмигранты»), написанной в 1931 году по предложению Сталина, Толстой постарался очернить всех видных деятелей антисоветской эмиграции, в том числе и Чермоева, которого он, видимо по некомпетентности, называет то азербайджанцем, то татариним.

Замеченные Толстым красавицы-племянницы (писатель называет их троюродными сестрами Чермоева) были известны в Париже. Их звали Дара и Зейнаб. Дара приехала во Францию в 1925 году. Ей было тогда 26 лет. Она покорила парижский свет своей красотой. На одном из конкурсов красоты в Париже она вышла в чеченском национальном костюме и заняла первое место. Дара дружила с семьей всемирно известного дирижера Антона Рубинштейна, занималась живописью, коллекционировала картины. В 1944 году она переехала в Нью-Йорк, где прожила более 40 лет. В 1987 году Дара трагически погибла у себя в доме во время пожара.

Зейнаб в эмиграции вышла замуж за друга и близкого соратника Тапа Гайдара Баммата. Она устраивала домашние концерты, на которых исполнялись классические произведения, русские романсы и чеченские песни, выступал цыганский хор. Зейнаб и сама прекрасно музицировала и пела. Ее домашний салон был популярен в Париже, и многие мечтали там побывать. Впрочем, родственники приносили не только радости, но и хлопоты. Племянник Чермоева, Эмильхан влюбился в русскую красавицу княжну, но она, окруженная толпой поклонников, не обращала внимания на ухаживания неизвестного среди знати эмигранта. Тогда пылкий горец украл строптивницу и увез в Америку.

Круг интересов Чермоева в Париже не ограничивался общением с родственниками и близкими. Тапа внимательно следил за обстановкой на родине. Ему, полному энергии, творческих замыслов, больно было сознавать свое бессилие, невозможность помочь соотечественникам, попавшим в кровавую мясорубку «красного колеса». Глубоко сопереживая трагедии кавказских народов, Тапа старался поддерживать освободительные организации в эмигрантской среде.

В 1933 году Гайдар Баммат, зять Чермоева, на средства Чермоева основал в Париже журнал «Кавказ» – «орган независимой национальной мысли». Журнал разоблачал колониальную политику большевиков, пропагандировал идеи кавказской независимости и единства, призывал к борьбе против Советов: «От имени миллионов наших братьев, чьи сердца бьются в унисон с нашими сердцами, с кем за все эти долгие годы изгнания мы ни на минуту не порывали духовной связи, сегодня с большей, чем когда-либо, решимостью мы заявляем, что борьба против Москвы продолжится, что эта борьба не прекратится до тех пор, пока нога последнего оккупанта не покинет нашей территории, пока все народы Кавказа не сольются в дружную семью освобожденного от иностранного ига, независимого и единого Кавказского государства». Вокруг журнала сложился одноименный общественный комитет, в который, кроме Чермоева и Баммата, вошли генеральный секретарь женеvской Лиги пересмотра мирных договоров Андре Томаш, известный ученый-ориенталист и публицист, депутат парламента Италии Энрико Инсабато, глава варшавского Восточного института профессор Ольгерд Гурка, польский общественный деятель и философ, князь Токаржевский-Карашевич, видные представители грузинской эмиграции: профессор Михаил Церетели, Вахтанг Карели, профессор, князь Зураб Авалишвили, бывший член Горского правительства Алихан Кантемир и многие другие. Интерес к деятельности комитета «Кавказ» проявило и германское руководство. Альфред Розенберг, занимавшийся международными проблемами и, как эмигрант из России (он был из балтийских немцев), слышший крупным специалистом по «русскому вопросу», в 1936-1937 годах обратился к Чермоеву и лидерам «Кавказа» с предложением о сотрудничестве. От имени «Кавказа» Баммат статьей в своем журнале ответил, что поработенные народы России без всякого исключения видят своих союзников в немцах, японцах и итальянцах. Ничего удивительного в этом, конечно, нет. Ведь в современной Европе и на Дальнем Востоке открытыми врагами Советской власти сегодня выступают эти страны». Руководители комитета считали, что кавказское освободительное движение должно делать ставку на «мировые силы, которые по мотивам идеологического порядка или вследствие своей государственной политики являются в настоящем или призваны в недалеком будущем стать врагами нашего единственного смертельного врага – Советской России». Чермоев, Баммат и другие представители комитета «Кавказ» в своих статьях и выступлениях подчеркивали, что поддержка антибольшевистской политики Германии, Италии и Японии отнюдь не означает симпатий к некоторым сторонам идеологии и внутренней политики этих государств. Журнал «Кавказ» неоднократно критиковал расистскую концепцию и антисемитские выступления германских национал-социалистов, заявляя о неприемлемости расизма и шовинизма для многонационального Кавказа.

В 20-30-х годах Тапа Чермоев был «врагом номер один» для Кавказского отдела ГПУ (после второй мировой войны это «почетное звание» перешло к другому чеченцу – Абдурахману Авторханову). Чекисты не только расстреляли близких родственников Чермоева, оставшихся на родине, но и стремились уничтожить всех чеченцев, носивших эту фамилию, даже однофамильцев. Не имея возможности вернуться в Чечню, Тапа со своими друзьями и единомышленниками и в эмиграции продолжал борьбу за свободу и независимость Кавказа. Имя большое состояние, он мог жить безбедно, не думая ни о чем, приумножая свой капитал. Но Тапа был истинным чеченцем, достойным сыном своего народа и не мог оставаться в стороне от бед соотечественников. Все, что он имел, средства, здоровье, интеллект – он отдал делу освобождения Кавказа, до конца своей жизни не прекращая борьбу. Кроме журнала «Кавказ» с его помощью в Праге издавался журнал «Вольные горы», а в Варшаве – «Северный Кавказ». Все

эти журналы пропагандировали одну идею – восстановить Горскую республику. На обложке каждого номера журнала «Северный Кавказ» печаталась карта республики, границы которой проходили от Главного Кавказского хребта по Каспийскому и Черному морям.

Тапа был трагической личностью. Его все время преследовал рок. В самом расцвете лет умный, деловой человек, крупный нефтяной магнат вдруг остался не у дел и вынужден был покинуть любимую Чечню, по которой он тосковал до конца своих дней. У него не было детей, в доме воспитывались две племянницы. Тапа переживал за все, что произошло с его народом и лично с ним, и это не могло не отразиться на его здоровье. После 1920 года он стал часто болеть. Не исключено, что его отравили, добавляя в пищу яд. В середине 1920-х годов он вынужден был, по рекомендации врачей, переехать из Парижа в Швейцарию. Но даже там, несмотря на ухудшающееся здоровье, Тапа не оставлял избранного дела.

Предприниматель

В 1906 году сотник лейб-гвардии Т. Чермоев женился на дагестанской ханше Хаварханум Ибрагимбековой. Занимаясь политикой, Чермоев одновременно занимался и бизнесом. Бывший офицер, уйдя в отставку, окунулся в бизнес и, широко развернув его, вскоре стал миллионером-нефтепромышленником. По словам Г. Баммата, как представитель семьи, обладавшей крупными акциями в нефтяной промышленности, он оказался в ней одним из самых активных деятелей, а во многом она обязана своим развитием его большому природному уму и жгучей энергии. Выступая ходатаем за право сельских обществ Чечни, которых местные чиновники и приезжие дельцы пытались лишить законных доходов от эксплуатации нефтепромыслов, расположенных на их землях, Тапа Чермоев добился отмены судебных исков против горцев. В 1914 году по его личной просьбе дело о правах сельских обществ Чечни было принято к рассмотрению Правительствующим Сенатом Российской империи. Нефтяной король Т. Чермоев контролировал крупные нефтяные объекты в Грозном, лидерствовал в промышленных кругах Юга России, росли его доходы, множилось его состояние. Он неизменно возглавляет список крупных предпринимателей и самых богатых представителей кавказского делового мира, куда входили «Хлебный король» Баширов, заводчики Цутиев, Мадиев, владельцы фирмы «Старо-Юртовская нефть» Бадуев, Батукаев, Мирзов, Шаптукаев. Позже А. Авторханов назовет их «пионерами промышленного развития капитала в Чечне» («К основным вопросам истории Чечни», Грозный, издательство «Серло», 1930 г.)

Мой отец Сайдселим и старожилы села Нойбера в 60-х годах прошлого века рассказывали, что Тапа Чермоев в то время приезжал в это село с представителями английских нефтяных компаний с предложением заключить с ними договоры на бурение в землях сельского общества, с уплатой 10 000 рублей и 1 головы крупного рогатого скота каждой сельской семье.

Известно, что история не приемлет сослагательного наклонения. Если бы нойбердинцы согласились на эти условия, то был бы заключен очень выгодный договор. Но, боясь народного осуждения, что они якобы продались англичанам, они отказались от заключения предлагаемого договора аренды земель, на которых англичане собирались забить скважины. Позже, после установления Советской власти, за которую чеченцы пролили свою кровь, на этих землях без всякой выплаты и пользы для жителей села «выросли» скважины Новогрозненского объединения бурения «Октябрьнефть», которые эксплуатируются до сих пор. Жители села не послушались своего заступника и упустили выгоду.

Житель села Кошкельды Ахмади Абдулаев рассказывал, что ему было 26 лет, когда Тапа Чермоев эмигрировал во Францию. Перед этим он приезжал в село и просил родственников поехать с ним, обещал помочь им в финансовом отношении. Когда его семья отказалась эмигрировать, Тапа просил его жену, Хавру, сделать ему на прощание чеченских чепалгаш, которыми он в скором времени не сможет угощаться никогда. Перед отъездом он оставил ему денег, а семье Асхабовых, на память о себе, дорогое фамильное кольцо-печатка с надписью: «Грозненский округ. Хошкельды. Чермоев». Журналист Дени Сумбулатов из Кошкельдов рассказывал, что видел эту печать.

Чермоев был сыном своего времени, единственным представителем политической интеллигенции того времени, кто не принимал ни «белых», ни «красных», но тем не менее не хотел пролития крови тех и других. Там и там были чеченцы. По словам многих, он прекрасно смотрелся в горской одежде и светском костюме, Тапа Чермоев был наставником начинающего политика Асламбека Шерипова, его он посылал в

Абхазию для пропаганды необходимости объединения горцев Кавказа, помогал абреку Зелымхану в его борьбе за справедливость.

Не могу умолчать еще об одном. В официальной хронике годом смерти значится 1937 год. В 70-х годах прошлого века уроженец села Нойберды Халим Янарсаев рассказывал, что во время ВОВ 1941–1945 годов он попал в немецкий плен и был вместе с другими вывезен на работы в рудники Франции. В 1944 году к ним в горской одежде приходил статный мужчина и представился Тапой Чермоевым из Кошкельдов. Узнав о том, что он чеченец из соседней деревни, он выкупил его у администрации рудника и, после его отказа остаться во Франции, подготовил для него соответствующие документы и под чужим именем отправил в СССР. Боясь разоблачения и наказания, он скрывал это от советской власти и жил под чужим именем.

Кроме того, известный журналист и главный редактор районной газеты «Гумс» Хожбауди Борхаджиев в 1991 году брал интервью у еще живого тогда известного чеченского диссидента и правозащитника с мировым именем, много сделавшего для возвращения чеченцев и ингушей из мест депортации и их реабилитации Салавди Гугаева, который говорил, что в 1945 году встречался с Тапой Чермоевым в Париже в его гостиничном доме.

Таким образом, свидетельства двух непростых и именитых людей дают основание полагать, что в 1945 году Тапа Чермоев был жив и вряд ли оставался в стороне от помощи проведения Ялтинской и Тегеранской мирных конференций. Но, так или иначе, он умер на чужбине и был похоронен в пригороде Парижа. Стало известно, что власти Парижа собираются снести кладбище, где он похоронен. У чеченского народа есть традиция предавать усопших родной земле. Чермоев – выдающаяся и трагическая личность, чье имя не подлежит забвению.

В марте 2012 года исполняется 130 лет со дня его рождения, а в мае – 95 лет со дня образования его детища – Союза Горцев Кавказа – Горской республики. Горцы никогда не забывали Тапу Чермоева. И те, кому удалось вырваться за границу, спешили попасть, прежде всего, к нему, чтобы встать под его знамя. Но то было время, когда кружил «ветер на всем Божьем свете», как писал Александр Блок. Это было время, когда его великая современница Марина Цветаева, унесенная вихрем истории в «новые толпы», под «иные флаги», искала утешения у Лиры высокой. «Ветренный век мы застали», – подтвердил бы трагическую правду и Тапа Чермоев, обязанный новому ветру перемен своим возвращением на родину. Пусть именем своим бессмертным. Пусть гением нерастраченным.

Учитывая, что производились перезахоронения и других эмигрантов того времени, боровшихся против большевиков (Деникина, Каппеля, Семенова и других), в ознаменование указанных юбилейных дат, было бы прекрасно и богоугодно организовать Правительством Чеченской Республики перезахоронение останков великого сына Кавказа и Чечни с установлением надлежащего памятника. Когда снесут кладбище, где он захоронен, пропадет могила человека, чья жизнь была посвящена идеалам свободы и справедливости, всем честным и добрым людям планеты. Думаю, что и Рамзан Кадыров, как патриот своего народа и сторонник благородных поступков, поддержал бы идею, которая стала бы большим событием и праздником в общественной жизни республики.

Литература:

1. Газета «Свобода», №1645 от 22 августа 1996.
2. Газета «Грозненский рабочий», №1655, 2002.
3. Газета «Даймохк», №131 от 25 ноября 2010.
4. Архивная справка послужного списка А.Чермоева.
5. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. – Рига, 1920.
6. Полевой материал автора Лулуева С.С.
7. Музаев Т.М. Союз горцев. – Москва, 2007.
8. К основным вопросам истории Чечни. – Грозный: издательство «Серло», 1930.
9. Геза-Хаджи Зандакский. Пространство и время героя. – Майкоп, 2009.
10. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917 годы. – Нальчик, 2007.
11. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–198гг.), Горская республика (1918-1920 гг.). – Махачкала, 1994.

«Сохраним самое дорогое...»

Имя Кати Зайндиновича Чокаева известно не только в научных кругах Чеченской Республики, но и в ученом мире России и зарубежья. Вот выдержка из статьи о нем в энциклопедиях «Ведущие языковеды мира» (Москва, 2000) и «Ведущие языковеды Кавказского региона» (Москва, 2001): «Чокаев Кати Зайндинович, чеченский языковед, историк и общественный деятель, специалист по чеченскому языку (морфология, словообразование, диалектология, орфография, сопоставительная грамматика чеченского и русского языков, истории чеченского языка и чеченского народа, ономастике и этимологии. Доктор филологических наук (1975 г.) профессор кафедры русского языка Чеченского

государственного педагогического института (с 1983 г.) Действительный член АН Чеченской Республики (1992), академик – секретарь отделения филологии АН ЧР (с 1992 г.), академик РАЕН (2004 г.), Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР и Республики Ингушетия, отличник просвещения СССР, лауреат Государственной премии Чечено-Ингушской АССР (1980), почетный работник высшей школы (с 2001 г.), почетный гражданин Чеченской Республики (2006) и г. Шали (2004).

Предлагаем вниманию читателя интервью с выдающимся ученым:

– Кати Зайндинович, расскажите немного о детстве, ранних годах своей жизни. Намного ли изменился чеченский язык за время вашей жизни, какие изменения произошли в нем?

– Я родился в старинном чеченском селении Шали в 1929 году. Жили в те годы своим трудом: пахали, сеяли, косили, заготавливали дрова. Дети с ранних лет уже были помощниками. Трудились почти наравне со взрослыми. Не проводили время праздно за телевизорами и компьютерами, не лихачили на дорогах иномарках, приобретенных родителями, чаще, на средства сомнительного происхождения.

И чеченский язык был тогда более естественным, скажем. Ведь язык – явление живое, развивающееся, трансформирующееся под влиянием социально-экономических, научно-технических, культурных и многих других факторов.

До выселения в 1944 году преподавание в начальных классах ЧИАССР, как и в других республиках, велось на родном языке, т.е. чеченском. И мы все предметы усваивали: арифметику, естествознание, географию, историю и др. Из учеников тех лет, которые окончили начальную школу на родном языке, выросли такие ученые мужи, ныне являющиеся нашей национальной гордостью, как: почетный академик-лингвист Юнус Дешериев из Ачхой-Мартана, ученый-политолог Абдурахман Авторханов, окончивший начальную школу на чеченском языке в своем родном Нижнем Науре. Выдающийся чеченский писатель, историк Абузар Айдамиров также закончил начальную школу на родном языке в с. Мескеты. Этот список можно продолжить, среди них немало женщин, ставших известными деятелями науки и культуры.

Это я привожу, вспомнив такое явление в недавние советские годы: было немало родителей, заявлявших, что изучение чеченского языка будет только мешать карьере их отпрысков. Разве может настоящий чеченец такое сказать? И как можно именоваться чеченцем или еще кем-то, не зная родного языка? Представьте себе грузина или армянина, делающего такие заявления! Да его ребенок стал бы, наверное, изгоем в школе. Почему у нас «яыхь» только на бытовом уровне: построить дом выше соседского,

купить «авто» престижнее, одеться лучше ближнего?..

Конечно, в те далекие уже годы язык, его лексический запас был менее обширен, чем сегодня. Но то был более первородный, естественный язык, без засилья современных научно-технических, телевизионно-киношных и иных следов и оборотов. Ведь до выселения мало кто говорил на русском языке, их можно было по пальцам пересчитать даже в большом ауле. А какая пестрота диалектов слышалась, когда съезжался народ в базарный день с окрестных аулов! Почти в каждом ауле были какие-то свои оттенки, не говоря уж о чеберлойском и других диалектах. Сегодня диалекты почти исчезли, их можно услышать только в горных аулах.

– Кати Зайндинович, Вы из тех людей, которые, можно сказать, сохраняют и обогащают наш литературный язык. В те голодные и холодные годы депортации на чужбину, когда люди умирали тысячами от голода, холода и болезней, наверное, не до учебы и науки было?

– До выселения я учился на рабочем факультете в г. Грозном. Так тогда называлось подготовительное отделение в высшее учебное заведение. Но неожиданная трагедия прервала все.

Наша семья попала в тогдашнюю Киргизскую ССР. Действительно, время было ужасное. Народ был распылен по бескрайним просторам Средней Азии и Сибири, нельзя было пойти из села в село, умирающему с голоду нельзя было подобрать колосок с колхозного поля, птицы и грызуны имели на это право. Любовь к честному труду, привитая в детстве на Родине, помогала мне и на чужбине. Я работал резчиком торфа на Чуйском торфодобывающем комбинате. Стал стахановцем среди пятисот рабочих, был награжден почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, почетной грамотой Топливного треста Киргизской ССР.

Несмотря на голод и лишения, тяга к знаниям у меня была большая. Я, как и многие вайнахи, верил, что справедливость будет восстановлена и мы вернемся на наш древний Кавказ. В тысяча девятьсот сорок седьмом году я пошел учиться в вечернюю школу города Токмак и закончил десять классов. Затем я поступил на заочное отделение Фрунзенского педагогического института и был там единственным студентом-чеченцем.

Учась заочно, шесть лет проработал учителем русского языка и литературы в Киргизии, сотрудничал с газетой «Знамя труда». В 1958 году мы вернулись на Родину, в Грозный.

– Еще в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого столетия у народов Африки, долго бывших колониями Великобритании, выработался особый язык, так называемый «пиджин-инглиш», помесь своего племенного языка или диалекта с английским. Он, кажется, бытует в Африке и сегодня. Не считаете ли Вы, Кати Зайндинович, что современный чеченский язык находится в таком же положении? Как решить проблему, какие нужны для этого усилия, механизмы?

– В какой-то мере наш язык переживает болезненный процесс, сходный с этим «пиджин-инглиш». Язык – это явление духовное, его нельзя осязать, его болезни не отражаются на материальной жизни народа, о нем пекутся только те, для кого он является, скажем так, профессией, сферой деятельности, «орудием» труда. Ученых-лингвистов, прозаиков и поэтов, пишущих на родном языке, как ни печально, становится все меньше. Природный чеченский язык вымирает, на нем говорит в основном пожилой, вернее, старый чеченец, детство которого прошло еще до выселения.

Литературный язык живет в произведениях наших писателей и журналистов, пишущих на чеченском языке. Однако читающих вообще становится все меньше и меньше, не говоря уже о читающих на чеченском.

Даже какой-нибудь повседневный продукт питания или предмет гардероба назвать на своем языке лень нашему обывателю. То и дело слышишь на рынке или в магазине: «Картошкех х1у доьху? Марковкех х1у доьху? Схьагайтахьа и рубашка» и так далее. А чтобы счет вели на родном языке – и вовсе редкое явление...

Хотя чеченский язык и является государственным языком, наравне с русским, редко где мы видим в нашей возрожденной столице вывески (кроме казенных учреждений) на чеченском языке. Сплошь «хотели-мотели», «супермаркеты» и тому подобное.

Мы стоим на грани национальной катастрофы, теперь уже духовной. Какие же мы будем чеченцы, если не будем говорить, читать и писать на чеченском языке?!

Конечно, немало делается для духовно-нравственного возрождения нашей нации, языка, культуры. Введен и широко отмечается День чеченского языка. Наши братья-ингуши ввели Неделю ингушского языка. Меня это радует, – если сохранится хоть ингушский, не все будет потеряно (*смеется*).

Еще один тревожный симптом я наблюдаю – все больше и больше представителей подрастающего поколения литераторов пишут на русском языке. По национальности они чеченцы, но мыслят, видимо, по-русски. Возможно, сюжеты будут захватывающие, горячие факты, но в языке будет чувствоваться фальшь, искусственность, словом, образно-мыслительная калька. Возможно, русскоязычный чеченский писатель и напишет детектив или какой-нибудь большой по объему бессодержательный роман, но это уже не чеченская литература.

Если ты берешь чужой язык как инструмент, средство своего самовыражения в творчестве, значит, ты считаешь, что родной язык твой беден, беднее чужого. Нет, язык не беден, ты его просто не знаешь.

– Кати Зайндинович, каково, на ваш взгляд, состояние нашей национальной литературы на сегодняшний день? Отражает ли литературное творчество проблемы нашего поствоенного общества, которое переживает ломку сознания, мировоззрения, морально-нравственных устоев нескольких ныне живущих, поколений?

– Настоящая литература всегда отражает все те наиболее значительные процессы, изменения, происходящие в обществе. Писатель пропускает события, явления через призму своего мировоззрения, нравственно-психологического восприятия общественных, жизненных явлений.

Сегодня, когда нет цензуры, каких-то идеологических запретов, почти нет литературной критики, в данном случае в чеченской литературе, можно писать о чем угодно и, подчеркну, как угодно. Талант не требуется, лишь бы были средства на выпуск печатного издания. Словом, раньше писал тот, кто умел, а нынче – кто желает и имеет средства. Поэтому перечитывать все выходящее из-под печатного станка нет желания и сил. Меня, как лингвиста, интересуют талантливые авторы, пишущие на чеченском языке, в чьих произведениях сохраняется и развивается родной язык. Сегодня мы можем назвать Мусу Ахмадова, который проявил себя во всех жанрах литературы: прозе, поэзии, драматургии; Мусу Бексултанова, прозаика – они умело используют все средства и возможности родного языка в своем многогранном творчестве.

Не обращаться к чужому языку, который генетически будет тебе сопротивляться в творчестве – ведь противоестественно говорить, мыслить на одном языке и выражать себя в творчестве на другом. У каждого народа свой образ, своя система или, скажем, конструкция мышления, восприятия событий, явлений.

Читал у одного литературоведа, что невозможно понять образ Григория Мелехова, говорящего на японском языке или еще каком, кроме русского. Язык имеет влияние на образную систему мышления писателя.

Есть русские поэты и есть русскоязычные поэты. Русский по крови поэт берет из сокровищницы своего языка разные по красоте слова и нанизывает их на нить, создавая ожерелье, гармонию и красоту. А русскоязычный захватывает в горсть разноцветные стекляшки-бусинки и пересыпает их в лучах света – блеск, мишура, кратковременный ошеломляющий эффект. Такое впечатление у меня остается от стихов сегодняшних русскоязычных чеченских поэтов.

Нужно использовать в творчестве диалекты языка, тому есть примеры в классической зарубежной литературе, в частности немецкой. Я напоминал об этом Мусе Бексултанову в статье «Хильдехароевский диалект в произведениях М. Бексултанова». Использовать диалекты хотя бы в диалогах, речи персонажей и т.д.

– В завершении беседы вернусь к самому главному и злободневному, если сказать по-ленински, «архиважному» вопросу – нашему родному чеченскому языку, одному из древнейших в истории человечества и одному из самых «запущенных». А то что чеченский язык запущен, подтверждается уже тем фактом, что он занесен в список вымирающих языков, по данным ЮНЕСКО. Ведь нет языка – нет народа...

Любой язык – большого или малого народа – это уникальное духовно-историческое, культурное явление в человеческой цивилизации. Потеря его – невосполнимая утрата для мировой цивилизации. Чеченский язык имеет древние корни и восходит к языкам древнейших цивилизаций. Подтверждают это шумеро-урартские клинописные тексты, которые расшифровываются в основном с помощью лексических средств вайнахского языка...

Что нужно, на Ваш взгляд, сделать, чтобы остановить этот процесс вытеснения чеченского языка и как защититься от англо-русской лингвистической экспансии?

– Во-первых, нужно незамедлительно восстановить ликвидированные имперским режимом начальные школы на чеченском языке. Не зря гласит наша народная мудрость: «Заученное в детстве – это письмена, высеченные на камне». Всем известно и доказано наукой, что ребенок, впервые севший за парту, должен слышать урок на своем родном языке, который он впитал, как говорится, с молоком матери. Так утверждали известные и признанные во всем мире педагоги-ученые: Песталоцци, Ян Амос Каменский, российские академики Л. Щерба, Ушинский, Э. Гогешвили и другие. У нас недавно была поднята эта проблема и были большие, обнадеживающие обещания со стороны руководства Минобразования и свыше. Но прошло уже несколько лет, а ничего не решено. Наши ученые-языковеды выпустили несколько специальных вспомогательных словарей для освоения учебных (физических, математических и других) терминов. Любой термин можно перевести на другой язык, найти эквивалент. Не нужно «стесняться» их произносить. Стесняясь, мы унижаем свой язык. А следовательно, и себя.

На телевидении, на мой взгляд, недостаточно передач на чеченском языке, особенно художественных программ и, в частности, касающихся проблем языка. Нашему мусульманскому духовенству тоже нужно было бы обратить больше внимания на проблему языка.

Во всех республиках Российской Федерации дети начальное образование получают на родном языке. Почему же мы не можем этого добиться?

Вторым камнем преткновения, по-моему, является наш несовершенный алфавит. Он недоработан, нет знаков долготы, не обозначаются дифтонги и т.д. Кириллица трудно воспринимается человеком восточной ментальности. Нужно вести работу хотя бы по усовершенствованию ныне существующего, навязанного сталинизмом алфавита. Тот же алфавит на латинской основе, недолго просуществовавший до выселения, был более совершенен. Его пытались возродить при правлении Дудаева и Масхадова и выходили иногда номера газет на латинице.

Наша Академия наук должна работать над этой проблемой. Общественность, мы все, должны понять, что вымирание языка – это наша общая беда.

Беседовал Иса ОКАРОВ

Абдулла Гапаев**...И родился театр**

Окончание. Начало в № 2.

О предвоенных гастролях театра по районам республики тогдашняя пресса писала в восторженных тонах: это победное шествие советского искусства по возрожденным к новой счастливой жизни аулам, как бесконечные встречи со счастливыми колхозниками, умеющими работать и радостно отдыхать. Еще много недостатков в работе, театру предстоит пройти огромный путь для того, чтобы стать вровень со своими задачами. Еще много исканий и упорного труда надо приложить к тому, чтобы привести Чечено-Ингушский драматический театр в ряды большого искусства. Но у этого счастливого сына своего замечательного народа есть все данные, чтобы завоевать почетное место в цветущем саду весеннего социалистического искусства братских народов нашего Союза. Наступающая 10-ая годовщина театра должна явиться новой ступенью по этому пути радостного творческого труда.

Чувствуете стиль, превосходные степени, искусственные чувства? Таков был метод советской пропаганды – победно-торжествующий. Впрочем, победные отчеты делает всякая власть.

Каждый новый большевистский лидер писал собственную конституцию, писал ее, исходя не из народных и государственных интересов, а под личные нужды. За неполные 80 лет мы имеем их уже пять. Было бы больше – Хрущев не успел написать свою. Так же часто большевики переписывали историю России. По политическим соображениям, под нужды текущего момента из истории вычеркивались выдающиеся личности, события, целые эпохи, как будто их вовсе не было или они получали новую оценку, противоположную прежней. Имам Шамиль до 1954 года в советской историографии считался руководителем освободительного движения горцев Кавказа, потом вдруг оказался агентом мирового империализма, эмиссаром англо-франко-турецкой экспансии с целью отторгнуть от России лакомый кусок Северного Кавказа. Правверного большевика Абдурахмана Авторханова, который стал бы обычным партийным или советским чиновником, постоянными преследованиями вынудили эмигрировать. После этого его объявили «врагом народа», все, что касалось его, было под запретом. Саид Бадиев написал по тем временам идейно безупречные пьесы. Его арестовали и расстреляли.

До войны в Грозном проживало очень мало чеченцев и ингушей. Они и в конце XX века составляли менее пятой части населения столицы. Поэтому основной зритель Чеченского театра, конечно, был в районах республики, и театр почти постоянно гастролировал по селам. Только в два-три зимних месяца выездные спектакли были не каждый день. Начало Великой Отечественной войны застало театр в горных районах. Транспорт у театра один – лошадь. С началом войны реквизируют и ее. Поездки на подводах были опасны для жизни, особенно на плохих горных дорогах, которые вились серпантином над кручами. Были и трагические случаи, когда подводы вместе с лошадьми и артистами срывались в пропасть. Но, вопреки всем трудностям, театр упорно продолжал свою великую работу – нести искусство в народ, давать регулярно спектакли широкой аудитории. Артисты пешком делали длинные переходы. Так было перед началом войны летом 1941 года.

С началом Великой Отечественной войны кратковременный период растерянности от неожиданности беды в душах людей сменился большим патриотическим подъемом. Вся страна срочно перестраивалась на военный лад. Чеченский драматический театр тоже не остался в стороне. Многие мужчины ушли на войну. Транспорт реквизируют для нужд фронта. Война круто изменила и репертуар театра, теперь его основу составляла военно-патриотическая тематика. Срочно создавались и разучивались новые песни, драматурги писали патриотические пьесы, литературно-музыкальные программы для выступлений перед бойцами Красной Армии. Коллектив Чеченского театра разбили на несколько мобильных концертных бригад, которые сразу же отправились на фронт, в воинские подразделения Северокавказского военного округа, военные училища, госпитали. При этом делали многокилометровые пешие переходы со своим реквизитом на плечах. В таких условиях за два с половиной года с начала войны и до выселения чеченцев и ингушей бригады успели дать для бойцов действующей

армии на передовых позициях под вражеским огнем и в госпиталях более девятисот спектаклей и концертов.

В это время в театре работают такие артисты, как: Яраги Зубайраев, Асет Исаева, Тамара Алиева, Ваха Татаев, Абдул-Хамид Хамидов, Мовжди Бадуев, Асет Ташухаджиева, Хава Хакишева, Хамид Чимаев, Зинаида Исакова, Халим Мусаев и многие другие. Практически все они сегодня с достоинством носят высокие звания заслуженных и народных артистов Чечено-Ингушской АССР и РСФСР.

Репертуар Чеченского театра военного времени изобилует пьесами патриотического содержания: «Сурхо – сын Ады» Гадаева и Батукаева, «Капитан Ибрагимов», «Борьба продолжается» Исламова (Халида Ошаева), «Рождение ненависти», «Тамара» Базоркина, «Накануне» Афиногенова, «Шторм» Биль-Белоцерковского, «Олеко Дундич» Каца и Ржешевского и даже «Храбрый Кикила» Нахуцришвили и Гамрекели, литературная композиция о Герое Советского Союза Ханпаше Нурадилове «Солнце в крови» Николая Штанько.

Недавно обнаружился интересный факт. Материалы о нем любезно предоставил мне Эдуард Мамакаев, сын одного из талантливейших чеченских поэтов Арби Мамакаева. Оказывается, перед войной для оказания теоретической и практической помощи чеченским и ингушским писателям в Грозный приехала большая группа российских писателей, и в их числе Александр Галич. Помимо проведения учебы, мастер-классов, как сказали бы теперь, московские гости собирались перевести на русский язык произведения писателей Чечено-Ингушетии и таким образом познакомить всеобщего читателя с их творчеством. После выполнения основной миссии писатели вернулись в Москву. Александр Галич остался и застрял здесь на целых три года. Причин было две, во-первых – знакомство с удивительно талантливым чеченским поэтом Арби Мамакаевым. Во-вторых, знакомство с самобытным чеченским театром. Александр Аркадьевич и как драматический писатель близко знал московских театралов, в том числе выдающегося педагога – руководителя Чечено-Ингушской актерской студии при ГИТИС Минаева. Минай Германович был в восторге от своих студентов, которых отобрал лично, развезая по всей республике. За это время он успел познакомиться с обычаями и традициями народа, с его фольклором и влюбиться в них. И, вероятно, все это рассказал своему молодому другу. А здесь Галич легко и крепко сдружился со своим одногодкой и таким же поэтом Арби, которого звали не иначе как чеченским Есениным за такую же страстную любовь к родной земле и песни о ней, какие сложил о своей земле Сергей Есенин.

Итак, Александр Галич остался в Грозном. Одним из его занятий здесь была режиссура в чеченском театре, который в то время возглавлял Владимир Вайнштейн. Именно Галич поставил на национальной сцене пьесы своего друга Арби Мамакаева «Гнев», «Матрос Майрбек», «Разведка» и сам играл в них. Когда началась война, они вошли в репертуар фронтовых концертных бригад Чеченского театра.

Мир давно знал об отношении фашистов к евреям. Когда в 1942 году немцы заняли левый берег Терека и слишком близко подошли к Грозному, Арби Мамакаев спас Галича. Дождливой темной ночью он вывез своего друга через горы в Грузию. Говорят, Галич сам написал об этом в своих воспоминаниях, отрывок из которых в 1988 году публиковал журнал «Театральная жизнь».

Долгими, длинными и трудными были фронтовые дороги чеченских артистов, очень часто рисковали они жизнью, чтобы своим искусством вдохновить солдат Отечества на ратные подвиги.

В самом начале войны в Брестском укрепленном районе и в самой Брестской крепости сложили головы около 900 чеченцев и ингушей. Усилиями писателя Халида Ошаева удалось выяснить имена 339 из них. Маленькая Чечено-Ингушетия дала 28 Героев Советского Союза. В 1942 году на подступах к Сталинграду героически погиб чеченец Ханпаша Нурадилов. Слава о его подвигах гремела по всем фронтам войны. Военная печать, листовки политуправления фронта восторженно рассказывали о его подвигах, называли его былинным витязем Кавказа, горным орлом чеченского народа. И было за что: за короткую боевую жизнь он лично уничтожил 920 фашистов и 12 взял в плен. С конца 1942 года Чеченский театр фактически самовольно стал носить его имя, и целых полгода назывался Чечено-Ингушским государственным драматическим театром имени героя войны Ханпаши Нурадилова. И только в 1943 году, когда вышел Указ Верховного Совета СССР о присвоении Нурадилову посмертно звания Героя Советского Союза, Верховный Совет республики узаконил это наименование.

Однако ни боевые заслуги чеченцев на поле брани, ни трудовые успехи чеченцев и усилия артистов на фронтах не спасли народ от депортации. 23 февраля 1944 года чеченцев и ингушей отправили в ссылку, воинов чеченской национальности,

отважно защищавших Родину, снимали с фронтов и отправляли вслед за опальным народом в Казахстан и в Среднюю Азию. Не избежали этой печальной участи и артисты. Депортированных чеченцев и ингушей называли спецпереселенцами, но в непосредственном общении с ними их прямо в лицо обзывали бандитами, изменниками, людоедами.

Подрубленные под корень, разом вырванные из родной земли, незаслуженно униженные и оскорбленные чеченцы и ингуши оказались лицом к лицу с враждебным миром, столкнулись с беззастенчивым произволом властей. Повальный голод и болезни косили всех без разбору: детей, женщин, стариков. Это были не все беды. Первые годы власти исподволь провоцировали против чеченцев и ингушей массовые погромы. Власти натравливали на них так называемых вербованных. Это рабочая сила, набранная по стране для работы на промышленных новостройках Казахстана и Сибири, состоявшая из криминального и полукриминального контингента. Самые крупные погромы случились в Лениногорске, Усть-Каменогорске, более мелкие по другим городам и рабочим поселкам. Они случились и в спокойной Киргизии. Жертв было множество. Но не было возбуждено ни одного дела по этим событиям, что прямо указывало на их инициатора. Павда, тогда погромщики не кричали «Россия – для русских», но, наверно, имели в виду – «смерть предателям», «бей фашистских холуев»! Ведь их выслали с такими ярлыками, властям и местному населению сказали, что к ним везут бандитов и фашистских прислужников. В этих условиях чеченцев и ингушей спасла только их сплоченность.

Удивительное это было время! Чеченцы и ингуши не спрашивали друг у друга, какого ты рода, какого села, не делали различия между чеченцами и ингушами. Все вернулось, когда они приехали на Родину. В тех трудных условиях интеллигенция первая поняла, что народу-изгою нужно помочь сохранить дух гордых вайнахов. Одним из инструментов для этого было искусство. Очень скоро и население, и власти поняли, что к ним привезли не предателей, не бандитов и людоедов, а обычных, бесконечно трудолюбивых людей, в чем-то даже более культурных, чем местное население. Но кто это признает?

Уже в 1946 году при содействии власти во Фрунзе, в столице Киргизии, Абдул-Хамид Хамидов и еще несколько энтузиастов разыскали и собрали часть бывших артистов Чечено-Ингушского ансамбля песни и танца, нашли еще несколько талантливых самородков и организовали коллектив с тем же репертуаром. А чтобы не очень раздражать власти, назвали его Кавказским ансамблем песни и танца. Правда, просуществовал он недолго, не столько по финансовым причинам, сколько потому, что спецпереселенец не мог покинуть место регистрации – иначе 25 лет тюрьмы. Власти не выдали документов для гастрольных поездок. Но факт возникновения этого коллектива, его короткая деятельность подняли дух чеченцев и ингушей, вдохнули жизнь в угасающую надежду на восстановление справедливости и возвращение домой. А в 1955 году в Алма-Ате начала выходить газета «Знамя труда» на чеченском языке, а на казахском радио – чеченская программа. С каким упоением мы читали эту газету, какими толпами собирались в доме редкого счастливого владельца радиоприемника на батареях!

Чернорабочий шахты «Ленуголь» г. Лениногорска – это восточная окраина Казахстана – режиссер Гарун Батукаев собрал нескольких чеченских актеров и в 1946 году поставил на чеченском языке музыкальную комедию «Аршин мал алан» известного композитора Азербайджана Узеира Гаджибекова, с которым много лет дружил наш земляк, композитор Муслим Магомаев. Комедия была выбрана не случайно. Музыка широко известна в стране, ее восточный колорит будет понятен не только чеченскому, но и казахскому зрителю. Но были и другие причины. Во-первых, для зрителя Лениногорска «Аршин мал алан» – это кавказская экзотика; во-вторых, она легка для постановки – всего восемь действующих лиц; в-третьих, веселая комедия. Главные роли пели и играли Есита Ганукаева, Андарбек Садыков и сам Батукаев. Было и несколько самодеятельных актеров, но они не могли играть поющие роли, и артисты, имеющие профессиональные навыки, играли по две и три роли.

Надо ли говорить, что спектакль имел успех, он привлек внимание властей города. И они официально попросили Батукаева поставить «Аршин мал алана» на русском, а затем и на казахском языках. Когда чеченские артисты сыграли спектакль на казахском языке, местные зрители и власти пришли в восторг. После этого Батукаева отправили создавать театр на другом конце Казахстана, в Джамбуле. Так что, мы смело можем сказать, что у истоков Джамбульского областного театра русской драмы стоял чеченец Гарун Батукаев.

С возрождением республики восстанавливались и ее учреждения культуры. В свое

старое здание вернулся Чеченский театр и возобновил работу. Первый спектакль «Асланбек Шерипов» состоялся 28 декабря 1958 года по одноименной драме Халида Ошаева в постановке Миная Минаева и Лидии Горькой. Для восстановления театра республика пригласила именно их, бывших руководителей Чечено-Ингушской актерской студии ГИТИСа. Рекламные тумбы города запестрели афишами со знакомыми именами чеченских драматургов: Саид Бадуев, Халид Ошаев, Нурдин Музаев. Рядом появились классики: поставили «Женитьбу» Гоголя, одноактные комедии Чехова и Мериме, Батукаев восстановил «Бэлу» Лермонтова и популярную в прошлом пьесу-сказку «Храбрый Кикила». Этот спектакль, как в старые времена, собирал аншлаги. В главной роли вновь вышел блистательный Мовжди Бадуев, народный артист ЧИАССР. Расстрел братьев Саида и Шарпуддина в период культа личности Сталина, а затем и депортация сильно подорвали его здоровье: он потерял слух. Однако не покинул сцену и продолжал играть вопреки своему недугу, запоминая всю пьесу наизусть и читая реплики по губам коллег и по-прежнему восхищая зрителя актерским мастерством.

Творческий состав театра поредел, да и не отвечал новым требованиям. Нужны были свежие силы, новые имена. Чтобы восполнить этот пробел, в Ленинградский театральный институт имени Островского (теперь он называется Академией театрального искусства) в 1957 году отправили 26 молодых людей, пожелавших посвятить себя сцене. Но 6 человек отсыпались в ходе учебы, Солцаев ушел в режиссуру. Так что, дипломы актеров получили: Анасов Рукман, Давлетмирзаев Мутелип, Дакиев Магомед, Дудаев Муса, Зангаев Умар, Идаев Юсуп, Исаева Тамара и Исаева Раиса, Исрапилова Роза, Котиев Суламбек, Мамилов Суламбек, Минкаилова Зоя, Паскаева Раиса, Садаев Хамид, Саиева Таибат, Умхаев Имран, Хаджиева Нелли, Хакишев Руслан, Цицкиев Магомед.

До выселения чеченские дети учили в школах родной язык. Но после депортации они учились в русских и даже в казахских или киргизских школах. Молодежь, пошедшая в школу после войны, свой язык знала только на бытовом уровне. Для национального театра это серьезная проблема. Поэтому в 1960 году в Ленинград преподавать студентам Чечено-Ингушской студии родной язык отправили писателя Абдул-Хамида Хамидова. Этот факт сильно поднял авторитет студии в глазах руководства и профессорско-преподавательского состава института. Факт означал, что республика серьезно заботится о своих будущих актерах. Сам Хамидов с утра и до сна постоянно был со студентами, на общественных началах «преподавал» историю чеченского театра. Актер и писатель, Хамидов и рассказчиком был блестящим. Он был одним из тех студентов чеченской студии, которая в 1938 году училась в ГИТИСе и которая из-за войны вынуждена была прервать учебу. Экстерном сдав экзамены, Хамидов получил в Ленинградском театральном институте диплом о высшем образовании.

В 1962 году, по окончании института, Чечено-Ингушская актерская студия возвратилась домой. Это был серьезный коллектив, он привез три дипломных спектакля «Ромео и Джульетта» по трагедии Шекспира, «Два цвета» по драме Знак и Кузнецова и «День рождения Терезы» Мдивани. Ромео играл романтический актер Юсуп Идаев, в роли Джульетты выступила талантливая Нелли Хаджиева. Спектакли приняли тепло, прошли они с большим успехом и вошли в репертуар театра. В коллектив пришло достойное пополнение – образованное и талантливое, оно составило творческий костяк национального театра.

Но и эта студия понесла потери: Дакиев остался в Ленинграде. Так что, в Грозный вернулось только 18 актеров. Из них пятеро – Анасов, Садаев, Котиев, Саиева и Умхаев вскоре ушли из театра, полукровка Исрапилова, так и не выучившая чеченский язык, перешла в русский театр. А Хакишев в 1963 году поступил на режиссерский факультет того же института, который окончил в 1968 году и с тех пор работает режиссером Чеченского театра. Мамилов окончил режиссерские курсы ВГИКа и ушел в кинематограф, где снял несколько приличных картин. Тамара Исаева сначала уехала в Томск, потом от Чечено-Ингушетии училась на курсах режиссеров театров кукол у Сергея Образцова и, в конце концов, ушла в чеченскую труппу кукольного театра. В театре осталось всего 10 актеров.

Чтобы пополнить труппу театра молодыми силами, в 1960 году в Грозном организовали актерскую студию, которая давала среднее специальное образование. Ее руководителем был главный режиссер Чеченского театра Минай Минаев, а мастерами – Лидия Горькая, Арсений Ридаль и другие специалисты театра. Через три года Чеченский театр получил еще одно пополнение, и среди него двух талантливых молодых актеров – Зулейхан Багалову и Дагуна Омаева.

В 1961 году театр принял к постановке инсценировку поэмы известного дагестанского поэта Расула Гамзатова «Горянка». Поставить спектакль взялся главный режиссер

1939 год. Первые заслуженные артисты Чечено-Ингушской АССР. Слева направо: актер Осман Горчханов, режиссер Гарун Батукаев, актеры Исмаил Ибрагимов, Камал Ильясов, режиссер Владимир Вайнштейн, актеры Яраги Зубайраев, Мовжеди Бадуев.

театра Минай Германович Минаев вместе с режиссером Лидией Горькой. Была одна трудность – не было актрисы на роль главной героини. Искали по всей республике, как это делают кинематографисты. А нашли, как обычно бывает, совсем рядом, в трех автобусных остановках от театра, в Грозненском педагогическом училище. Это была совсем юная участница художественной самодеятельности, жгучая брюнетка Зулейхан Багалова. Но пятнадцатилетняя девочка не могла принять предложение без разрешения родителей. Долго пришлось их уговаривать, пока, наконец, не уговорили отпустить девочку на сцену. Багалову из училища сразу же перевели в актерскую студию при театре. Так, в роли своей ровесницы в спектакле «Горянка» впервые вышла на сцену способная актриса, чтобы навсегда остаться в театре. Постановка имела шумный успех на всем Северном Кавказе, смотреть спектакль приезжал автор поэмы. В 1962 году спектакль был показан на сцене Кремлевского театра и получил диплом первой степени Оргкомитета смотря театров.

Профессиональный Чеченский драматический театр создавали, бережно растили, а после восстановления республики воссоздавали талантливые режиссеры. Назовем всех еще раз поименно: Владимир Шатов, Александр Туганов, Евгений Свободин, Александр Сумароков, Мамед Алили, Арчил Чхартишвили, Владимир Вайнштейн, Гарун Батукаев, Павел Харлип, Алексей Белолипецкий, Арсений Ридаль, Минай Минаев, Лидия Горькая. Вместе с театром родились и выросли такие драматурги, как: Саид Бадуев, Халид Ошаев, Абдулла Хамидов, Идрис Базоркин, Билал Саидов, Нурдин Музаев, Магомед Мусаев, Саид Чахкиев, Мималт Солцаев. За ними потянулась молодежь: Хамзат Нунуев, Муса Ахмадов, Саид Гацаев, Леча Яхьяев.

Следует отметить, что до прихода в театр Мималта Солцаева и Руслана Хакишева на сцене Чеченского театра преобладал репертуар бытового характера, слишком приземленные спектакли, да еще и не отличавшиеся разнообразием выразительных средств. Возможно, главная причина была в том, что труппе не хватало уровня образованности, она еще не имела культурных традиций, не обладала достаточным исполнительским мастерством, какими обладали мастера русской сцены. Она вся состояла из артистов-самоучек. Художественное руководство, зная труппу, не торопилось выводить театр из этого болота, не верило в творческие возможности коллектива. Средняя труппа, средняя режиссура. Иной самодеятельный народный

театр мог соперничать с Чеченским профессиональным театром. Только молодые творческие силы сдвинули театр с этой мертвой точки – актерский выпуск Ленинградского института, два режиссера из того же учебного заведения. В 1963 году завершил учебу и Мималт Солцаев, который прошел великолепную школу всемирно известного режиссера, профессора Георгия Александровича Товстоногова. Его первым спектаклем в 1963 году был «Разбуженная совесть» по пьесе Валерия Шаврина. За ним последовали «Скованные цепью» Дугласа и Смита. Вообще-то это киносценарий, приспособленный к театральной сцене. Многочисленность эпизодов и отсутствие круга на сцене заставили авторов спектакля отказаться от реалистичных декораций, сделать их предельно условными и играть его на фоне одного черного задника. Солцаев поставил спектакль со своими однокашниками, с прошлогодними выпускниками Ленинградского театрального института. Хотя условность оформления для чеченского зрителя была не очень привычна, спектакль имел большой успех, особенно среди молодежи.

Солцаев – режиссер романτικο-трагического репертуара, он предпочитает создавать крупные сценические полотна. В этом смысле большие возможности давала зарубежная классическая драматургия – произведения Лопе де Вега, Корнеля, Шекспира. Он ставит «Собаку на сене», «Сида», «Кориолана», «Ричарда III». Так появилась трагедия Корнеля «Сид» с Юсупом Идаевым в роли Родригеса и Нелли Хаджиевой в роли Химены. В спектакле раскрылся талант актера Ахьяда Гайтукаева, которого режиссер неожиданно для всех поставил дублером Идаева.

О Солцаеве заговорили сразу, как только он поставил «Скованные цепью» Дугласа и Смита. Спектакль посмотрели театралы соседних республик и областей, но после спектакля «Сид» о нем заговорили не только на Кавказе, но и в России, и во всем Советском Союзе. Именно этот спектакль поставил имя Солцаева в один ряд десяти лучших режиссеров страны. В то же время проявился талант Солцаева-драматурга. В 1968 году он написал драму «Бешто» по мотивам одноименной повести Саида Бадиева. И не случайно, главные роли поручили Магомеду Цицкиеву и Нелли Хаджиевой, Дагуну Омаеву и Зулейхан Багаловой. Здесь разработана вечная тема любви, сталкивающейся с непреодолимыми препятствиями общественных предрассудков, с алчностью в самой уродливой форме. Режиссер и актерский коллектив создали романтический спектакль о высокой любви. Хотя история кончилась трагически, постановка прозвучала гимном этому чувству, верности ему.

В 1968 году в театр пришел еще один режиссер – Руслан Хакишев. Выбрав для своего дипломного спектакля трагедию испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба», он очень тщательно и даже скрупулезно работал над ней. Руслан много раз ездил в Москву советоваться со специалистами по творчеству Лорки, заказал музыку к трагедии. Но и результат был соответствующий – спектакль «Кровавая свадьба» произвел потрясающее впечатление на зрителей своей художественной силой и эмоциональной насыщенностью. Он долго был культовым спектаклем в репертуаре Чечено-Ингушского театра. Роль Леонардо играли Мутелип Давлетмирзаев и Дагун Омаев, а Невесты – Нелли Хаджиева. Оформил спектакль художник Туладзе под руководством постановщика, декорации были очень скупыми.

Тема трагической любви пьесы была близка и понятна каждому чеченцу. В ней завязывается неразрешимый конфликт между чувством и долгом. Ставка в этой борьбе – сама жизнь, и герои, не задумываясь, платят собственными жизнями: гибнут Жених и Леонардо. Один, защищая поруганную честь, другой – за любовь. Но зритель не судит оставшуюся в живых Невесту, хотя кровь пролилась из-за нее, ее преданности любви вопреки долгу. Зритель понимает, что Невестой руководило настоящее чувство, она пошла за любовью. Потому прощает ее.

Основой репертуарной политики Чеченского драматического театра становится интернациональный принцип ее формирования. Театр вовсе не замыкался в узкие национальные рамки, активно пропагандировал русскую, советскую и зарубежную классику, современную прогрессивную драматургию, произведения братских народов. Разумеется, эти произведения должны были быть близкими по духу чеченскому народу.

1967-1972 годы были периодом наибольшего творческого подъема Чеченского театра. Содружество двух разноплановых режиссеров, выпускников одного и того же института, оказалось весьма плодотворным. Мималт Солцаев, главный режиссер театра, ставил свои спектакли крупными мазками, его меньше интересовали детали. Одновременно жесткий и требовательный, в том числе и к себе, Солцаев был талантливым организатором театра, умевшим консолидировать коллектив, повести его вперед. Педантичный Руслан Хакишев любил и умел работать над деталями, но

по мягкой натуре не умел дисциплинировать труппу. Мималту Солцаеву практически не давались комедии, он их и не ставил, за исключением одного опыта с комедией «Бож-Али», который, по существу, провалился. Руслан хорошо чувствовал себя и в этом жанре. Одним словом, они прекрасно дополняли друг друга.

При советской власти родилась хорошая традиция: театры периодически показывали свои спектакли взыскательному столичному зрителю. Это был своеобразный творческий отчет. Чеченский театр всегда получал высокие оценки общественности, театральной критики и власти. Представляя свои сценические произведения Москве, театры как бы сверяли собственные художественные критерии с эталоном. Кроме того, эти отчеты не давали застояться труппе, время от времени встряхивали ее. Так получилось, что Чеченский театр оказывался в Москве в свою годовщину. Он был там в 1961 году. Следующая поездка состоялась через десять лет, в 1971-м. Это была большая гастроль, приуроченная к 40-летию театра. Театру предоставили помещение Малого театра Союза ССР. Он повез шесть спектаклей. А в 1981 году география расширилась, театр показал свои спектакли и в Ленинграде, где их посмотрели преподаватели театрального института, выпускники которого составляли творческий костяк театра.

После таких напряженных и насыщенных творческими встречами поездок и высокой оценки Москвы иногда театр опасно расслаблялся. Это случилось и с Чеченским театром. Обласканные Москвой директор театра Л. Хациев и главный режиссер М. Солцаев решили, что успех театра – исключительно их личная заслуга, что это они достигли вершины славы и могут почивать на достигнутых лаврах всю оставшуюся жизнь, недоступные никакой критике. Это высокомерие немедленно сказалось в отношении с труппой. Режиссер Лом-Али Хациев был уже директором театра. Ему был свойственен элемент самолюбования, но я не понимал Мималта Солцаева. Обстановка внутри театра накалилась, пошли трещины во взаимоотношениях руководства и актеров, которые немедленно отразились на творческом процессе. Наступил кризис и не только творческий. Я воспользовался приглашением главного редактора республиканской газеты «Ленинский путь» Бисултана Габисова и ушел из театра.

А когда Солцаева перевели главным режиссером в русский театр имени Лермонтова, чтобы вывести его из еще большего творческого кризиса (а он, действительно, заостенел и нуждался в прорыве), главным режиссером в Чеченском театре стал Руслан Хакишев. Со сменой художественного руководства кризис как бы должен был пройти. Однако этого не случилось, наоборот, черная полоса начала медленно расширяться и углубляться, дела театра катились под гору. Театр стал терять любовь и уважение зрителя, театральной общественности, которые обрел с таким трудом. Дело было в новом руководителе. Заняв место Солцаева, Хакишев не стал главным режиссером – организатором творческого и производственного процесса в театре. Он совершенно запустил эту работу, забросил основную труппу театра, которая получила образование в том же институте, что и Руслан, накопила сценический опыт и приобрела большой творческий багаж, разбиралась в творческих вопросах и вопросах репертуарной политики, все понимала не меньше нового главного режиссера и могла говорить с ним на равных. То ли Руслан не смог заинтересовать коллектив интересным творческим планом, предложить ему интересную перспективу дальнейшей работы, то ли у него самого наступил творческий кризис и он был морально парализован, то ли не справился с новой должностью, которая требовала от него не только художественных талантов, но и организаторских способностей. Словом, основная труппа ходила в театр два раза в месяц за зарплатой.

Хакишев практически с улицы набрал молодежь, которая смотрела ему в рот, восхищалась им, он занимался только ею, поскольку работать с ней было куда проще, чем с опытными товарищами. Все это неизбежно вело к деградации, в театре создалась нездоровая обстановка. Возникла конфронтация между ним и основной труппой. Руслан попытался воссоздать свой спектакль «Песни вайнахов», но с другими исполнителями, и он вылился в бледную тень первой постановки, которую любил зритель. Автором литературной основы «Песен вайнахов» был сам Хакишев. Точнее, он скомпоновал интересный сценарий из произведений чеченского фольклора – взял сюжеты народных героических песен чеченцев, бытовые русские и чеченские песни дореволюционного периода, так удачно встроившиеся в канву произведения и придавшие весьма эмоциональный заряд спектаклю. А актеры с отличными вокальными данными – Светлана Айдамирова, Зарема Эсенбаева, Елизавета Энгиноева – вдохнули жизнь в композицию, создали очень трогательное сценическое произведение. Тот спектакль по праву явился и первым мюзиклом на чеченской сцене. Новая постановка не была не только лучше прежней, наоборот, она сильно замазала яркое впечатление от старого спектакля.

Преподаватель родного языка Абдулла Хамидов со студентами Чечено-Ингушской актерской студии Ленинградского театрального института им. А.Н. Островского. Слева направо – сидят: Юсуп Идаев, Суламбек Котиев. В переднем ряду стоят: Зоя Минкаилова, Абдулла Хамидов, Раиса Исаева, Роза Исраилова, Таибат Саиева, Умар Зангаев, Муса Дудаев. Задний ряд: Хамид Садаев, Нелли Хаджиева, Рукман Анасов, руководитель студии Мария Лепковская, неизвестное лицо, Руслан Хакишев, Магомед Цицкиев, Мутелип Давлетмирзаев, Мималт Солцаев.

Потом были другие постановки, например, «Черная коса» по пьесе Л. Яхьяева. Однако они не спасли положение. Дела в театре пошли настолько плохо, что труппа взбунтовалась, заявила протест против такого застойного состояния, потребовала принять жесткие меры для оздоровления обстановки в коллективе, спасти его от окончательного развала. Тогда, в 1980 году, были приняты радикальные меры – вернули в театр главным режиссером Мималта Солцаева, который уже два года ходил без работы, потому что «старички» все-таки выжили его из русского театра.

С возвращением Солцаева Чеченский театр начал медленно оживать. Но, по понятной причине, Хакишев был категорически против его возвращения, и перестановку произвели против его воли. Ущемленное самолюбие – готовый конфликт. Чтобы сгладить его и в надежде на восстановление прежней дружбы и сотрудничества между двумя режиссерами, Руслану сохранили оклад главного режиссера. Однако эта надежда не оправдалась. Их скрытая вражда, естественно, не могла не отражаться на творчестве театра.

Театр и республика постоянно заботились о пополнении актерских кадров Чеченского театра. Одна за другой в театральных вузах страны создаются национальные студии. Так, в 1968 году учиться в ГИТИС отправилась еще одна чеченская актерская студия, и через 5 лет республика получила новое актерское пополнение. Назову их по памяти: Азаев, Азаева, Айдамирова, Аюбов, Берсанукаева, Джамалдаев, Джамаев, Докаев, Дудаев, Зубайраев, Капланов, Котиков, Мальсагов, Мамацуев, Радуева, Эдельмежидов, Яхьяев. Среди них, как среди предыдущих студий, были ингуши, но опять единицы.

Молодые актеры сразу берутся за сложные классические произведения. Их дипломный спектакль называется «Отелло». Заглавную роль сыграл Хамид Азаев, Дездемоны – Зура Радуева, а Яго – Амран Джамаев. А чтобы показать, что им подвластны и другие жанры, студийцы привезли мюзикл «Человек из Ламанчи».

В 1973 г. в Ленинград отправили ингушскую актерскую студию. В ее составе учились и чеченцы: Бай-Али Вахидов, Роза Шамурзаева, Хож-Баудин Исраилов. Выпускники этой студии станут основоположниками первого профессионального ингушского театра. Их дипломный спектакль тоже с амбицией – «Коварство и любовь» Шиллера.

Затем в 1976 году в Воронеж едет еще 15 человек учиться театральному делу. Кончают институт 13: Акиева Сацита, Арчаков Иса, Гапураева Разет, Гузиев Хусейн, Давдиева Фатима, Давлетмирзаев Асланбек, Закаев Ахмед, Китаев Алик, Кодзоева Дугурхан, Марисултанов Али, Тазбаев Саид-Хусейн, Шамилева Роза и Элембаева Луиза. В 1980 году они вернулись в Грозный. И дипломы им вручали дома. Государственной экзаменационной комиссии были представлены дипломные спектакли: «Присвоить звание мужчины» Евгения Чебалина, «Безумный день или женитьба Фигаро» Пьера Бомарше, «Белые флаги» Нодара Думбадзе, серия театральных работ – отрывков из произведений разных авторов и еще концертная программа.

Потом удалось открыть актерское отделение при Чеченском университете, откуда театр мог пополнять свою труппу.

***

Конец XX столетия ознаменовался грандиозным политическим событием мирового масштаба – крушением казавшегося несокрушимым монолитом Советского Союза. В период великих потрясений в стране на долгие годы воцаряются смута и хаос. Пришли они и в Россию. С начала 90-х годов прошлого века для российской культуры и искусства наступили тяжелые времена. Отдельные учреждения по инерции держались, используя прежний багаж. Но после развала СССР все покатило под откос, и с тех пор в стране правит бал духовная нищета. На сцене, на телеэкране, в кино царствуют ремесленные поделки самого низкого пошиба. Как ненужный и даже вредный хлам, отброшены некогда присущие русскому искусству высокие критерии оценки художественных произведений, что привело к их деградации.

Одним из первых тяжелейший удар получил и Чеченский театр. Его выбросили из общественной жизни. И с того самого 1991 года вот уже 20 лет он находится в глубокой коме. К своему 80-летию театр пришел с плачевным результатом: он растерял все, что было наработано тяжелым трудом за 60 лет – свое лицо, творческий потенциал, художественный авторитет, драматургию, наконец, своего зрителя. Это настоящее банкротство. И виновата в этом не война, это рукотворный результат.

Самое главное – сейчас в театре нет человека, способного реанимировать его, вдохнуть в него жизнь, вывести из этого состояния. Нужен человек не только с художественным, но и с организаторским талантом, способный очистить затхлую, нездоровую атмосферу в театре, объединить коллектив и возглавить настоящую творческую работу.

Мы преклоняемся перед подвигом и чтим память Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова, отдавшего жизнь за свободу и независимость Отечества. В 1942 году, когда Ханпаша погиб, важно было увековечить его имя. Но прошло время, этот акт выполнил свою идеологическую и политическую задачу, и мне кажется, что имя доблестного воина более подходило бы боевому кораблю, воинскому подразделению, школе или молодежной организации. Театр должен носить имя драматурга Саида Бадиева, внесшего огромный вклад в чеченское театральное искусство.

Но это должно произойти только после того, когда театр выздоровеет и обновится.

Муслим Гапуев

Актер благородного образа

Очерк

Жизнь актеров – магнит для окружающих. Об актерах пишут книги, снимают фильмы, печатают красочные буклеты с их изображением.

Кому из нас в детстве не хотелось походить на главного героя своего любимого фильма?

Сравнивая себя с киногероями, многие зачастую с удовлетворением отмечают, что могли бы поступить (а порой и поступали) так же благородно и мужественно.

Именно такое амплуа – мужественного и благородного героя – было на протяжении всей его творческой карьеры у заслуженного артиста России Дагуна Ибрагимовича Омаева.

Имя Дагуна Омаева в Чеченской Республике пользуется большим уважением. Человек, проживший большую и яркую жизнь в искусстве, имеющий высокие моральные и нравственные принципы, которые не размыло даже смутное время последних лет, включая и войны.

В свои 70 лет Дагун Омаев востребован так же, как и двадцать, тридцать и сорок лет назад. Главные роли в спектаклях, съемки в художественных фильмах (в том числе и за рубежом), наконец, общественная деятельность делают его жизнь весьма насыщенной. Только во время отпуска находится немного времени на полноценное общение с семьей, родственниками и друзьями. И в такой благоприятный для беседы период Дагун Ибрагимович любезно пригласил меня посетить его родовой дом, расположенный в удивительно красивом чеченском селе Сержень-Юрт.

...Большой яблоневый сад Дагуна Омаева, плавно переходящий в гору, иначе как райским не назовешь. Здесь Дагун черпает жизненную энергию – ведь без мощной энергетической подпитки ему, отдающему всего себя сцене, было бы очень тяжело.

Через этот сад проходит связь поколений Омаевых. Еще далекие предки Дагуна возделывали эту землю. А яблоневый сад начал свою историю сто лет назад, когда дядя Дагуна Элмарз посадил саженцы апорта.

Именно с этой земли вывезли во время выселения чеченского народа семью Омаевых. Младшему из детей, Дагуну, тогда не было и двух лет. Домой Омаевы вернулись после реабилитации в 1957 году. К сожалению, вернулись далеко не все. Судьба Ибрагима Омаева, отца Дагуна, очень трагична, но в то же время характерна для чеченцев в тот период: при депортации на одной из станций людей вывели из теплушек на пять минут подышать свежим воздухом, что конвоиры практиковали крайне редко. И надо же такому свершиться: из рукава сестры Дагуна выпал кинжал, который она тайком везла с собой на случай самозащиты. Произошло это прямо перед носом у охранника, который, толком не вникая в суть дела, увел под дулом автомата Ибрагима – тот, спасая дочь, признал кинжал своим. Больше его никто никогда не видел. Через всю свою жизнь пронес Дагун шемящую боль и отчаяние за судьбу своего отца. Ибрагим был человеком набожным и в высшей степени порядочным. «Долгие годы при виде седобородого старца у меня перед глазами появлялся образ отца и подступал комок к горлу», – признается Дагун.

Не вернулась домой и вся семья Элмарза Омаева: он сам, жена, их четверо сыновей и три дочери умерли в Восточном Казахстане от голода.

На мать Дагуна, Алапат, выпала вся тяжесть по воспитанию шестерых детей – трех сыновей и трех дочерей. Младших, как правило, любят в семье более остальных и, возможно, в случае с Дагуном так оно и было. Но внешне это заметно не было – воспитывала Алапат всех детей, без исключения, в строгости. Возможно, такое суровое воспитание и сформировало у Дагуна сильный характер, без которого невозможно добиться успеха на избранном поприще.

А поприще изначально было выбрано совсем не актерское.

После окончания школы Дагун поступил в Назрановский сельскохозяйственный техникум, хотя в детстве мечтал стать сельским учителем. Об актерском ремесле не было никаких помыслов. Но, как говорится, от судьбы не уйдешь. Во время каникул Дагун пошел поддержать друзей, поступающих в студию при Чечено-Ингушском драматическом театре. Руководил студией знаменитый драматург Абдул-Хамид

Фото из кинофильма “Буйный Терек”.

Хамидов. Он оценил остроумные реплики, подаваемые с места в поддержку друзей Дагуном, и предложил тому самому попробовать свои силы в актерской профессии. Вызов был принят, и с 1961-го по 1963-й год Дагун Омаев одновременно играл и учился актерскому мастерству в студии при театре.

Правда, долгое время этот факт пришлось скрывать от родственников, считавших, что в селе самая нужная профессия – ветеринар.

Надо сказать, что первые драматические кружки возникли в Чечне в 1920-е годы прошлого века. Их развитию способствовало создание в то время чеченской письменности. Предтечей Чеченского государственного драматического театра стала театральная студия, открытая в 1931 году. Первоначально в ней было 45 человек, в том числе, впервые в истории чеченского театра, и женщины.

Два года будущие первые чеченские профессиональные актеры обучались по специальной программе. 15 июня 1933 года студия показала дипломный спектакль «Красная крепость» по пьесе Саида Бадиева, посвященный событиям Гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Именно этот день считается днем рождения Чеченского государственного драматического театра.

В 1944 году театр прекратил существование, в связи с депортацией чеченцев и ингушей в Среднюю Азию. В те трагические дни театр был выслан вместе со своим народом. Некоторые артисты погибли в выселении.

Свое второе рождение Чеченский государственный драматический театр начал в 1958 году спектаклями «Асланбек Шерипов» Х. Ошаева, «Волны Терека» М. Мусаева, «Девушка с гор», «Совдат и Дауд» А. Хамидова.

И в этот театр, с такой богатой историей пришел, окончив учебу в театре-студии и пройдя трехлетнюю службу в армии, Дагун Омаев, чтобы на всю жизнь связать себя с ним творческими узами.

С первых шагов на актерском поприще Дагун обратил на себя внимание своей выразительной внешностью, фактурой и пластикой. Практически все образы, создаваемые им, были магнетически притягательны своей силой, энергетикой, жизненной правдой. За внешним хладнокровием чувствовался внутренний темперамент, невидимая для глаза работа мысли и духа.

Первый успех к нему пришел после роли Павки Корчагина в спектакле Бориса Равенских и Михаила Анчарова «Драматическая песня». За эту роль Дагуну Омаеву было присвоено звание «Лауреат премии Ленинского комсомола». Отмечена была и его роль моряка-анархиста Алексея в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского.

В 70-е годы чечено-ингушский драматический театр не без оснований считался авторитетными театральными критиками одним из лучших в стране. В нем с успехом шли постановки М. Солцаева и Р. Хакишева. И во многих из них Дагун Омаев играл главные роли. Наиболее удачными для него в тот период можно считать роли Асланбека Шерипова в пьесе М. Солцаева по произведению Х. Ошаева «Трибунал революции», Ханпаши Нурадилова в спектакле «Бессмертные», Дауда в пьесе А. Хамидова «Совдат и Дауд», национальных героев Байсангура Беноевского, Бейбулата Таймиева и Адин Сурхо.

Не остались не замеченными и роли в спектаклях по произведениям Саида Бадиева: Бешто в пьесе «Бешто», Мусост в спектакле «Петимат». Тогда же и пришло к Дагуну осознание правильности выбранной им профессии.

Сегодня, спустя много лет, Дагун с благодарностью вспоминает своих педагогов – Павла Борисовича Харлита и Арсения Григорьевича Рыдаля, обучивших его азам актерского мастерства и прививших любовь к театру.

В 1968 году Дагуна впервые пригласили сняться в кино.

В 1967-м году на базе Североосетинского телевидения был образован кинокомплекс Северного Кавказа. Финансировало этот проект Центральное телевидение. Северокавказский кинокомплекс стал базовым для всех республик региона: Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, а затем и Ставропольского края. Ранние фильмы северокавказской студии создавались еще малоопытными сотрудниками, которым не хватало кинокамер, световых приборов, транспорта, монтажных столов. Из скромного бюджета были изысканы средства для стажировки работников в Москве и Ленинграде. И вскоре региональная киностудия стала привлекать к сотрудничеству театральные актеров и режиссеров из республик Северного Кавказа.

Ситуация, когда грузин снимал фильм про Осетию, а осетин про Чечню, была вполне обыденной. В те годы рождалось новое явление – кавказский кинематограф. К примеру, в первом фильме-дилогии о северокавказской милиции «По следам Карабаира», режиссера Рафаэля Гаспарянца были заняты артисты почти из всех республик Южного и Северного Кавказа. Среди прочих были задействованы и пятеро чеченских актеров: Дагун Омаев, Муса Дудаев, Альви Дениев, Ахьяд Гайтукаев и Лом-Али Хациев.

Примечательно, что в самых первых двух телефильмах северокавказской студии «Костры на башнях» (1968 г.) и «Жизнь, ставшая легендой» (1969 г.) в главной роли снимался Дагун Омаев. Роли Шахбулата и Хаджи-Мурата Дзарахохова, сыгранные им в этих фильмах, получились очень яркими, вследствие чего в дальнейшем он часто получал приглашение из Северной Осетии сняться в кинофильмах.

Благодаря фильму «Жизнь, ставшая легендой» Омаев познакомился с Василием Шукшиным. Фильмы северокавказской студии телевидения в то время проходили в Риге, а окончательный монтаж и озвучку делали на «Мосфильме». Поскольку Дагун всегда озвучивал свои роли сам, он тоже выехал в Москву. И как-то в коридорах «Мосфильма» его увидела ассистентка режиссера Василия Шукшина и пригласила на кинопробы. Надо сказать, что Шукшин тогда был, прежде всего, известен как актер, писатель и сценарист. Но и как режиссер успел себя зарекомендовать, сняв такие успешные кинокартины, как «Живет такой парень» и «Ваш сын и брат».

Третью свою картину «Странные люди» Шукшин как раз и сводил на «Мосфильме».

Василий Шукшин поделился с Дагуном Омаевым своей давней мечтой снять фильм о Степане Разине. Он уже четыре года внимательно изучал исторические труды, конспектировал источники, выбирал из антологий нужные себе народные песни, изучал обычаи середины и конца XVII века и даже совершил ознакомительную поездку по Волге, где когда-то плавал Разин. В 1965 году Шукшин написал киносценарий о восстании крестьян под предводительством Степана Разина, но его не одобрил Госкомкино СССР. В 1967 году Шукшин предпринимал еще одну попытку снять фильм о Разине. Тогда его литературный сценарий «Конец Разина» даже вроде утвердили, но съемки фильма «Точка кипения» по этому сценарию Госкомкино запретил, мотивировав это тем, что советским людям интереснее современные фильмы. Впоследствии Шукшин переработал сценарий в роман «Я пришел дать вам волю».

Но идею свою Шукшин не забросил. Позже он даже перешел с киностудии им. Горького на «Мосфильм» из-за обещания его руководства посодействовать в съемках исторической драмы.

Фильм о Степане Разине должен был стать четвертым в фильмографии Шукшина. И в этом костюмированном двухсерийном фильме талантливого режиссера видную роль мог сыграть чеченский актер. И роль эта была бы, возможно, судьбоносной.

...Шукшин даже не стал делать кинопробы. Он только накинул на Дагуна шикарную шубу, невесть откуда оказавшуюся в его кабинете, внимательно осмотрев того с ног до головы, произнес: «Ты, чеченец, по своей фактуре очень удачно вписываешься в образ персидского хана». А затем, помолчав, тихо добавил: «Если фильм утвердят – ты будешь сниматься, а если нет – то не обессудь». Шукшин как в воду глядел: то ли высоких чиновников от кино напугал бунтарский дух Степана Разина, то ли честность и прямота Шукшина вызывали опасения, но, как бы то ни было, съемки фильма запретили. Когда он понял, что его давнему замыслу не суждено осуществиться, Шукшин выплеснул все свои эмоции, всю боль своей мятущейся души в тяжелую драму «Калина красная», ставшую его пятым и последним фильмом.

Не забыл Дагун Омаев и слова, сказанные ему в доверительной беседе Василием Шукшиным: «Ты, чеченец, даже не представляешь глубину трагедии своего народа. Многие от вас утаено, многое вам неизвестно. Об этом нужно громко говорить. Если доживу до того времени, когда страна скинет с себя оковы – обязательно сниму фильм о чеченцах».

...Не дожил: в октябре 1974 года Шукшин умер. Было ему всего 45 лет.

Работа Дагуна Омаева в фильме «Костры в башнях» была отмечена Дипломом Союза кинематографистов СССР, а за исполнение роли героя Гражданской войны Хаджи-Мурата Дзарахохова, ему присвоили звание заслуженного артиста Северо-Осетинской АССР.

Телефильм «Жизнь, ставшая легендой» настолько понравился тогдашнему 1-му секретарю Северо-Осетинского обкома партии Билару Емазаевичу Кабалоеву, что он пригласил творческий коллектив в свою загородную резиденцию. Помимо артистов, в числе которых было и два чеченских актера, сыгравших в фильме: Дагун Омаев и Амран Джамбаев, на сабантуе было много высокопоставленных гостей, включая и 1-го секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС А.В. Власова.

Перед неофициальной частью мероприятия, а проще говоря, концертом и застольем, Кабалоев говорил много теплых слов съемочной группе за выпуск столь нужного для всего осетинского народа фильма. Высоко оценив работу актеров, он неформально обратился к Власову:

– Александр, знаешь ли ты, что в Чечено-Ингушетии есть очень талантливый артист?

– Да кто же Эсамбаева-то не знает? – отмахнулся тот.

– Да подожди ты, речь вовсе не о Махмуде Эсамбаеве. Я тебе об Омаеве говорю.

– Омаеве? – Власов, который был весьма далек от кинематографа, удивленно вскинул брови.

– Ты представь, мы в Осетии не смогли найти актера на роль нашего национального героя, а чеченец Омаев его блестяще сыграл.

И тут же Кабалоев предложил Дагуну перейти в Северо-Осетинский русский драматический театр, пообещав хорошие бытовые условия, в том числе и квартиру в центре Орджоникидзе. Но Дагун деликатно отказался от неожиданного предложения, сказав, что хочет дарить радость в первую очередь зрителям Чечено-Ингушетии.

«Что ж, это твой выбор, но от этого я тебя меньше уважать не стану, – сказал Кабалоев. – Но и без квартиры оставить не могу», – весело добавил он. Затем, обратившись к Власову, сказал: «Александр Васильевич, Омаеву надо выделить квартиру, иначе такие актеры в республике долго не задержатся».

То, что слово Билара Кабалоева имеет вес, Дагун понял через несколько дней, когда получил ордер на квартиру в центре Грозного.

Хоть он и не переехал работать в Северную Осетию, Дагун не терял связи с этой республикой, сыграв во многих теле- и кинофильмах осетинских героев. Так что, в Осетии его почитают ничуть не меньше, чем в Чечне.

В третьем своем фильме Дагун мог сыграть и героя чеченского народа. В 1970-ом году известный грузинский режиссер Николай Санишвили приступил к съемкам художественного фильма «Ханпаша Нурадилов», главную роль в котором должен был сыграть как раз Дагун Омаев. В этом фильме также были задействованы коллеги Дагуна по чечено-ингушскому драмтеатру: Зулай Багалова, Муталип Давлетмирзаев и Хава Хакишева. Фильм был запущен в производство; более того, успели отснять треть материала. Тем неожиданней было распоряжение сверху свернуть съемки. В таких случаях, как правило, никому ничего не объясняют. Актеры с досадой разъехались по домам. С 68-летним мэтром кинорежиссуры Николаем Санишвили поступили более корректно – взамен запрещенного проекта ему предложили съемки исторической драмы «Чермен» на Северо-Осетинской студии телевидения.

Дагун, отлично игравший роль Ханпаши на сцене театра (в 1967 году эта его работа

была отмечена Дипломом I степени Министерства культуры РСФСР), к сожалению, не смог через кино задокументировать созданный им образ.

Впрочем, «киношную» карьеру Дагуна назвать неудачной нельзя.

Нередко его приглашали сниматься в фильмах союзных киностудий, таких, как «Мосфильм», «Ленфильм», «Грузия-фильм», им. Горького, им. Довженко, Одесской киностудии.

Не было ни единого случая, чтобы он не прошел пробы. Позже его утверждали на роль и вовсе без кастинга – настолько утвердилась его репутация профессионала. Вопрос заключался лишь в том, есть ли у актера в плотном рабочем графике небольшое окно. О профессионализме Дагуна говорит хотя бы тот факт, что ему хватало пару дублей, чтобы на высоком уровне сыграть свой эпизод. К слову, трюки в фильмах он выполнял сам, без дублера.

Наиболее известные картины, в которых снялся актер: «В черных песках» (1972), «О тех, кого помню и люблю» (1973), «Главный день» (1974), «Два долгих гудка в тумане» (1980), «Требуются мужчины» (1983), «Тайное путешествие эмира» (1986), «Золотая голова мстителя» (1988), «Расстанемся, пока хорошие» (1991), «Хохаг» / «Горец» (1992 г.; Большой приз жюри Ашхабадского международного кинофестиваля '92), «Легенда горы Тбау» (1994); телефильмы: «Жизнь, ставшая легендой» (1969), «Обычный месяц» (1976), «Горская новелла» (1979 г. Приз жюри на 8-м Всесоюзном фестивале телевизионных фильмов в Баку), «По следам Карабаира» (1979), «Кольцо старого шейха» (1980), «Буйный Терек» (1981), «Тайна рукописного Корана» (1990).

Особо хочется выделить последнюю работу Дагуна Омаева в исторической драме «Жеруйык» («Земля обетованная») казахского режиссера Сламбека Тауекела, в которой он сыграл Магомеда – старейшину общины депортированных в Казахстан чеченцев. Эту свою роль Дагун считает наиболее значимой, ведь на него была возложена высокая ответственность – через своего героя показать драматические страницы истории чеченского народа, всю глубину его трагедии. И Дагун с этой задачей блестяще справился: памятуя о погибших в депортации близких родственников, он не сыграл, а прожил эту роль.

Но все же об одной несыгранной роли Дагун сожалеет. В 1968 году вышла повесть Магомета Мамакаева «Зелимхан» о трагической жизни Зелимхана Гушмазукаева, волей случая ставшего абреком. Именно по этой повести неоднократно планировали снять фильм, и главную роль в нем отводили Дагуну. Нет никаких сомнений в том, что Омаев, имевший много схожих черт характера со знаменитым абреком, смог бы тонко передать его сложный и порой противоречивый характер. Но во времена тоталитарного режима снимать фильмы о неординарных и сильных чеченцах было негласно запрещено, дабы не повышать национальное самосознание. Именно по этой причине не разрешили съемки фильма «Хаджи-Мурад» по повести Толстого, хотя многие режиссеры мечтали снять его.

Дагун Омаев считает себя в первую очередь театральным актером. «Театр для меня больше, чем дом, – признается он. – Я могу подзабыть имена своих племянников, но имена детей и внуков коллег-актеров знаю прекрасно». Впрочем, значительную роль кинематографа в своей жизни Дагун Омаев тоже отмечает: «Театр я очень люблю, но, будем честны, без ролей в кино меня знали бы гораздо меньше. Кино же плохо тем, что переделать работу никак нельзя. Спустя много лет, просматривая свои ранние работы, я понимаю, что сыграть надо было чуть по-другому. В театре совсем другая ситуация: спектакль – это как горная речка – прошел, и нет его. На другой день, с другим настроением, можно сыграть лучше».

В кино у персонажей Дагуна, зачастую, и слов-то немного, но яркий и выразительный образ, который он практически всегда удачно создает, без лишних слов передает те или иные эмоции. Режиссеры охотно предлагали Дагуну Омаеву различные роли в своих фильмах.

Когда сценарий казался ему интересным, Дагун Омаев снимался в ролях второго плана. Но, как сказал Оноре де Бальзак, «нет маленьких ролей, есть маленькие актеры». Любую, даже самую незначительную роль, Дагун возвышал и делал яркой и очень заметной. Помимо таланта, для этого необходима еще харизма, которая у него, несомненно, есть. Поэтому его герои словно магнитом притягивают к себе внимание зрителей – будь то абрек Кадыр из «Расстанемся, пока хорошие», большевик-подпольщик Алхас из кинофильма «В ночь на новолуние», белый офицер Измаил из т/ф «Буйный Терек» или святой Левинда из «Тайны рукописного Корана».

Чешский писатель Милан Кундера как-то сказал, что человек – это всего лишь то, что являет собой его образ. Во всех своих ролях Дагун играет человека мужественного, благородного, сильного и решительного.

Жизнь показала, что эти качества Дагуна не были наносными. В самый сложный и опасный период политической смуты, когда на обломках империи, канувшей в лету, создавались маленькие удельные княжества, Дагун не боялся смело озвучивать свою гражданскую позицию: «Нам исторически предопределено жить с Россией, а сепаратизм до добра не доведет». Эти слова популярного и уважаемого человека, конечно, не могли понравиться тогдашнему правящему режиму. Он даже попал в так называемый «черный список», составленный идеологами непризнанной республики Ичкерия – тех, кого власть хотела физически уничтожить.

Часто соседи, в основном представители других национальностей, приходили к Дагуну и жаловались на притеснение, а он шел и защищал их от непрошенных гостей. Всегда выходил один против вооруженной группы людей. Кто были эти люди, он не знал: то ли бандиты, то ли представители тогдашней власти, что зачастую было одно и то же. Кто-то отступал, узнавая Дагуна, кто-то сникал перед его твердым характером, но, в любом случае, он ни разу не спасовал перед лицом опасности. Неоднократно в тот период на Дагуна совершали покушения. Как-то в дом, в котором он проживал с семьей, выстрелили из подствольного гранатомета, в результате чего жена лишилась глаза, а сын стал инвалидом второй группы. От неминуемой гибели Дагуна спасла лишь случайность.

На следующий день на базаре какие-то сомнительные люди в камуфляже, не стесняясь и не скрываясь, громко говорили между собой: «Дагуна вчера убили вместе с семьей».

Так что, драматические ситуации в его жизни были похлеще, чем в кино.

Политические события в Чечне в начале 90-х годов отодвинули театр на задний план, а случившиеся вскоре войны разрушили его и физически. Артисты чеченского драмтеатра на себе ощутили верность максимы: «Когда говорят пушки, музы молчат».

Но уместно ли говорить о театре, когда гибли десятки тысяч людей? К сожалению, беда не обошла стороной и труппу грозненского драмтеатра. В частности, у народного артиста России Мусы Дудаева во время бомбежек погибло 18 родственников, Мималт Солцаев потерял жену, ветерана чеченской театральной сцены актера Харона Нудушева насквозь прошла пуля снайпера...

Доставалось и Дагуну Омаеву: во время обстрелов со стороны российских солдат он не раз получал контузии и мелкие ранения. Как-то, посчитав, что он погиб, его положили среди мертвых. Нетрудно представить, что испытал Дагун, очнувшись среди трупов.

Эти стрессовые ситуации в конечном итоге вылились для него в два инфаркта.

Война, конечно, для всех горе. Но для творческих людей – это горе вдвойне. Если задуматься, сколько хороших ролей в театре и в кино мог сыграть Дагун в тот период. Ведь он находился в отличной творческой и физической форме.

Между последним его довоенным фильмом «Легенда горы Тбау» и картиной Алексея Учителя «Пленный», снятой в 2008 году, прошло 14 лет. И все эти годы Дагун был вне поля киноиндустрии.

А с другой стороны, стоит ли отделять актеров от всего народа в целом. Уверен, что представитель любой профессии посетует на потерянные в связи с войной годы и связанный с ними многолетний простой в работе.

Войну в Чечне многие артисты театра пережили, возможно, даже труднее, чем другие жители республики. Во-первых, у них не было никаких денежных накоплений, чтобы попытаться куда-либо уехать, во-вторых, по своей психологии многие артисты очень хрупкие и чувствительные люди, а такие, как правило, намного болезненней пропускают через себя всю несправедливость жизни. К тому же многие грозненские артисты не имели связи с селом, соответственно, им некуда было уехать из обстреливаемого со всех видов орудий города. И в этой ситуации нахождение в их среде сильных людей, таких, как Дагун Омаев, укрепляло дух служителей Мельпомены.

В сентябре 1999 года, когда начались ракетные обстрелы, труппа театра покинула Чечню. Сначала артисты находились в Назрани, затем уехали в Нальчик. Им даже, благодаря сердобольным меценатам, удалось побывать на краткосрочных гастролях в Германии, где были поставлены спектакли из «золотого фонда» театра: «Кровавая свадьба» и «Земля отцов». Но каждый артист Чеченского драмтеатра тогда признался бы, что душой и мыслями он был на своей земле со своим народом. Многие они отдали бы за то, чтобы вновь иметь единение под названием Чеченский государственный драматический театр.

12 июня 2000 года Главой временной администрации Чеченской Республики был назначен Ахмат-хаджи Абдулхамидович Кадыров. Именно с этого времени начинается

период стабилизации в Чечне. То, что он является истинным патриотом своего народа, умным политиком и тонким стратегом, Ахмат-хаджи Кадыров показал с первых шагов своего правления. Как тут не вспомнить его слова, ставшие эпохальными: «Мы возродим Чеченскую Республику через образование, культуру и спорт». Очень скоро слова стали воплощаться в дела. В феврале 2001 года, по решению Правительства ЧР, Чеченский драматический театр им. Ханпаши Нурадилова был возрожден. До строительства очень красивого и уютного здания в центре Грозного актеры базировались в Анапе. Там же шла работа над восстановлением репертуара театра, и первым в списке стал неувядающий спектакль «Женитьба» по Н. Гоголю. В Анапе же артисты театра подготовились к своему 70-летнему юбилею, который был торжественно отмечен в Краснодаре 18 мая 2001 года. Группу поздравил в своей телеграмме и президент России Владимир Путин.

В октябре 2001 года во Владикавказе состоялся Фестиваль национальных театров Северного Кавказа, в котором принимал участие и Чеченский драматический театр. Именно он и стал лауреатом, получив за гоголевскую «Женитьбу» диплом лучшего спектакля фестиваля. Тем самым первый шаг к возрождению славных традиций чеченского театра был сделан.

Долгожданное возвращение Чеченского драмтеатра им.Х. Нурадилова в Грозный состоялось 16 июня 2002 года.

Ахмат-хаджи Кадыров, при том, что у него было немало забот государственной важности, проявлял живой интерес к жизни театра. А с Дагуном Омаевым у него сразу сложились доверительные отношения.

Как-то на одном совещании Министерства культуры ЧР ждали А.А. Кадырова. Глава администрации ЧР задерживался, а без него заседание не начинали. Неожиданно появившись в зале, он в секунду оценил обстановку. «Вы, – обратился он к большой группе чиновников, находившихся в президиуме, – ступайте в зал». А затем обратился к Омаеву, сидевшему в первом ряду: «А ты, Дагун, поднимайся в президиум – лучше тебя о наболевших делах культуры никто не скажет».

На юбилейном вечере в честь своего 65-летия Дагун сказал: «Меня всю жизнь переполняло чувство любви к своему народу и гордость за него! Если бы мне предложили полмира, я бы не променял на него свою республику и свой народ...» – в этих словах вся сущность Дагуна Омаева.

Его патриотизм даже влиял на творческий процесс.

В 1973-м году на съемках военной драмы «О тех, кого помню и люблю» по просьбе Дагуна режиссеры Наталья Троценко и Анатолий Вехотко «сделали» его в фильме чеченцем. Более того, даже имя настоящее сохранили за его киногероем.

В 1980-м году режиссер Эдуард Хачатуров пригласил Омаева на небольшую роль в фильме «Каждый третий» совместного производства киностудий «Узбекфильм» и «Белорусфильм». По сценарию, он должен был играть бойца партизанского отряда, грузина по национальности.

Перед началом съемок Дагун спросил у режиссера:

– Почему мой герой должен быть грузином?

– А почему тебя это собственно волнует? – удивился Хачатуров.

– Я к грузинам очень хорошо отношусь. Но их часто в фильмах показывают. Все знают, что они геройски воевали. А вот про чеченцев до сих пор всякие небывицы ходят. Вот я и хотел показать, что чеченцы тоже отважно сражались с врагом.

Хачатуров призадумался:

– Но грузина можно показать его именем и фамилией. А как ты объяснишь, что твой герой чеченец?

...И Дагун придумал:

– Чеченец? – простодушно спрашивает он узбека Рахима (актер Назим Туляходжаев).

– Нет.

– Жалко. Немного похож, – обезоруживающе улыбаясь, говорит Дагун.

Эта сцена вошла в окончательный вариант фильма. Мало было зрителей в зале, которые в этом эпизоде не улыбнулись бы – непосредственность всегда подкупает. В тяжелой военной драме разрядить обстановку, попутно создавая искренний и светлый образ чеченца, дорогого стоит.

...А к грузинам Дагун Омаев действительно хорошо относится. И не потому, что дружил со многими замечательными грузинскими актерами и режиссерами. Он не забыл то время, когда его семья после реабилитации вернулась домой из Казахстана и месяц провела в землянке, пока люди, живущие в их доме, не покинули его. После

депортации чеченцев в их жилища заселили людей различных национальностей. Не все они были согласны добровольно оставить дома по приезду прежних хозяев. Проще всего прибывшим на свою историческую родину чеченцам было договориться с представителями кавказских народов – все же менталитет во многом схожий.

Но даже среди кавказцев, как вспоминает Дагун, грузины выделялись великодушным и благородством: услышав, что чеченцы возвращаются, они еще задолго до их приезда покинули дома, оставив всю утварь, по мешку кукурузной муки и зачастую привязав к порогу барашка.

Оглядываясь с высоты лет на свою жизнь, Дагун добрыми словами вспоминает многих интересных людей, с которыми его сводила судьба.

В 1970-м году на киностудии «Грузия-фильм» ему довелось познакомиться с народным артистом СССР Серго Закариадзе. В том году Закариадзе снимался в совместном советско-итальянском фильме Сергея Бондарчука «Ватерлоо». Выдающийся актер современности, известный в первую очередь ролью Георгия Махарашвили в фильме Резо Чхеидзе «Отец солдата», поразил Дагуна своим отношением к профессии. Не было такой мелочи, в которую Закариадзе не вникал для вхождения в роль. Именно такой высокий профессиональный уровень стал критерием для Дагуна Омаева на всю оставшуюся жизнь. Через год Закариадзе не стало, но светлые чувства от общения с этим замечательным человеком Дагун сохранил до сих пор.

Не меньший след в душе Дагуна Омаева оставил и режиссер Юрий Чулюкин, автор классических советских комедий «Неподдающиеся», «Девчата» и др.. В 60-х годах он вместе с Владимиром Чеботаревым («Человек-амфибия», «Батальоны просят огня...») был призван поднять зарождающееся тогда северокавказское кино. В съемках первых фильмов северокавказской киностудии Чулюкин принимал непосредственное участие. И то, что на роль осетина Хаджи-Мурата Дзарахохова в фильме «Жизнь, ставшая легендой» выбрали чеченца Дагуна Омаева большая заслуга именно Чулюкина. Дагун же в свою очередь отблагодарил режиссера отличной игрой.

У Дагуна с Чулюкиным сложились хорошие взаимоотношения. Юрий Степанович даже планировал снять Омаева в одном из своих фильмов, но трагическая гибель режиссера в Мозамбике перечеркнула эти планы.

На всю жизнь запомнилась Дагуну и встреча с Владимиром Высоцким. В октябре 1978 года популярный бард, поэт и актер неожиданно для многих приехал в Грозный. Программа выступлений была очень насыщенной: за четыре дня, с 3-го по 6-е октября, Высоцкий дал двенадцать концертов. Причем выступления проходили под открытым небом на Стадионе ручных игр, который являлся не самым удачным местом для исполнения авторских песен. Ажиотаж в Грозном был нешуточный. Желающих попасть на десятитысячный стадион было раз в десять больше, чем он мог вместить. Естественно, и нагрузки на исполнителя выпадали нешуточные. Но, несмотря на его крайнюю усталость, после последнего концерта усилиями режиссера Руслана Хакишева и актера ингушской труппы Руслана Наурбиева Высоцкого удалось пригласить в театр на встречу с небольшим кругом актеров, среди которых был и Дагун Омаев. В фойе накрыли столы с национальными блюдами. Высоцкий быстро вошел в контакт с актерами. Общие темы нашлись сразу: театр, поэзия, музыка. Однако, понимая, что от него ждут в первую очередь песни, но из деликатности не просят спеть, певец сам взял в руки гитару, настроил ее и негромко произнес: «Сейчас я вам исполню песню, которую написал совсем недавно и спел всего два раза. Единственно, я вас прошу не делать никаких записей... Эта песня о вас. Я знаю судьбу и историю вашего народа. У меня в Казахстане много друзей среди чеченцев и ингушей». После этих слов Высоцкий спел песню «Летела жизнь...». Дагун вспоминает, что был поражен пронзительным текстом и эмоциональностью, с которой она была исполнена.

...Бывал я там, где и другие были, –
 Все те, с кем резал пополам судьбу.
 Летела жизнь в плохом автомобиле
 И вылетела с выхлопом в трубу.
 Нас закаляли в климате морозном,
 Нет никому ни в чем отказа там.
 Так что, чечены, жившие при Грозном,
 Намылились с Кавказа в Казахстан...

...Когда дошло почти до самосуда,
 Я встал горой за горцев,
 чье-то горло теребя, –

Фото из кинофильма «Горская новелла».

Валерием Золотухиным, Натальей Фатеевой, Евгением Киндиновым, Александром Пороховщиковым, Виктором Проскуриным, Екатериной Васильевой, Мариной Левтовой... С некоторыми актерами отношения Дагуна выходили за рамки творческих. В частности, с народным артистом СССР Кириллом Лавровым его связывала давняя дружба. Дагун бывал у него дома, они вместе отдыхали на актерской даче под Ленинградом.

Народный артист СССР Михаил Ульянов тоже очень тепло относился к Дагуну Омаеву. Когда началась война, он проявил искреннее сопереживание чеченскому народу. Часто спрашивал Дагуна о положении дел в Чечне. Будучи председателем Союза театральных деятелей России, Ульянов инициировал написание известными актерами письма против войны в Чечне.

Со многими актерами, с кем судьба сводила его на съемочной площадке, Дагун до сих пор тесно общается. В частности, с заслуженным деятелем искусств России Русланом Фировым, ныне являющимся министром культуры Кабардино-Балкарии. Им есть о чем поговорить: о прошлом, о настоящем; о выдающихся актерах, с которыми им посчастливилось работать, но которых уже нет с нами: Балло Тхапсаеве, Али Тухужева, Николае Саламове, Коста Сланове, Махаре Туриеве, Коста Бирагове, Бибо Ватаеве, Маирбеке Икаеве, Барсби Мулаеве...

У Дагуна Омаева немало друзей. И не потому, что он известный человек. Надежность, отзывчивость, искренность, преданность – вот качества, притягивающие к нему людей. К тому же за короткое время общения он может «подзарядить» человека энергией добра и света. А к таким энергетическим донорам люди тянутся. Для актера очень важно безвозмездно отдавать тепло своей души.

Общается Дагун не только с людьми искусства. У него в друзьях и простые труженики, и высокие министры. Давняя страсть к рыбалке сроднила его с легендарным чеченским борцом Бекханом Тунгаевым.

В 1979 году на киностудии «Узбекфильм» он познакомился, а затем и сдружился с чемпионом мира по боксу, заслуженным мастером спорта СССР Руфатом Рискиевым. Тогда Руфат снимался в фильме «На ринг вызывается...», в котором, по сути, играл самого себя (Рискиев за свою роль получил Диплом ВКФ спортивных фильмов во Фрунзе-81). «Ташкентский тигр», как прозвали Рискиева, даже приезжал в Белоруссию поддержать Дагуна во время съемок фильма «Каждый третий». А Эдуард Хачатуров, из-за пиетета к известному спортсмену, задействовал его в одной из массовых сцен, впрочем, для зрителя малозаметной.

Жаль, что распад великой страны разделил границами многие человеческие отношения, сведя их на «нет».

У Дагуна Омаева много регалий и наград: он заслуженный артист РСФСР, народный артист Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Абхазии, заслуженный артист Северной Осетии, лауреат четырех театральных премий.

Награжден почетными дипломами Министерства культуры СССР, РСФСР, ЧИАССР, Союза театральных деятелей Российской Федерации и Чеченской Республики.

В 2002 году Дагун Омаев был награжден нагрудным знаком «За достижения в культуре».

Те и другие были не отсюда,
Но воевали, словно за себя.
А те, кто нас на подвиги подбили,
Давно лежат и корчатся в гробу, –
Их всех свезли туда в автомобиле,
А самый главный – вылетел в трубу.

После завершения песни возникла пятиминутная тишина. Актеры старшего поколения, пережившие все ужасы депортации, несдерживались. Высоцкий понял неуместность исполнения других песен и отложил гитару...

Надо сказать, что Дагуну всегда везло на замечательных и талантливых людей. Он снимался со многими известными советскими актерами: Иннокентием Смоктуновским, Кириллом Лавровым, Михаилом Глузским,

В 2004 году – медалью Петра Великого «За самоотверженный труд на благо России».

В 2007 году награжден орденом Республики Ингушетия «За заслуги».

Он дважды избирался депутатом Верховного Совета ЧИАССР, членом правления Союза кинематографистов РСФСР, председателем Союза театральных деятелей ЧИАССР, депутатом 1-й Общественной палаты ЧР.

В 2007 году Дагун Омаев стал лауреатом Государственной премии Дагестана за отлично сыгранную роль святого Левидия в фильме «Тайны рукописного Корана» (к слову, этот телефильм, снятый режиссером Рафаэлем Гаспарянцем по произведению народного писателя Дагестана Ахмедхана Абу-Бакара еще в 1990 году более 15-ти лет пролежал на полке).

В мае 2007 года Дагуну Омаеву было присвоено звание почетного гражданина Чеченской Республики.

В 2009 году он награжден высшей наградой Чеченской Республики – орденом Кадырова.

Но самой большой наградой за свой многолетний труд он сам считает народную любовь, которая проявляется на каждом шагу.

Роль театра в современном мире очень важна: пока он существует, в народе живет гражданственность, нравственность, совесть. Без театра, без его духовного влияния на людей общество легко может превратиться в оголтелую серую массу, которая ничего не осознает, никого не щадит, никому не сочувствует и не сострадает.

Дагун уверен, что те, кто любит театр, не могут совершать плохие поступки, потому что в них посереяно зерно милосердия, доброты и любви. Свою энергию они используют на благие дела.

Но, к сожалению, сегодня театр переживает не лучшие времена. Сегодня в нем, в отличие от прежних времен, аншлагов нет. Впрочем, Дагун надеется, что это явление временное. Ведь чеченцам, как людям артистичным, с хорошим чувством юмора, умеющим красиво петь и задорно танцевать, театр близок по своей ментальности.

К тому же чеченцы – очень доверчивый народ и образ актера воспринимают как реальный.

Прежде на спектаклях часто было единение между сценой и зрителем, которое выражалось громкими одобрительными возгласами и советами из зала или же, напротив, проклятиями в адрес отрицательного героя. Порой зрители даже высказывали на сцену, чтобы восстановить справедливость и наказать «негодяя», забывая при этом, что на сцене всего-навсего актеры.

Материальное положение актеров нынче тоже незавидное. Без сильной любви в театр сегодня не приходят и надолго в нем не задерживаются. Зарплата Дагуна немногим выше прожиточного минимума. А ведь живи он в развитой стране был бы обеспеченным человеком за съемки более чем в сорока фильмах, в том числе таких кассовых, как военная драма «О тех, кого помню и люблю», ставшем одним из лидеров проката 1974 года (его посмотрело 31.3 млн. зрителей), захватывающем истерне «В черных песках», остросюжетном детективе «Два долгих гудка в тумане»...

Только благодаря помощи чеченских меценатов, таких, как Алавди Мусаев, многим людям искусства удается решать свои проблемы. В частности, Дагуну он оплатил дорогостоящее стентирование сердца.

В 2012 году, в год своего 70-летия, Дагун отметит 51-й сезон работы в театре.

И все это время он преданно ему служит, сыграв на его сцене более ста ролей.

«Каждый раз, когда я прихожу в наш драматический театр и окунаюсь в его атмосферу, я радуюсь жизни. Как в юности, когда впервые пришел сюда» – делится Дагун.

Гордость Чеченского драматического театра – это профессиональная труппа актеров. Сплав опыта и молодости создают сегодня коллектив, способный, как и прежде, быть заметным явлением в театральной жизни страны.

Во многом успехи театра последних лет связаны с именем его художественного руководителя, лауреата Госпремии России, народного артиста России Руслана Хакишева, энтузиазму и творческому потенциалу которого могут позавидовать многие маститые театральные режиссеры страны.

А народный артист России Абдул-Муталип Давлетмирзаев, заслуженная артистка России Раиса Гичаева, народные артисты ЧР Зулейхан Багалова, Имран Джамаев, Хамид Азаев, Бай-Али Вахидов, Хамзат Кутаев, Зулай Айдамирова, Али Марисултанов, Успа Зубайраев и некоторые другие могли бы усилить самые известные театры страны.

И, как полвека назад, одной из самых ярких звезд театра является блистательный Дагун Омаев. И точку в его творческой жизни ставить еще рано. Поэтому ставлю многоточие...

Лидия Довлеткиреева

Храбрый Берс и красавица Жовхар

Сцена из спектакля

Премьера спектакля с таким названием состоялась 17 февраля. В репертуаре театра «Серло», который возглавляет заслуженный деятель искусств ЧР Хава Ахмадова, – комедии, трагикомедии, мюзикл... На этот раз молодежная труппа обратилась к жанру сказки по пьесе Хусейна Гузуева, отдавая дань памяти этому светлому человеку. Гузуев погиб в первый день войны в ноябре 1994 г. Писатель Муса Ахмадов вспоминает: «Мы часто ездили по селам, Хусейн вел дневник, куда заносил свои наблюдения. Его интересовало все: быт горцев, как они шутили, особенности их речи, произношения, одежды, взаимоотношений. Он фиксировал мельчайшие детали. Я даже подтрунивал над ним: «Ты собираешь материал к своим спектаклям так дотошно, как будто проживешь сто лет». Но я-то понимаю, что именно так и должен поступать настоящий профессионал. Он имел блестящее театральное образование: окончил актерское и режиссерское отделения ГИТИСа. С ним я как сценарист дебютировал в спектакле «После землетрясения». Благодаря его советам, смог впоследствии выразить себя в драматургии».

Спектакль «Храбрый Берс и красавица Жовхар» – это не только дебют театра в новом для себя жанре (весьма трудном, ведь маленького зрителя не проведешь и не удержишь на месте, если ему будет неинтересно, из вежливости егозы уж точно сидеть не станут), но и режиссерский дебют артиста Успы Зубайраева. Художественное оформление обеспечил известный художник-график Абу Пашаев.

Сюжет традиционный для сказки: схватка темных и светлых сил. На стороне зла – Черный Хожа и его «свита» в виде традиционных фольклорных персонажей. Апологеты добра – храбрый Берс и красавица Жовхар. Любая сказка носит поучительный характер: сказка – ложь, да в ней намек... В сердцах школьников, пришедших на премьеру, наверняка, будут посеяны зерна добра. Ведь главный герой готов погибнуть ради того, чтобы найти исцеление для своей матери. Пример храброго Берса учит почитать мать; быть верным данному слову, чтобы любимая девушка могла доверять в самых сложных ситуациях; быть смелым и не пасовать перед опасностями; благородно идти на защиту слабых.

Я наблюдала за реакцией зрителей. Ребята увлеченно следили за игрой артистов,

сопереживали, можно сказать, затаив дыхание, следили за развитием действия в особенно острых моментах, реагировали на шутки со сцены заразительным смехом.

Злодей Хожа (актер Сулейман Ахмадов) настолько вошел в роль, а его грим и костюм создали столь устрашающий вид, что самый, наверное, маленький зритель – щуплый блондин четырех лет – каждый раз вжимался в кресло при его появлении и закрывал глаза ладошками. Атмосферу страха чрезмерно нагнетали мощные звуковые и световые эффекты в сценах с нечистой силой. Бабушка мальчика то и дело успокаивала внучка, обещая, что добро в конце-то концов восторжествует, и вообще, дяди и тети только играют, все это как бы понарошку. Малыш, похоже, сомневался. Видимо, храбрый Берс (Апти Султуханов) был, на его взгляд, не столь колоритен и убедителен. Однако в решающей битве Берса с Хожей белокурый трусишка подскочил со своего кресла и звонким тонким голосом изо всех сил закричал: «Давай! Давай!» Когда же наконец Берс с помощью волшебного меча поверг рогатого чернородого йилбаза Хожу, весь зрительный зал дружно и радостно зааплодировал, а мой сосед – четырехлетний театрал – восторженно хлопая в ладоши, закричал: «Браво! Браво!» Впрочем, каждое появление красавицы Жовхар (в этой роли – Фатима Мезиева) также сопровождалось восхищенными взглядами юного ценителя прекрасного.

После спектакля состоялось его обсуждение, в котором приняли участие педагоги ЧИПКРО, писатель Муса Ахмадов, поэт Абу Исмаилов, театральные критик, член экспертного совета Аза Газиева, известные артисты старшего поколения Хамид Азаев, Амран Джамаев, режиссер-постановщик спектакля, артист Успа Зубайраев. Все сошлись во мнении, что премьера состоялась. Актерский ансамбль удачно подобран и слаженно взаимодействует, музыкальное оформление, сценические костюмы абсолютно соответствуют замыслу. Однако были отмечены и некоторые недостатки, которые при последующих демонстрациях этой сказки легко устранить: например, желателен более яркий, фееричный финал; слова ведьм, даже произносимые скороговоркой, должны быть отчеканены, чтобы легко воспринимались слухом неподготовленных маленьких зрителей; перевод пьесы требует более тщательной редактуры, чтобы избавиться от диалектных вкраплений, неуместных в жанре волшебной сказки; сцена первого появления злых сил растянута, потому пугает; звуковое сопровождение не может быть одноуровневым, необходимо делать акценты, понижая и повышая тон... Эти и другие профессиональные советы, которые, искренне радуясь успехам молодежного театра, дали старшие коллеги, наверняка, помогут коллективу «Серло» усовершенствовать свое мастерство и еще не раз порадовать своими работами. Учителя же обратились к создателям спектакля с просьбой показать это произведение как можно большему количеству младших и средних школьников, так как эта сказка способна оказать позитивное воспитательное воздействие, она поможет детям открыть для себя такие вайнахские ценности, как: кьонахалла (мужество), дош лардар (верность данному слову), нана ларар (почитание матери), йоІана тешаме хилар (доверие девушки к юноше через его поступки).

Книжные новинки**Фрагменты истории в фольклоре и лексике чеченцев**

В Грозном (ООО «Издательский дом Парнас») вышла книга Зелимхана Мусаева «Фрагменты истории в фольклоре и лексике чеченцев». Настоящая книга довершает тему, начатую З. Мусаевым (историком по образованию) в публикации, в соавторстве с И. Хатуевым, «Фрагменты древней нахской истории, отраженные в фольклоре и лексике чеченцев» (журнал «Нана», №6, 2008) и, в новой редакции, «Nohchicho Journal», №2, 2010).

Автор предлагает читателю оригинальную версию этногенеза чеченского народа. По его словам, поднимаемые им в работе проблемы затрагивают продолжительный отрезок истории, поскольку потребность в этом назрела давно: «С одной стороны, фальсификация прошлого, и, с другой стороны, замалчивание исторической правды привело в итоге к тому, что у чеченцев сегодня две биографии, одна из которых – официальная, написанная по указке палачей, а вторая – настоящая, истинная». Авторский взгляд на исследуемую проблему не бесспорен, но в то же время не оставит читателя, интересующегося историей нашего края и народа, равнодушным.

Роза Берсанова

К нашим иллюстрациям**Расширяя границы**

Амина Зубайраева родилась 30 августа 1986 года. Учась в грозненской СОШ № 39, она одновременно занималась в Детской художественной школе №1, где ее первым преподавателем живописи стал Магомед Закриев. Обычное для детей увлечение изобразительным искусством, благодаря этому талантливому художнику-педагогу, обратилось в непреодолимое стремление к профессиональному мастерству.

В 2006 году Амина поступила в Северокавказский колледж культуры и искусства в Нальчике, который окончила в 2009 году. В том же году поступила в Северокавказский государственный институт культуры и искусств, на отделение культурологии. Именно здесь, по ее мнению, стало возможным расширить свой кругозор, познакомиться с культурами различных исторических эпох, что уже само по себе является нескончаемым источником вдохновения. В поисках своего стиля Амина пробует силы в разных жанрах: портрета, пейзажа, натюрморта. Любимое направление в искусстве – импрессионизм, авангардизм. В последнем Амине нравится работать особенно: «Авангардизм позволяет выходить за пределы традиционных границ жанра, наделять запечатлеваемые образы чувствами, передающими мое настроение или представление о том, что чувствуют герои, изображенные на картинах». Одним из таких впечатляющих примеров «расширения сознания» в цвете стали необычные работы художницы под названием «Черепки времени» и «Девушка в славянском свадебном костюме».

В настоящее время Амина работает в Детской художественной школе №1 в Грозном в качестве педагога дополнительного образования. Первое знакомство широкой публики с ее художественными работами состоялось в этом году на Молодежной выставке, открывшейся 1 марта в грозненском музее им. А.А. Кадырова на аллее Славы. А 8 марта – на приуроченной к празднику выставке в городском Центре современного искусства.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Листопад», 2 стр. – «Черепки времени», 3 стр. – «Девушка в славянском свадебном костюме», 4 стр. – «Горный пейзаж».

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Руслан Юсупов (1955). Филолог по образованию. Много лет проработал в сфере журналистики. Победитель целого ряда профессиональных конкурсов республиканского, регионального и международного уровня. Лауреат премии Интеллектуального центра Чеченской Республики и обладатель «Золотого пера» на международном конкурсе журналистов им. А.А. Кадырова. Стихи пишет со школьных лет. Печатался в газетах и журналах. Выпустил 2 поэтических сборника «Дорога из ада» и «Огонь души». Член Союза писателей России. Награжден медалью Лермонтова за пропаганду миротворческих идей в литературе.

Мадина Сакаева (1951). Родилась в Карагандинской области Казахской ССР. В 1968 году окончила СШ №1 п. Мирный Курского района Ставропольского края. Пишет стихи, очерки на чеченском языке. Художник. Публиковалась на страницах республиканских газет, в журналах «Орга», «Нана», «СтелаИад».

Иса Окаров (1952). Родился в Семипалатинской области Казахской ССР. Учился в Ростовском госуниверситете на факультете журналистики. В 1990 г. Окончил Литературный институт им. Горького (семинар «Художественный перевод»). Член Союза журналистов СССР (РФ) с 1981 года. Работал на республиканском телевидении, в редакциях газеты «Заветы Ильича», журнала «СтелаИад». Опубликованы его переводы чеченских авторов (М. Ахмадова, М. Бексултанова и др.) на русский язык.

Супьян Халидов (1953) Родился в селе Полтавка Северного Казахстана. Окончил среднюю школу в с. Девкар-Эвла (Толстой-Юрт). Окончил ЧИГУ. Работал учителем чеченского языка и литературы, русского языка и литературы, корреспондентом газеты «Нефтехимик», редактором Чечено-Ингушского телевидения. В настоящее время – учитель чеченского языка и литературы в гимназии №7 г. Грозного. Публиковался на страницах местных периодических изданий, коллективном сборнике «1уйренан аьзнаш» («Утренние голоса»).

Асламбек Якубов (1958). Окончил ЧИГУ. Пишет стихи. Был членом литературного объединения «Прометей». Работал на разных должностях в Министерстве Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации. В настоящее время возглавляет пресс-службу Министерства труда, занятости и социального развития ЧР.

Иса Гунаев (1972). Родился в с. Гуни Веденского района ЧИАССР. В 1987 г. окончил Садовскую СШ (Ставропольский край), в 1989 г. – Аргунское ПТУ-30, в 2001 г. – Вольское ПТУ-5 (Саратовская область). Публиковался на страницах журнала «Вайнах», в республиканских газетах. Автор книг «Завтра солнце все равно взойдет» (2009), «Чат» (2011).

Малика Гайсултанова (1961). Образование среднее специальное, в начале 80-х гг. окончила Серноводский техникум. Пишет стихи со школьных лет. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Саид-Альви Лудуев (1954). Родился в Киргизии, в поселке Хайдаркан. В 1987 году окончил Свердловский юридический институт, факультет правоведения. Работал в МВД СССР с 1980 по 1992 годы. С 1992 года по 2003 гг. – в судебной системе судьей. В настоящее время судья в отставке, работает консультантом аппарата Уполномоченного по правам человека в ЧР. Пишет публицистические статьи с 1972 года. Публиковался в свердловской газете «На смену», «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», а также в республиканских СМИ: в газете «Вести республики», «Молодежная Смена», «Зори ислама», «Гумс», «Терская новь», «Слово народа», в журналах «Нана» и «Вайнах». Автор трех книг: «Геноцид чеченского народа», г. Махачкала, 1996 г., «Чечня: былое и думы», Гудермес, 2005, «Конец двадцатого», г. Хасав-Юрт, 2008 г. Член Союза писателей России.

Абдулла Гапаев (1941). Театровед. Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии в 1964 году. Пишет театроведческие статьи. В центральной и республиканской печати публиковался с 1964 года (в газете «Правда» и многих других). Автор более 200-т театроведческих публикаций.

Муслим Гапуев (1965). Родился в г. Грозном. Окончил нефтепромышленный факультет Грозненского нефтяного института. Писать рассказы начал после окончания первой войны 1994-1996 гг. Его статьи, очерки, рассказы публикуются на страницах республиканских газет. В журнале «Вайнах» его рассказы впервые опубликованы в январе 2008 года.

Лидия Довлеткиреева. 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», доцент кафедры русского языка ЧГУ. Журналист, литературовед и критик. Кандидат филологических наук. Участник Вешинского форума молодых литераторов ЮФО (2005), 1-го, 2-го и 3-го Семинара молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Нальчике (2008), Майкопе (2009), Домбае (2010), Цее (2011), VIII, IX и X Всероссийских форумов молодых писателей и критиков в Липках (2008-2010), стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России» (2008). Лауреат премии журнала «Вайнах» (2008). Публикации – в республиканской прессе, «Литературной газете», журналах «Дон», «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Волга XXI век» «Литература Юга России» (Краснодар), сборнике научных трудов КБГУ «Текст и гуманитарный дискурс: вчера и сегодня» и др.